

**АЛЕКСЕЙ КОСАРЬ,
ПОЭТ, ЖУРНАЛИСТ**

**на страницах газеты «Кузбасс»
(и не только): Часть вторая**

К 100-летию газеты «Кузбасс» и 60-летию
создания Союза писателей Кузбасса

Краткая биографическая справка

Косарь Алексей Васильевич

1919, село Русаловка, Черкасский уезд, Киевская губерния, УССР – 30 января 2010, Одесса, Украина.

Фронтовик, инвалид войны, майор запаса.

Кемеровский журналист и поэт.

В 1969 году по состоянию здоровья переехал в Одессу.

Структура презентации

- 1. СТИХИ.**
- 2. СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.**
- 3. РАССКАЗЫ.**
- 4. СТАТЬИ О НЁМ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ.**

ПРИМЕЧАНИЕ:
*материалы даются
в хронологическом порядке.*

<h2>Кузбасс</h2> <p>Прометрии всех стран, соединяйтесь!</p> <p>Орган Кемеровского обкома в городе ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся</p> <p>299 (5725) 30 ДЕКАБРЯ 1945 г., воскресенье Цена 20 к.</p>	СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:	
	1 СТРАНИЦА ПЕРЕДОВАЯ — РЕЗУЛЬТАТЫ СОВЕЩАНИЯ ТРЕХ МИНУТОВ ТРЕСТ «КЕМЕРОВОТОЛЬ» ВЫПОЛНИЛ ГОДОВОЙ ПЛАН В ОБЪЕМЕ АКЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОДЕЙСТВИЕ В ЧАСТИ ВЫБОРОВ В РЕГОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ СССР.	2 СТРАНИЦА А. МОКОВЕВ — ВОЙНЫ-АГИТАТОРЫ НА ИЗБИРАТЕЛЬНОМ УЧАСТКЕ.
	4 СТРАНИЦА СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОМ ЗАИМСТВОВАНИИ В СИБИРСКОЙ, ЯРАНСКОЙ И БИЙСКОЙ ОБЛАСТЯХ. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАИМСТВАХ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ. ИНОСТРАНЦАМ ИНИЦИАТИВНО В. КАСТЕРОВИЧ — МАЛЕНЬКИЙ БЕЛЫТОП: СОСНЫ ПИЩАТ... КОММЕНТАРИИ НЕЛЬЗИНИ В ЧАСЫ ОТДЫХА.	

Соль древнего моря

На широком заводском дворе, в коридорах кипит жизнь людей, аппаратов, машин. Гремят взрывы. Это рвут слезавшуюся в отвалах соль. Ее кристаллики блестят, переливаясь в лучах восходящего солнца. Груды соли ничем не отличаются от снежных сугробов. Но каждый килограмм ее на учете. Вся суть жизни завода, «соль» ее — вот в этой соли. Заход, как великан, за день поедает несколько вагонов соли. Без соли ему не жить.

Обыкновенную, поваренную, ту, что мы употребляем в пищу, соль на завод привозят издалека: из Соликамска, Павлодара, с Аральского моря. Там миллионы лет тому назад на дне древнего моря, по берегам которого росли величественные папоротниковые леса, крушилась за крушиной осаждалась она и каменела. Древнее море ушло. На его месте раскинулись беспредельные равнины Казахстана и Западной Сибири.

Люди добывают соль и возят на завод, который засасывает соль отласт человеку все свои богатства.

Раздробленная соль загружается в бак. На других заводах он огромным резервуаром возвышается над землей. Соль туда подается специальными механизмами, которые часто капризничают и приносят много неприятностей.

Здесь поступили проще: бак закопали

в землю и соль обрасывают в него лопатами. В баке соль растворяется. Рассол, после многократной очистки и осаждения, подается в самый низкий цех.

По виду своему он ничем не отличается от ржи. Но ни сена, ни соломы в «риге» нет и не было. Длинными рядами, как по команде, выстроились бачки, похожие на те, из которых мы пьем кипяченую воду.

В баки по трубам заливают раствор соли. Тут-то она, под действием магической силы электричества, и начинает отдавать свои несметные богатства, хранимые миллионы лет.

Выделяются два газа: один необычайно чист и летуч, другой — зол настолько, что, пусть его по железным трубам — через два часа раз'ест их, прогрызет дырки и улетит. Но люди сделали для него особые коммуникации: керамические или графолитовые. Затем злой газ укрощают, высушивают и уже по железным трубам передают в другой цех. Там из него делают безобидные и полезные вещества.

Одно из них — прозрачный, как вода, — прекрасный растворитель лака, мазута, красок. Им же обрызгивают виноградники, уничтожая насекомых — вредителей. Другое вещество — бесцветная, вязкая жидкость, которой пропитывают железнодорожные шпалы, чтобы они не гнили. На третье вещество спрос безграни-

чен: артеки берут для болудки, паровозные депо и электростанции — для очистки котлов; ни одному химическому заводу без него не обойтись.

Наконец, укрощенный газ, соединившись с другим, шестунающим из соседнего завода, дает белый, как снежные хлопья, нашатырь, так необходимый для паяния и фотографии. Завод может обеспечивать нашатырем всю Сибирь.

Злой газ не любит людей. Стоит ему где-нибудь прорваться, сейчас же выгонит человека на мороз. Но аппаратчика не боится его. Он спокойно ходит между рядами бачков с противогазом через плечо. Чуть-что, маска на лице, и злой газ будет усмирен.

Аппаратчик зорек, как часовой. Несколько человек обслуживают сотню аппаратов, а каждый надо осмотреть раз в десять минут, иначе — авария.

Отдав газы, соляной раствор еще не исчерпал своих богатств. В бачках осталась жидкость. Ее направляют в соседний цех. Там в двух аппаратах она кипит, потом с большой скоростью движется по трубам третьего аппарата, после очистки становится мыльной, чуть-чуть голубоватой.

На нее спрос тоже немалый. Она необходима в мыловарении, обезжиривании, почти в каждой химической реакции.

Так соль древнего моря отласт свои богатства.

А. КОСАРЬ.

Кузбасс

Пролетария всех стран, соединитесь!

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся

229 (5954).

17 НОЯБРЯ 1946 г., воскресенье.

Цена 20 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 СТРАНИЦА

ПЕРЕДОВАЯ — ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН ЛЕОЗОВА ГОТОВОК — БОЕВАЯ ЗАДАЧА КУЗБАССКИХ ЛЕСОУБОЕВ.
СЕГОДНЯ — ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕКУЗБАССКИЙ ДЕНЬ КРАСНЫХ ОБОЗОВ.
ОБЛАСТНАЯ ДОСКА ПОЧЕТА. ВЛАГОУВАЖИТЕЛЬНЫЕ ПРОСЬБЫ ТИМОФЕЕВА И АРАНАСИЯ КОЙКОВА.
ЛО СБОТОКОМУ СОЗУ — НАКАНУНЕ ДНЯ АРТИЛЛЕРИИ.

2 СТРАНИЦА

ПАРТИЯНАЯ ЖИЗНЬ. А. ФИЛИН, Л. МИЩЕНКО — АНЖЕРО-СУДЖЕНСКИЙ ГОРКОМ ПАРТИИ

ПЛОХО РУКОВОДИТ ПЕРВИЧНЫМИ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯМИ.

РАЗВИТИЕ СОБСТВЕННОЙ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ — ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КУЗНЕЦКИХ МЕТАЛЛУРГОВ.

А. ПУДЕЛЬ — СОБЛЮЖЕНИЕ ПРАВИЛ ГОРНЫХ РАБОТ — КЛЮЧ К ПОДЪЕМУ ДОВЫЧКИ РУДЫ.

К. ЧЕРКАШИН — ЗА ТЕХ, КТО В МОРЯШЕБЕ СА Б. ЛАВРЕНЕВА В ОБЛАСТНОМ ТЕАТРЕ ИМ. ЛУНАЧЕНКО.

Е. ПОПОВ — НЕЗАМЕНИМЫЙ СИДОРОВ (МАЛЕНКИН ФЕЛЬТОН).

3 СТРАНИЦА

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА. А. ВОЛОШИН — ОБИДА (РАССКАЗ). М.Х. НЕБОГАТОВ, В. ГЕРАСИМОВ, А. ПОЛОЗОВА, В. ОЛГИН — СТИХИ.
А. КОСАРЬ — КЕМЕРОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУППА.

4 СТРАНИЦА

НА СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ.
ФРАНЦУЗСКАЯ КОМПАРТИЯ ОБ ИТОГАХ ВЫБОРОВ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.
ПО КУЗБАССУ.

Кемеровская литературная группа

В начале октября прошлого года при редакции областной газеты «Кузбасс» организованная литературная группа. Она объединила молодых авторов, пробующих свои силы в литературе.

Члены литературной группы решили, что не следует ожидать, когда откуда-то придет местная литература, чтобы создать местную литературу. Мы сами должны и можем положить ей начало.

Нечего и говорить: цель благородная, великая и ответственная. Шахтеры, металлурги, химики, многие труженники городов и сел Кузбасса заслужили право стать героями романов, повестей, пьес, рассказов, поэм и песен. Едва ли где в другом месте нашей страны так сконцентрированы богатства природы и красоты природы, как в Кузбассе. Непротивучно богатейши тем, которых хватит для десятков книг в Кузбассе больше, чем в любом другом месте.

На первом же собрании мы решили каждую неделю проводить литературные «среды» и договорились подвергать все наши произведения самой беспощадной критике.

Впоследствии выяснилось, что такая форма работы «литсреды» правильная. На «средах» разрабатывались новые произведения кузбасских авторов и независимо от того, кем они написаны, члены литературной группы высказывали свое искреннее мнение, критикуя недостатки и отмечая положительные стороны.

Нельзя сказать, что такой прямой подход к вещам был по душе всем литсредникам. Некоторые из них вскоре «не выдержали» критики и покинули нас. Скажем прямо — с их уходом литературная группа ничего не потеряла. Больше того. Она избавилась от людей, которые пыта-

лись сблизить ее с принципиальным направлением.

Нет надобности называть имена авторов, которые оставили нашу литгруппу только потому, что испугались критики. Они, особенно те из них, которые понастоящему любят литературное творчество, поймут в конце-концов ошибочность своего поведения и непременно в будущем перестроятся в своей работе над художественными произведениями.

Но в литгруппе были и такие, как П. Чех. Он проявлял исключительную невосприимчивость к замечаниям критического порядка, мог и уметь выслушивать только похвалы. Когда же литгрупповцы подмечали в его произведениях голый формализм, указывали ему на двусмысленность образов, Чех старался не замечать своих противников.

В чем главный недостаток произведения П. Чеха? Внутренняя пустота. Безидейность, аподитичность его стихотворений прикрывалась нарядной внешностью: звенящими гласными, яркими образами, оригинальными рифмами.

Эти, чисто формальные, стороны стихов подкупавшие действовали на участников литературных «сред». Мы в свое время, до выхода в свет постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», не смогли до конца вскрыть ошибку Чеха и указать на них автору. Этим обиделись и поведение в печати его стихотворения «Лист клевоый», в котором, кроме праздного любования пустыми мелочами, ничего нет.

С первого дня своего существования наша литературная группа вычленила молодых авторов на кузбасские темы. Разговорами об этом богаты были почти

каждая «литсреда», почти все ее участники признавали и даже горячо поддерживали мысль о создании художественных произведений, посвященных Кузбассу.

Но, к сожалению, темы Кузбасса, его стремительного роста, героических подвигов в годы Отечественной войны, предстоящего гигантского развития — привлекались к ним в основном в предпринимательском отношении. В нем личина такого разрыва между нашими стремлениями и тем, что мы успели сделать?

У нас, членов литературной группы, в творчестве молодых поэтов и прозаиков преобладали лирические мотивы. При чем это — не гражданская лирика, полнокровная, жизнеутверждающая, а витниная, замыкающаяся в узкий мирок, заслоняющая современную кипучую действительность.

Нечем повторять, что никчемность такой лирики давно разоблачена и отвергнута советской литературой. На кемеровских «литсредах» не раз критиковали М. Небогатова за стихотворения, в которых он смотрел на окружающий мир сквозь призму тоски и грусти о потерянной или «неиспользованной» любви. Небогатов допускает свою ошибку. В этом можно убедиться по его последним стихотворениям «Мялинизм», «Другу-физику-турнику», «М. Горький», «Страна и земля», где «еще хоть и не без союзов рисует жизнь правдою, реалистически».

Сейчас М. Небогатов работает над циклом стихов о настоящем и прошлом города Кемерово.

Г. Замiatин (из Прокопьевска) мы не помогли расстаться с настроением одиночки-отшельника, который не может найти места в обществе и замыкается в себе. За сознательно языка ее стихов, меткостью образов мы не сумели рассмотреть главного — уподобления героя, обоченности лирического героя Замiatиной.

Постановление ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» открыло нам глаза, и только тогда мы увидели ошибку Замiatиной.

Цепкость, с какой оба держится за литературное творчество, знание шахтерской жизни позволяют надеяться, что Замiatин создаст больше, современные, нужные произведения. Об этом говорят первые главы поэмы о шахтерах Кузбасса, о борьбе за уголь в годы Отечественной войны.

Есть недостатки в творчестве и других членов литературной группы.

Так, В. Ольгин, один из самых зрелых кузбасских поэтов, подчас увлекается формой в ущерб искренности и простоте стиха. Гибкие и мускулистые строки его иногда теряются в длиннотах (поэма «Старик»).

Но В. Ольгин умеет откликаться на важнейшие события в жизни нашей страны. Его газетные стихи злободневны, целеустремленны, доходчивы. Параллельно работе над поэмой «Старик», посвященной потомственному шахтеру, В. Ольгин закончил цикл стихов о Горном Шорле.

Достойно успел зарекомендовать себя Д. Сергеев «Водопад», «Родина», «Золотой Китай» — стихотворения, показывающие незаурядные способности Сергеева. Скупо, но точно и выразительно передает автор чувства советского человека, знающего, за что он любит свою родину.

Особенно похвально, что в творчестве Д. Сергеева стремление отобразить природу Кузбасса, показать его богатства.

Стихотворения А. Полозова в основном грешат недоработками. Но автор настойчиво берется за разработку местных тем и при более серьезном отношении к своим стихам может добиться успеха.

Прозанки составляют меньшинство нашей литературной группы и живут они (кроме А. Волошина) непрестительно мало.

Д. Уольцев за время существования литгруппы дал три рассказа и столько же очерков. Судя по «Старой штольне», «Поезде в Альберте», Уольцев за авторскими деталями иногда теряет основную тему произведений. В «Старой

штольне», например, на описание черепашки он тратит почти четверть всего рассказа. Между тем Уольцев взялся за серьезнейшую тему: запечатлеть в своих очерках историю развития угольного Кузбасса.

А. Волошин (из Сталинска) своими рассказами и новеллами доказал, как много можно сделать, черпая материалы из сегодняшней советской действительности. С первого рассказа «В ночь под звездой», напечатанного в газете «Кузбасс», до «Отца на шахте», «Белой ласточки», «Нельзя умирать», «Обида» и «Русого парня», Волошин приподнял, живо и выразительно показывает жизнь простых советских людей. Силою рисует запоминающиеся и близкие нам образы, психологически верно объясняет поведение своих героев, Шахтер и горячак, разведчик и санитарка, вчерашний воин, возвратившийся на стройку, — главные герои его произведений.

Русский офицер, Волошин в рядах передовых частей Советской Армии прошел большой путь до Эльбы и вернулся на родину, смело и броско, одинаково любовно и успешно рисует как солдата, так и шахтера. Знание своих героев до душевных тайн позволяет Волошину всякий раз по-особенному, но всегда с выгодной стороны, показать рядовых людей — защитников родины, трудолюбивых создателей.

Однако, в произведениях А. Волошина проскакивают схематичность в изображении героев, надуманность положений («За своим камнем»), излишняя стилизация языка.

Наряду с плодотворной работой над очерками и рассказами, Волошин продолжает роман о кузбассовце — участнике Отечественной войны.

И. Валибулов пишет о первых строителях Кузбасса. И. Романов — о шахте имени Сталина. Н. Шухьяков хочет отобразить замечательный путь передового колхозника химиков.

Кемеровская литературная группа, взявшись за трудное дело, побеждаемо верит, что кузбасскую литературу можно и нужно создавать. Партийные и советские работники в городах и районах нашей области, особенно местные газеты и радиовещание, должны помочь начинающим поэтам и прозаикам выйти на правильный творческий путь.

Естественно тяга, которую испытывают многочисленные авторы к нашей литературной группе.

К. Григорьев и В. Герасимов (из Сталинска) прислали свои произведения для обсуждения на литературных «средах». Судя по басням и лирическим стихотворениям, К. Григорьев обладает тонким юмором, владеет разнообразными формами стиха. В произведениях В. Герасимова чувствуется острая наблюдательность. Немногими словами он умеет рассказать о значительных событиях. Но выводы его не всегда правильны, и литературная группа указала автору на его ошибки.

Н. Горчаева пробует свои силы в нескольких жанрах. Участники «литсреды» обсуждали ее очерки, пьесы, рассказы, первую половину фантастической повести о Кузбассе. Несмотря на многие недостатки, произведения Н. Горчаевой дороги своей простотой, жизненностью, важностью повествования.

Нам кажется, что пришла пора, когда необходимо сблизить начинающих поэтов и прозаиков Кузбасса и объединить их, создавая и выпуская «Альмагаст» (как сделали ставлягратлы и воиновозроацд-ция), ускорив этим начеваешие рождение нашей кузбасской литературы.

Партия и правительство прилагают исключительно важное значение литературе, и надо сделать все возможное, чтобы у нас были художественные произведения, достойные Кузбасса.

А. КОСАРЬ,

// Кузбасс, 1946, 17 ноября, с. 3.

Кузбасс

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов трудящихся

№ 92 (6334). | ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 МАЯ 1948 г. | Цена 20 коп.

Молодые голоса Кузбасса

Вековая глущь сибирской тайги, непролазные болота горных долин преобразены до неузнаваемости: превращены за годы советской власти в цветущий край, в кладовую несметных богатств. Сердце обновленной Сибири — Кузнецкий бассейн — стало таким могучим, что его живописное биение чувствует вся необъятная Родина.

Кузнецкий уголь в годы Отечественной войны кормил почти все заводы страны, кузнецкая сталь грохотала во всех битвах от Сталинграда до Берлина. В послевоенное время Родина черпает из Кузбасса многое для восстановления хозяйства и победного шествия к коммунизму.

Яркая социалистическая действительность способствует бурному росту и развитию советской литературы. На страницах газет и журналов встречается много новых имен. Лучшим из молодых поэтов Николаю Грибачеву, Алексею Педоголову, Максиму Танку присуждены Сталинские премии. В краях и областях организовываются литературные объединения, создаются литературно-художественные альма-нахи.

О чем же пишут начинающие поэты Кузбасса?

Центральное место в произведениях начинающих поэтов занимает Родина. Ее досконально душевные чувства и мысли.

— Штурмуют окопы, сметая преграды,
Нома в январьскую стужу в снегах,
Шагая сквозь льдынь свиноводни...

Мы слово родное посели в сердцах,
То слово нас в стужу зимой согрело,
Нам путь освещало, как верный маяк,

пишет Семен Акишев из Ленинско-Кузнецкого.
С ним переключается Иван Мелых из Сталинска:

— Мы много фронтовых дорог
Прошли с боями в наступленье...
И я о ней забыть не мог
Ни наву, ни в сновиденьи.

Творческое лицо многих молодых поэтов начало формироваться в годы Великой Отечественной войны. Их стихи рассказывают о советских людях, не жалевших жизни ради спасения Родины. Советский человек всем своим существом связан с Родиной. Он обязан ей своим ростом и расцветом творческих сил.

— Отчизна воспитала нас,
Вселяла мужество и веру,
И мы, сыны счастливой эры,
Спаси Отчизну в грозный час, —
пишет Клыков из Ашеров-Судженска.

В самые трудные минуты жизни и в самую счастливую пору мы обращались к Родине. Бочаров в стихотворении «Два имени» пишет:

— Эту стень, что врагом не пройдена,
Мы, как женщину, стали звать,
Ибо с именем светлым — Родина,
Кровню слито другое — Мать.

Любовь к Родине у наших людей неразрывно связана с заботами о ее благополучии, о ее росте. Просто и искренне говорит об этом Небогатов в заключительных строчках своего стихотворения: «Бли мы служим штыком и стрелкой, строгим подъемом всей нашей жизни».

После окончания Отечественной войны наш народ взялся за восстановление разрушенного врагом хозяйства. Это не мог-

ло остаться незамеченным молодым поэтом.

— Разрушенное возрождал
И вновь возводил корпус,
Отчизна от края до края,
Оделась в бетон и леса, —
говорит Иван Мелых.

Еще и еще раз возвращается к мыслям о Родине Василий Афанасьев из Сталинска:

— Живешь и стоишь ты, как
вечность,

Бессмертные силы тая,
Я верен тебе безупречно,
Родая, Россия моя!

Мы получили возможность вернуться к мирному труду и продолжать строить наше счастье. Но мы знаем цену победы. Константин Бранчук из Кемерова говорит:

— Завоеванное кровью,
Жизнью, потом и трудом,
Мы с великою любовью
Сберегли и бережем.

Любовь к Родине и любовь к дорогому, близкому человеку сливаются вослед в стихотворении Василия Афанасьева.

Жизнь советского человека немалыми впе его деятельности. Естественно поэтому, что трудовая тема занимает в стихах молодых поэтов большое место.

Иван Мелых желает удачи строителям родного города:

— Пусть корпуса и стройки
пятитеток,
Рождаешь, поднимает небосвод,
Мы, выполняя Ленина заветы,
Идем за мудрым Сталиным вперед.

Константин Бранчук стремится передать в своих стихах трудовой порыв, который поднимает наших людей на новые подвиги:

— Посмотри, как растет, расцветает,
Наша Родина — край золотой.

Песня льется, зовет, не смолкая,
Нас на труд и на подвиг большой.
Материал для своих стихов Мелых ищет в Кузбассе, в семье угольщиков.

— Недаром по лавам и штрекам,
Как песни родной слова,
Идет о простом человеке
Заслуженная мова.

Еще и еще раз возвращается к мыслям о Родине Василий Афанасьев из Сталинска:

— Живешь и стоишь ты, как
вечность,

Бессмертные силы тая,
Я верен тебе безупречно,
Родая, Россия моя!

Мы получили возможность вернуться к мирному труду и продолжать строить наше счастье. Но мы знаем цену победы. Константин Бранчук из Кемерова говорит:

— Завоеванное кровью,
Жизнью, потом и трудом,
Мы с великою любовью
Сберегли и бережем.

Любовь к Родине и любовь к дорогому, близкому человеку сливаются вослед в стихотворении Василия Афанасьева.

Жизнь советского человека немалыми впе его деятельности. Естественно поэтому, что трудовая тема занимает в стихах молодых поэтов большое место.

Иван Мелых желает удачи строителям родного города:

— Пусть корпуса и стройки
пятитеток,
Рождаешь, поднимает небосвод,
Мы, выполняя Ленина заветы,
Идем за мудрым Сталиным вперед.

Константин Бранчук стремится передать в своих стихах трудовой порыв, который поднимает наших людей на новые подвиги:

— Посмотри, как растет, расцветает,
Наша Родина — край золотой.

Мы должны равняться по лучшим произведениям советских поэтов и рассказывать в своих стихах людям о них самих, об их взглядах, об их психологии, об их мыслях и делах, показывать человека думающего, деятельного.

Это-то как раз и нехватает большинству начинающих поэтов Кузбасса. Для многих стихов характерны мелкие чувства, внимание к бытовым линиям жизни, к случайным впечатлениям. Поневеле кажется, что многие наши начинающие поэты не связаны с жизнью, что они думают только о личных делах, заняты личными воспоминаниями, что они несерьезно относятся к своему труду.

Автором таких стихов хотелось бы напомнить слова Маяковского: «Сейчас все пишется и очень недурно. Ты скажи, сделал ли ты из своих стихов или пытаешься сделать оружие класса, оружие революции. И если ты даже скапнулся на этом деле, то это гораздо почетнее, чем хорошо повторять: «Душа моя полна тоски, а ночь такая лунная».

После постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» всем стало ясно, что бездейственность в поэзии может привести в худшем случае в мешанину пера, душа искусства. Только художник, который стоит на уровне переходных идей своего времени, может создать истинно великие художественные произведения. — писала газета «Культура и жизнь».

Об идее мы не должны забывать, когда пишем любовь стихотворение.

Но, помимо об идее, мы должны конкретно представлять ее себе. Поэт должен обогащать людей своим художественным осмыслением действительности, а не просто пересказывать всем известные истины, как это делают многие из начи-

нающих. Мы должны раскрывать образ нашего советского человека. И молодость литературная позволяет нам больше, чем кому-либо, дерзать, пробовать.

Ставя своей целью создать образ нашего современника, нельзя обойтись без показа его жизни, его деятельности. Общие слова здесь не помогут.

«Всякое чувство, — говорил Белинский, — и всякая мысль должны быть выражены образно, чтобы быть поэтически». И дальше: «Факты — ничто и одно знание фактов — тоже ничто. Все дело в разумении значения фактов, в том, как писатель переведет факт на идею».

Этого мудрого совета многие из нас, к сожалению, не придерживаются.

По, борясь за высокую идейность наших произведений, мы должны помнить, что как бы безупречно ни было произведение в идейном отношении, оно непонятно, если его художественные качества невысоки.

Поэзия — труднейшее из возможных занятий, — та же добыча руды, извлечение, добыча слова руды, тысячи тонн словесной руды».

Мы сможем создать поэтически произведение, достойное Кузбасса, нашей советской эпохи, только в том случае, если будем по слову, по строчке оттачивать свои стихи.

Начинающие поэты после областной конференции должны пересмотреть свое отношение к нашей действительности и работать над стихами, которые отразили бы величие Кузбасса и его стремительное движение к новому расцвету. Мы должны создать песню о Кузбассе, которую ждот от нас шахтеры, металлурги, химиксы — все трудящиеся нашего края.

А. КОСАРЬ.

Кузбасс

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов трудящихся.

5 марта
1949 года
СУББОТА
44 (6545).

Цена 20 коп.

Молодость

А. КОСАРЬ

что не знала, какая она будет — может быть, похожая на сестренку Галю, а может — еще лучше, если бы встала так же.

Чтобы хоть кто-то успокоится, от- вернулся от окна, уткнула лицо в подушку.

Но разве услышь? Разве забудешь, ся, если на маленьких веках закры- тый глаз, как на экране в кино, одна за другой сменяются картины жизни, встает все что видел, испытал и пере- режил в своей, казалось бы, короткой девятнадцатилетней.

Константина Яковлевича знали почти во всем Мсишчепском районе. Механик МТС, он умея проникать в тайны любого мотора, в селе не было такого дела, с которым бы при изло- бности не справился Константин Яков- левич.

«Все, что видишь — запоминай, всему учишь все пригодится в жизни. — Любила он говорить сыну, раскла- дывая перед ним части трактора или комбайна во время зимних ремонтов. И сын учился. Чуть свет — в шко- лу, а после обеда — к отцу, в мастер- скую или в кухню.

Вечером от матери попадало за то, что: «рубашка опять в машинном мас- ле, на тебя не изстираешься!» или «снова попрожигала в кухне джирки на штанах, только вчера штопала».

Приходило воскресенье. С чем его сравнишь?

Еще в субботу вечером принимал, ась за сборы.

— Готовься, Лея — отец прятал искорки смешинки в прищуренных глазах, — завтра пойдем за лесом. Я ее все, как есть, во сне видел. Встретим — обязательно узнаю.

По широкой лыжне отца бежать легко. Снег скрывается и взвизгивает под лыжами, напоминающая о морозе. Солнце еще карабкается лучами по веткам елов, выбираясь из-за леса, а сын с отцом — уже у понюжки дальней горы, где речонка Мянчаша прежде тем слитая с Урой, летящая по долу. К белым снежным павшам

на копках сена охотники подкрады, ваяется осторожно, с ружьями напе- ревец. Здесь плаутовна обычно лако- мится мышами. В овражке мелькнула, как язычок пламени, хвост огневки. Гринула выстрел...

Домой возвращались уставшие, но довольные. Через плечо у каждого — по лисе, а то и по зайцу в при- ладу.

Давно это было. Нахлынувшие воспоминания так и не давал Леониду уснуть. Мерещи- лись родные горы, покрытые лесом, будто медвежьей шубой; летела на- встречу снежная белзна, словно и впрямь алжи только что оторвался от трамплина; падали с неба саян- цинские капля разноцветных огней, и грохотал победный салют. Московы появлялись сестренки и братники, обступившие мать, когда она прова- жала его, самого старшего, в далекую дорогу...

Леонид подошел к раскрытому ок- ну и взглянул на просыпающийся город. Недалеко, возвышаясь над до- мами и деревьями, дымилась черная, конусообразная гора. Рядом с ней — вышка, «Терриконик и копер» — это первые шахтерские слова, которые узнал вчера от ребят Леонид.

Взглянул во двор общежития. Во- лейбольная площадка турник. Взгляд, ну и подумал: «Беговую дорожку тоже надо.» Обернулся — ребята спят, пришел из шахты ночью. Не будить же их скрипом дверей. В один прыжок Леонид очутился за окном.

III. Утром комсорт зашел в общежитие, заглянул в комнату, в которой оста- вил вечером новичка, увидела его лу- стую койку и сказал с досадой:

— Удрал все таки... Я в нем вчера — в шутку, а он и впрямь — пере- летная птица.

В комнате начали просыпаться шахтеры.

— Здорово, комсорт! — из-под белой

простыни показалась обнаженная до пояса фигура забойщика. Он хруст, нул, суставами, по рукам и по груди его забегали бугристые мускулы.

— Упустил новичка — упрекнул комсорт.

— А мы и не собирались его дер- жать. Порядочный человек никогда шахту не бросит. — раздалось в дру- гом конце комнаты. — В летунах не нуждаемся.

Парень тряхнул черными, как уголь, волосами и махнул рукой: — Да и новичко-то не очень... Ему бы в контуры, перышком скрипеть, а не в шахту.

Парень скривил губы, пожелал от утробной прохлады и потянулся за- крыть окно. Он взглянул во двор и замер. Внезапно обернулся и кри- нул так, что эхо прокатилось по ко- ридору.

— Да это же циркач! Забойщик и комсорт шагнули к ок- ну.

— Нет, вы поглядите, — не унимал, ся чернотоловый. — Как там это правятся?

Забойщик протер глаза: — Ого!..

Он хотел что-то сказать, но обсека. «Циркач» на турнике закрутился так быстро, что в глазах зарыбило. Вдруг он остановился на мгновение, отпры- нул от турника, вытянулся во весь рост и будто заведенный поплыл по кругу, подобно крылу ветряной мель- ницы.

Он и «солнце» может, как не легко дается «солнце» на турнике.

«Циркач» сделал еще один круг, выступил из рук турника и мягко спрыгнул на песок.

— Какой же это циркач! — Комс- орт узнал вчерашнего новичка. — Леонид! Здравствуй! А мы тебя поте- ряли.

Завидев ребят в окне Леонид сму- тился:

— Я попробовал ваш турник. Разве нехizia?

— Почему же? Можно. Для таких, как ты, турник в первую очередь. Будет время, и нас поучишь.

Пока Леонид возвращался со дво- ря, забойщик закрыл окно, переки- нул полотенце через плечо и уже с порога сказал, ни к кому не обраща- ясь:

— А я то думал — он лыком ши- тый... По виду не каждого опреде- лишь.

В словах забойщика комсорт по- чувствовал упрек. Но не обиделся. Вспоминал свой вчерашний разговор с секретарем райкома: «Не я ли сом- невался в новичке? Больше так не повторится...»

По дороге на шахту комсорт про- должал разговор, начатый еще вече- ром, расспрашивал Леонида, как жиа, где учились, что умеет делать.

— Почему же ты готовился в физ- культурники, а идешь в шахтеры?

— Так и не так. Шахтером я неф, ствительно хочу быть. А какой же из меня физкультурник? Просто любя, тель.

Леониду не хотелось показаться хвастуном, и он рассказывал комс- орту только самое несложное.

Конечно, обаялся комсорт в Сверд- ловске, там бы он узнал, сколько раз командан Леонид уезжал домой с подарками и призами: ни ола обла- стная спартакиада за последние годы не прошла без Леонида... Турник — что? Дай, ка алжи или ружье!..

— Кем же ты хочешь быть на шах- те? — Комсорт посмотрел в серые глаза Леонида, — по образованию те, бы легче выучиться на десятника вентилятора или подземного транс- порта.

— Нет, нет, — оирезал Леонид, — только в забой!

(Окончание следует)

— Можно?
— Входи...
Парень поставил у порога чемодан, в какую-то долю минуты оглядел ка- бинет, его хозяев, освоился в новой обстановке, подошашнему, просто и привычно убрал ружью прядь со лба, спрятав расческу и шагнул к столу.
— Мне бы секретаря горкома ком, сомола...
— Что у тебя? — Секретарь поднял, ся и встретил парня. — Что у тебя? — переспросил он.
— Желание.
— Какое?
— Хочу стать шахтером.
— Что ж, желание хорошее.
Незнакомец определенно нравился секретарю. Он тут же поискал в па- мяти, с кем бы из своих комсомоль- цев сравнить его, и спросил:
— Извалека?
— С Урала.
— Комсомолоц?
— Да.

И в то же время какой-то внутрен- ний голос подсказывала секретарю быть настороже: уж очень «легкий» на вид парень, чтобы пойти в шах, теми.

Документы у парня оказались в порядке, членские взносы уплачены до последнего месяца, хотя он закоп- чивал всего неделю назад. По ресек- цам парня, верилось в его жизнь и намерение.

— Вот комсорт самой большой шах- ты, — секретарь постарался сгладить сухость первых минут встречи, на- звал новичка по имени. — Знакомься, Леонид. Пойдешь с ним. Он поможет тебе устроиться на работу.
Но парень не уходил.

— Еще одна просьба.
— Говори.
— Пока ехал, истратила все до ко- пейки... — и тут же, как бы спохва- тился, боясь, что не поверят:
— Заработаю и отдам в первую же полуучку.
Нашлись и деньги.
Когда комсорт и парень ушли, ком- сомольцы, остающиеся в кабинете, пошмыгивали над секретарем:
— Плакала тыио денежки. Это — не парень, а птица в шахте крыльщи- ки обманывать не станет. Получил обмундирование, деньги — и поми- ная, как звали!
Вечером секретарь позвонил на шахту имени Кирова.
— Как новичок?
— Пока не удраа, — пошутли комс. орг.

— Я не об этом... — Секретарь по- пытался голосом — Перебьтани подтруни- вать! Скажи лучше, на какое место парня послать. Ему же все — в но- винку. Помочь надо.

— Не думал еще... — сознался комс. орг. — Я сводил его в столовую, устроил в общежитие, пусть отдохнет с дороги. А нечет работы завтра с ребятами посоветуюсь.

На прощание комсорт все таки с'я вна:

— Зачем торопиться? Может быть, к утру и след новичка протынет.

II.

Леониду не спалося... Предутренняя прозрачная голубизна выдалась в окно, но тревожа никого из спящих. Леонид, не мигая, смот- рел на нее, как в чистые глаза лю- бимой, которую он столько раз хотел представить себе и не мог, потому

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся.

№ 48 (6549). ПЯТНИЦА, 11 МАРТА 1949 года. Цена 20 коп.

Молодость

(Окончание. Начало см. в № 3 марта)

IV.

Чем ближе подходишь к шахте, тем тревожнее становишься на душе у Леонида.

«Смогу ли?» — думал он. Это была не та тревога, которую испытывала выжаренный пострепанный Аленка, когда впервые отправлялся в поле прицепником: еще зимой в мастерской отца он прикинул к трактору, не закружился ли даже от самых оглушающих выхлопов не сводила глаз с пауга, остающегося за собой сразу пять глубоких борозд.

Весенний ветер, приятный от запаха трав и полевых цветов, успокаивала тогда, а сейчас тревога росла.

«Какая-то она, шахта?» — слышался представлять себе Леонид.

Может быть, ему приходилось чувствовать, что-нибудь подобное в ту незабываемую минуту, решившую участь самых мягких вьюх стрелок всего района? Тогда он вдыхал полноту гудящего пороховым дымом воздуха, медленно выдохнул и поднял на ишук черной кружочек мишени, осторожно нажал спусковой крючок. Минутная тревога растворялась в радости. Никто из ребят не вышиба стол — отков Леониду дали рубашку — первую премию срезаюна.

А ничто не до премий.

«Только бы не опозориться!» — тревожился он.

Разве сравнил бы Леонид с собой, вышедшей тревогой перед шахтой свое волевое, пережитое в то утро, оставшееся в памяти на всю жизнь. Кто еще из его одноклассников мог тогда управлять трактором? И не только управлять. Леонид принял в тракторную бригаду как равного. Хотя годик и рослом к тому времени он не вышел, но ни один трак-

торист не знал мотор лучше Леонида. Бригадир было чему удивляться: самого молодого тракториста к концу лета уже смело можно было ставить на комбайн штурвальным.

С того лета, а может, и раньше, Леонид начал быстро взрослеть. Приходилось ухаживать и за отцом, и за старшим братом, погибшим на фронте. У матери осталось пятеро, и Леонид считался опорой семьи.

Зимой — в школе, а летом — в поле. Много выбора он не хотел. У него хватало сил побороть любую усталость, прогнать ее от себя песней...

А сейчас — даже стыдно! — в незнакомом шахтерском городе он не мог унять непонятную тревогу. Шел и повторял про себя одно и то же:

«Смогу ли?»

Навстречу группами и в одиночку, не торопясь, шагали с шахты горняки. И ночной смены. Изредка они перебрасывались словами. Леониду казалось, будто каждый встречный видит в нем новичка, шахтеры говорят непрямое, но о нем.

В кругу идущих иногда рождалась острая шахтерская шуточка, звенела раскатыми смехом, вспыхивала огоньками в глазах, будто шутник доставал из-за пазухи кусочек соли, па и освещал им лица горняков.

Леониду казалось: шахтеры видят его несмелость и посмеиваются над ним.

— Вот и шахта наша, — сказала комсорг.

— О-о! А я думал — это клуб наш театр.

Леонид остановился, чтобы лучше оглядеться все вокруг. Широкая улица расстилается до самых стен двух-трехэтажных белых зданий. Как река неведомым островом умина разде-

ается надвое, охватывает асфальт и ведет к воротам шахты.

В середине цветущей поляны на высоком пьедестале — могучая, устремленная вперед фигура Кирова. Он заложил кепку в одной руке, а другую простер навстречу бесконечному потоку людей, приветствуя их.

Леонид взглянул в мужественное лицо и почувствовал, как исчезает тревога. Киров будто говорил ему:

— Смелее к цели! Любые трудности преодолим.

V.

— Значит, в забой?

— В забой.

— Не раздумал?

— Нет.

— Хорошо. Люблю решительных.

Гермоген Иванович Богданов, инструктор, которому поручили обучать новичков, приметил среди них смущенного Леонида. Парень завопил:

— Сделое слово шахтера, повторила точно, будто живая тень, кажное прижоние инструктора.

«Стой!» горняк не растолковывал вторично, как подготовил инструктор, до начала работы осмотреться и заброс, после отпаки убрать уголь и поставить крепление, Леонид по этому ходил в шахте за Гермогеом Ивановичем и тут же пробовал сам все узнавать, чтобы никогда не заблудиться.

Инструктор любил Леонида, хотя внешне ничем не выдавала своего особенного расположения. Учил его одинаково со всеми новичками, а журил, если приходилось, больше других.

Леонид потел и слово ловил на себе пристальный взгляд бывшего горнячка, чувствовал в его советах и расказах что-то близкое себе и детское. Только отец так просто и задушевно говорил когда-то об охоте, о тракторе, как Гермоген Иванович о шахте.

На прощание, перед тем как отступить Леонид в бригаду на самоучительную работу, учитель подарил своему лучшему ученику собственноручный инструмент. В последний раз

ветером заправил кайло, огладил лопату, нагочил топор, а утром передал Леониду, сказав расторопного:

— Возьми, сынок. Я доволен был инструментом. Пусть он и тебе понаслужит, как хозяину.

«Поглядели бы вы на меня сейчас», — писал Леонид на Урале матери, сестренкам и братишкам. — Я шахтером стал, уголь из-под земли умею добывать.

Он не упомянул о случае, который так было не обессадила молодого первоотбойника.

Это произошло на другой день после личностного прощания с Гермогеом Ивановичем. В зале, где вместе с другими шахтерами выжидал Леонид, началось такое, чего новичок никогда не видел: сверху зашуршало, слышно стойки задрожали, к ногам посыпались куски крова...

— Воргеня! — прокатился по залу толчок.

Кто-то метнулся прочь и скрылся в темноте.

— Стой!

За первым еще стремительнее вышел второй.

— Стой! Куда?

Госный мастер поймал беглеца за руку.

«Какой же ты шахтер? Освети с ног до головы испуганного Леонида, но руки не вытускал.

— Трус в шахте не работай!

— Пусть! — Леонид с силой рванул рукав. — Пусть! Не нужна мне вонша шахта. Все равно уберу!

Горный мастер молчал. Он подождал, пока лавя угомонится. Когда все вокруг стихло, осветил Леонида еще раз и сердито бросил:

— Не доржу. Иди попрощайся в дворники, там не строгим.

Леонид ушел.

А на другой день он снова был в зале, где лавя, Шахтеры шалили: никто даже не намекал о вчерашнем.

Только много месяцев спустя на лете стажировки горный мастер взял за руку уже естного навадо.

Партийная жизнь. Г. Виново — Настоячиво овладеть марксистско-ленинской теорией. Партийная хроника.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями передовиков сельского хозяйства Кемеровской области.

Н. Калашников — Кинь в Кузбассе.

3 СТРАНИЦА

А. Щепов — Новокузнецкие железнодорожники усердно борются за оборотных средств. Миллионы летят на ветер.

А. Косарь — Молодость.

4 СТРАНИЦА

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

7 СТРАНИЦА

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

Письма с шахт. Г. Барышев — Путаница на острове нормирований. Манус, Кутин и др. Почему не передождать решения под шапкой? Консультация «Кузбасс».

Отчет ВЦСПС на пленарном исполкоме Новокузнецкой федерации труда.

Приговор по делу шпионской группы в Богдари.

Выступления Мориса Тореза и Жана Дюкло. И. Пилгова — Весенняя ярмарка в Кемерово. В шахтерском физкультурном коллективе Хроника.

// Кузбасс, 1949, 11 марта, с. 3 (окончание).

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся

1 СТРАНИЦА

Передовая «Правды» — Выше уровень пропаганды марксизма-ленинизма!

Трудящиеся Кузбасса! Все силы на досрочное выполнение производственных планов.

А. Мищенко — Доклад товарища Маленкова вдохновляет на новые трудовые подвиги.

Лес — шахтам и стройкам Кузбасса.

День Родины.

2 СТРАНИЦА

Партийный журнал А. Таранова — Наш помощник пропагандистам.

П. Григорьев — В партийном кабинете Сталинского горкома ВКП(б).

За сильную радиотехнику.

Ф. Никитин — Правильно вести учет трудящейся. На почтх «Кузбасса».

3 СТРАНИЦА

А. Валиков — Многозабойный метод работы в на-

решка: Опыт бригады проходчика Н. Н. Сапаяев. А. Косарь — Алымбах «Сталинский Кузбасс».

О запрещении этого оружия и о международном контроле. Речь А. Я. Вышинского в Специальном политическом комитете 10 ноября 1949 года.

4 СТРАНИЦА

В странах народной демократии. За единую, миролюбивую, демократическую Германию. По Кузбассу.

Альманах „Сталинский Кузбасс“ Книга вторая

Вышла в свет вторая книга альманаха «Сталинский Кузбасс».
Альманах открывается очерком вице-президента Академии наук академика И. П. Бардина «Гурьевский завод».

Большую часть альманаха занимает окончание романа Александра Володина «Земля Кузнецкая» — неустанной творческой коллектив шахтера и его руководители — парторг Бондарчук и начальники шахты Рогов, неразрывно связанные друг с другом; Вали Евтохова, которую любит Рогов; комсомольцы-черепановцы, выращенные в могучую силу; семья Воиных; выдворяющаяся Тони Липинина.

Рогов — герой нашего необыкновенного времени.
Вали вспоминает, что в глазах Рогова не было никакого покоя: «Да и был ли в них когда-нибудь этот покой? Где бы Рогов ни находился, ему — не терпелось вернуться к работе». Он — истинный патриот. «Для меня существует один закон: благо моего государства», — говорит Рогов. Он видит, что жизнь снова делает огромный шаг вперед, и зовет всех не отставать от жизни. «Учиться ни в коем случае не бросать», — советует Рогов машинист электровоза, — а то завтра нам нечего будет делать на шахте». Он не устает повторять слова товарища Сталина: «Думать, что можно обойтись без механизации при таком темпе работ и масштабах производства, значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой».

Рогов зорко присматривается к новому и поддерживает его всеми силами. Он — прав, ненавидит тех, кто привык «схватать, вытаскивать только то, что поближе лежит». Он — экономный хозяин шахты.
Рогов беспощаден в своем отношении к тем, кто мешает двигаться вперед.

Но зато нет границ любви Рогова к настоящим советским людям, которым он отдает без остатка всего себя, когда не бывает равнодушным, постоянно зовет всех вперед, в любых вопросах он умеет разобраться, к нему, как и близкому другу, идут шахтеры за советом, у него находят ответы на вопросы работы, жизни, любви.
Бондарчук скоро «стал на шахте как-то незаметно незаменимым... Куда бы вы ни заглянули, к чему бы ни присмотрелись, без труда угадаете — здесь был, над этим думал парторг». Почти каждый герой романа, кем бы он ни занимался, будь то старший инженер, конструктор подземного комбайна, или молодой забойщик, недавний ученик школы ФЗО, — каждый думает, заботится о будущем.
— Простой шахтер, а какие думы его тревожат, представляет старший Воиных секретарь горкома партии. — Он за инженеров мучается, ему и с вождем хочется мыслиться, надеждками поделиться.
Перед нами завтрашние хозяева шахты — молодежь. Автор, как и герой его романа, представляет старшего поколения шахтеров, о любовно относится к молодым горнякам. Страницы, посвященные молодежи, — одни из самых ярких в романе. Они полны весенней свежести, устремленности вперед, жизнедеятельности.
Молодежь олицетворяется бригадой черепановцев. Это — по словам Данилова — «горячие, добрейшие парни». У них «прямые светлые души». Какой заботой окружают они своего товарища, которому трудно дается шахтерское мастерство! Как участвуют относятся они к его трудовой любви! Они вместе со Степаном не только в забое, но и у постели умирающей Тони Липининой. С ними Степан становится настоящим забойщиком. С ними он выраывает из обитий смерти свою любовь.
Взаимная выручка, взаимпомощь — характерны для целых коллективов

подчинение основной идее всего, начиная от яркого действительного пейзажа — к поэтическим образам — до малейших деталей, — вот что выгодно выделяет роман А. Володина о советских людях послевоенного периода.
В центре романа — неустанной творческой коллектив шахтера и его руководители — парторг Бондарчук и начальники шахты Рогов, неразрывно связанные друг с другом; Вали Евтохова, которую любит Рогов; комсомольцы-черепановцы, выращенные в могучую силу; семья Воиных; выдворяющаяся Тони Липинина.

Рогов — герой нашего необыкновенного времени.
Вали вспоминает, что в глазах Рогова не было никакого покоя: «Да и был ли в них когда-нибудь этот покой? Где бы Рогов ни находился, ему — не терпелось вернуться к работе». Он — истинный патриот. «Для меня существует один закон: благо моего государства», — говорит Рогов. Он видит, что жизнь снова делает огромный шаг вперед, и зовет всех не отставать от жизни. «Учиться ни в коем случае не бросать», — советует Рогов машинист электровоза, — а то завтра нам нечего будет делать на шахте». Он не устает повторять слова товарища Сталина: «Думать, что можно обойтись без механизации при таком темпе работ и масштабах производства, значит надеяться на то, что можно вычерпать море ложкой».

Рогов зорко присматривается к новому и поддерживает его всеми силами. Он — прав, ненавидит тех, кто привык «схватать, вытаскивать только то, что поближе лежит». Он — экономный хозяин шахты.
Рогов беспощаден в своем отношении к тем, кто мешает двигаться вперед.
Но зато нет границ любви Рогова к настоящим советским людям, которым он отдает без остатка всего себя,

когда не бывает равнодушным, постоянно зовет всех вперед, в любых вопросах он умеет разобраться, к нему, как и близкому другу, идут шахтеры за советом, у него находят ответы на вопросы работы, жизни, любви.
Бондарчук скоро «стал на шахте как-то незаметно незаменимым... Куда бы вы ни заглянули, к чему бы ни присмотрелись, без труда угадаете — здесь был, над этим думал парторг». Почти каждый герой романа, кем бы он ни занимался, будь то старший инженер, конструктор подземного комбайна, или молодой забойщик, недавний ученик школы ФЗО, — каждый думает, заботится о будущем.
— Простой шахтер, а какие думы его тревожат, представляет старший Воиных секретарь горкома партии. — Он за инженеров мучается, ему и с вождем хочется мыслиться, надеждками поделиться.
Перед нами завтрашние хозяева шахты — молодежь. Автор, как и герой его романа, представляет старшего поколения шахтеров, о любовно относится к молодым горнякам. Страницы, посвященные молодежи, — одни из самых ярких в романе. Они полны весенней свежести, устремленности вперед, жизнедеятельности.
Молодежь олицетворяется бригадой черепановцев. Это — по словам Данилова — «горячие, добрейшие парни». У них «прямые светлые души». Какой заботой окружают они своего товарища, которому трудно дается шахтерское мастерство! Как участвуют относятся они к его трудовой любви! Они вместе со Степаном не только в забое, но и у постели умирающей Тони Липининой. С ними Степан становится настоящим забойщиком. С ними он выраывает из обитий смерти свою любовь.
Взаимная выручка, взаимпомощь — характерны для целых коллективов

давинию мечту о постройке большого механизованного металлургического завода.
Только при советской власти появилась возможность реализовать надежды талантливого доменина.
«По гениальной мысли Иосифа Виссарионовича Сталина было начато строительство гигантского завода в далекой Кузнецкой тайге».
«Помощь, оказанную Гурьевским заводом Кузнецкострою, — пишет Иван Павлович Бардин, — нельзя недооценивать... Не будь Гурьевца, строительство Кузнецкого завода протекло бы медленно, а промедление было бы смерти подобно».
Когда гигант черной металлургии в Кузбассе вступил в строй, перед Гурьевским встали новые задачи. «Он должен был стать на вспомогательного завода заводом, производящим основную продукцию... Малые заводы имели права на большую жизнь не в меньшей степени, нежели большие».
Выдающемуся русскому технику Петру Ильичу Фролову посвящает свой очерк Н. Я. Савельев. Талантливый изобретатель 140 лет тому назад построил на территории современного Змеиногорска (Алтай) первую в мире рельсовую железную дорогу.
Историческая справка о Михаиле Волкове, напечатанная в альманахе, отвечает на вопрос: «Кто открыл сокровищницу Сибири — Кузнецкий каменноугольный бассейн?»
На основе исторических материалов доказано, что Кузбасс открыли не иностранцы, как утверждали буржуазные историки, а казачий сын Михаил Волков. В 1821 году он нашел и обследовал горелый каменный уголь в районе теперешнего Кемеровского рудника. Один из мощных пластов в Кузбассе до сих пор носит название Волковского.

Простые советские люди слонями Рогова предупреждают поджигателей новой войны: «Нет такой силы в мире, которая могла бы отнять у нас все, что мы по праву называем своим...наше большое счастье, нашу трудную советскую долю!»

Академик Иван Павлович Бардин в своих воспоминаниях о Гурьевском металлургическом заводе рассказывает его историю со дня возникновения.
В Гурьевске работал выдающийся русский доменин Михаил Константинович Кузаво. Он так и не осуществил в условиях царской России свою

В альманахе «Сталинский Кузбасс» № 2, 1949 г. Стр. 200, цена 7 руб. Изд. «Кузбасс», 1949.

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ „СРЕДЕ“

На очередной литературной «среде» Кемеровского областного литературного объединения при редакции газеты «Кузбасс» обсуждалась «Фронтная поэма» И. Чекмазова (Сталинск).

В скупых, сдержанных, полных силы и искренней взволнованности строках автор рассказывает о героизме советских воинов.

Мужественный, негибаемой воли комбат, читающий по глазам мысли свих бойцов, «настойчив, решителен, смел». Он подбадривает солдат, теплым словом согревает их, «как будто отец родной», ничем не выдавая большое личное горе.

«Но знали бойцы —

В кармане.

Лежит у него портрет:

Два мальчика

Петя и Ваня,

Восьми

и двенадцати лет».

Вся семья комбата сожжена врагом в родном доме.

«... И помню:

Не раз замечали —

Оставшись один,

Комбат

В глубокой отцовской печали

Ронял на портрет

Свой взгляд».

Комбат тяжело ранен. Бойцы, гремя наседающего врага, бережно несут своего командира, готового, если надо, держаться на занятом рубеже «до завтра... неделю... год».

Автор поэмы раскрывает величие духовного мира советских воинов, причины их непобедимости.

«...Было при нас оружие —

Такое

Не сжечь в огне! —

Сплоченность,

Единство,

Дружба

И верность родной стране!

Такое оружие наше

Не в силах

Ничто сломить! —

Ни танки,

Ни пушки вражья —

Бессмертно оно,

Как жизнь!»

Этими лучшими в поэме строками автор связывает события вчерашних дней с сегодняшней действительностью. Американским империалистам, угрожающим войной народам Советского Союза, не следовало бы забывать о безмерном превосходстве нашего солдата — защитника мира — над американскими разбойниками, вынашивающими бредовые планы порабощения всего мира. «Этим господам пора бы усвоить, что наш народ способен постоять за себя, постоять за интересы своей Родины, если понадобится — с оружием в руках» (Н. А. Булганин).

Автор заканчивает поэму картиной мирной жизни, заключая ее словами, выражающими твердую уверенность советских людей в своем завтрашнем дне.

«Фронтная поэма» И. Чекмазова не лишена недостатков.

По мнению всех участвовавших в ее обсуждении — слушателей областной партийной школы, журналистов, молодых поэтов и учащихся старших классов — нужно сделать более ясным сюжет поэмы, сократить многократные лирические отступления, добиться большей выразительности языка.

А. КОСАРЬ.

Приветствие всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б)
И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 278 (7035). | Воскресенье, 26 ноября 1950 года. | Цена 20 коп.

// Кузбасс, 1950,
26 ноября, с. 3.

Альманах „Сталинский Кузбасс“ в 1952 году

Кемеровская литературная группа, организованная при редакции газеты «Кузбасс» осенью 1945 года, а вслед за ней литературные группы, созданные в других городах нашей области, с первых дней своего существования занялись выявлением и собиранием местных литературных сил.

На страницах областных, городских и районных газет, в передачах по радио все чаще стали появляться стихи, очерки, рассказы местных молодых авторов, посвященные героическому труду наших земляков.

Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», вдохновившее советских писателей на создание высококачественных, художественно-полноценных произведений, помогло начинающим литераторам Кузбасса выбрать правильный путь для своего творчества.

Весной 1948 года состоялось первое областное совещание молодых и начинающих поэтов и прозаиков, на котором съехались более 50 товарищей. Это был уже не отрывочный друг от друга авторы-одиночки, а представители начавшегося литературного движения, имеющего ясную цель — создать книги о замечательных советских людях, которые построили по гениальному замыслу великого Сталина вторую Всесоюзную конюшарку, показать огромные преобразования, происшедшие за годы Советской власти, в Кузбассе.

Участники совещания молодых авторов организовали областное литературное объединение и предложили издать сборник наиболее зрелых произведений местных начинающих поэтов и прозаиков. Так родился альманах «Сталинский Кузбасс».

В трех вышедших из печати книгах альманаха выступило со своими произведениями более 50 авторов. Опубликованы романы и поэмы, пьеса, очерки о настоящем и прошлом нашего родного края, подборки и циклы стихотворений, песни, рассказы, легенды, записки краеведов, рецензии.

Альманах впервые начал печатать роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая», впоследствии удостоенный Сталинской премии.

Для нашего альманаха пишут авторы, живущие далеко за пределами Кузбасса. Читатели «Сталинского Кузбасса» познакомились с воспоминаниями о Гурьевском металлургическом заводе вице-президента Академии наук СССР академика И. П. Бардина, с историческими очерками «Первая в мире рельсовая дорога» и «Кузбасс» родина первого русского кокса», написанными работником Алтайского краевого музея Н. Я. Савельевым, с рецензией московского литератора М. А. Чингина на книгу шпорского писателя Ф. Чистякова «В долинах Мрас-Су».

На днях выходит из печати четвертая книга альманаха. По объему она больше предыдущих. Тираж ее достигнет 15 тысяч экземпляров. В альманахе — окончание первой части нового романа А. Волошина «Дальние горы», подборка стихотворений мастера Кузнецкого комбината Василия Афанасьева, контролера азотно-тукового завода Антонины Полозовой, Михаила Небогатова, Анатолия Козлова, Стихи Соколовской, рассказы Геннадия Молодцова «В американском городе», статьи В. Э. Попова «Менделеев о Сибири и дружбе России с Китаем» и другие произведения.

Редакция альманаха располагает рядом интересных рукописей. Приток их особенно увеличился в связи с предстоящим в марте нынешнего года областным совещанием молодых литераторов.

Проведенный в прошлом году конкурс на лучшее произведение малой формы, в котором участвовало свыше ста авторов, выявил новые имена. Электрослесарь Беловского завода А. Таранка прислал хорошие стихи о Родине, техник-строитель А. Варфоломеев написал заслуживающий внима-

ния очерк о лесозаготовителях, слушатель областной партийной школы А. Грохов предложил рассказ о простых советских людях, преобразующих своей родной горы.

О жизни шахтеров, об их борьбе за новые методы труда, за внедрение в производство наиболее совершенных горных машин, о дружбе и любви рассказывает в своей первой повести «Голубые огни» Геннадий Молодцов.

Редакция альманаха познакомилась с большим романом начинающего автора Ивана Лушкина. Это его первое крупное произведение, охватывающее значительный период в жизни сложившегося коллектива металлургов одного из сибирских заводов.

Большой интерес для читателей представляют творческие работы инженеров Кузнецкого металлургического комбината. Над новым вариантом повести о прокатчиках работает Н. П. Чирков, обрабатывает свои многочисленные записки И. И. Демин.

Шпорский писатель Федор Чистяков продолжает работу над повестью «В долинах Мрас-Су».

Стахановцам-новаторам, неустанно проводившим в жизнь свои усовершенствования, посвящен рассказ рабочего Пинянского цемента завода С. Прокопенко «Николай Чибуба».

В редакции альманаха много поэтических произведений.

Поэма Григория Угнюна «Во имя жизни» приводит нас в семью старого почетного железнодорожника, который потерял на фронте своего единственного сына и потечески заботливо воспитывает молодое поколение рабочих, готовых вместе со всем народом отстаивать до конца дело мира.

О борьбе за мир пишут в своих стихах зоотехник Мысовского района Евграф Есинов, Василий Любушкин, шофер станции Судженка Н. Бобылев и другие авторы.

Налич и подлинны первооткрывателей кузнецкого угля легли в основу поэмы Владимира Алексеева «Дорога к счастью». После обсуждения поэмы на одной из литературных «сред», где В. Алексееву было сделано много замечаний о недостатках и ошибках в композиции и языке произведения, автор дорабатывает поэму.

Очерк о комсомольцах комсомольцах и пьесу о шахтерах заканчивает Иван Валибаев.

В альманахе будут напечатаны очерки из истории Кузбасса, написанные Н. Я. Савельевым, эскизы врача М. С. Каплевич и ряд других произведений.

Редакция альманаха предостит значительно укрепить работу с молодыми авторами, строже и требовательнее относиться к произведениям, предназначенным для печати, обеспечить выпуск четырех книг альманаха в год. Не широк еще круг авторов, сотрудничающих в альманахе. Мало в нем участвует бывалых людей, стажеров предприятий, инженеров, врачей, преподавателей, которые бы могли создать новые разделы альманаха и обогатить уже существующие.

Конференция читателей, проведенная областной библиотекой вместе с литературным объединением, показала, что трудящиеся Кузбасса предъявляют к альманаху большие требования, внимательно следят за ним и беспощадно критикуют недостатки напечатанных в нем произведений.

Творческие встречи с читателями, широкие обсуждения произведений до их печатания, глубокая критика вышедших книг на страницах газет помогут улучшить альманах, объединить все литературные силы Кузбасса, создать художественные произведения, достойные великой сталинской эпохи.

А. КОСАРЬ.

Зам. редактора
А. С. ДРУЖИНИН.

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б), ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.

Гос. издательство
1952 год
ФЕВРАЛЬ
1
Пятница
№ 27 (7397)
Цена 20 коп.

ПРИВЕТСТВИЕ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА КОЛЛЕКТИВУ РАБОТНИКОВ МАГНИТОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА И ГРЕСТА «МАТ-НИГОРСТРОЙ» ПО СЛУЧАЮ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ СО ДНЯ ВХОДА В ДЕЙСТВИЕ КОМБИНАТА (1 стр.).
Новая линия Московского метро стартует в строй (1 стр.).
НА ПАРТИННЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ А. Максимов — Укреплять связь с авторами, И. Тубокин — Выше уровень партийного руководства (2 стр.).
А. Кашир — Об использовании художественной литературы в пропагандистской работе (2 стр.).

И. Булатовичев — Падение артели отговаривает не рож комсомольцев (2 стр.).
М. Чижов — Праздничные встречи одного строителя (3 стр.).
И. Фадеев — За дальнейшее развитие самостоятельности кружкового строя (3 стр.).
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ И. В. ГОГОЛЯ (3 стр.).
Возрождение обсуждения проекта конституции Польши Народной Республики (4 стр.).
События в Берне (4 стр.).
События в Трубе (4 стр.).

// Кузбасс, 1952, 1 февраля, с. 4.

Поэзия жизни

(О стихах В. Борисова)

Совсем недавно в редакцию областной газеты приходил робкий юноша и, смущаясь, показывал тетрадные листы, испещренные стихами. Он внимательно выслушивал замечания и по два, три, пять раз переделывал написанное.

Первое стихотворение Виталия Борисова, появившееся в «Кузбассе», порадовало читателя молодостью чувства, подкупающей любовью к завтрашней Волге, озаренной светом строящихся гидроэлектростанций.

Вслед за этим стихотворением стали изредка появляться в печати другие стихи начинающего поэта.

Прошло чуть больше года с той поры, как В. Борисов закончил Кемеровский колхозинженерский техникум и стал начальником смены в коксовом цехе Кузнецкого металлургического комбината. Значительно расширился кругозор начинающего поэта, окреп его голос. Теперь у него набралась толстая тетрадь стихов. С ними-то он и приехал из Сталинска в Кемерово.

Участники собрания кемеровской литературной группы были обаяваны свежим, образным, задумчивым словом В. Борисова. Для примера достаточно привести хотя бы одно стихотворение, в котором почти поэтически мало слова, но много чувств и мыслей.

«Ясный луч, как лист бумажный тонок,
В комнате разрезал полутьму,
И смеется радостно ребенок,
Танцует пухлячком к нему.
Словно знает сердце, что за шторой
Солнце озарит с вышины
Светлые огромные просторы
Гражданина солнечной страны».

Поэзией дышит также стихотворение «Яблоня», опубликованное в газете «Кузбасс». Яркими красками, с любовью нарисована яблоня, встретившая восход цветущем и похожая на девушку «в наряде розоватой». Она шелестит посеребренной листвою, цветы ее наполнены росой, ее вершина говорлива. Вся она — олицетворение весны.

Но не только внешний вид яблони привлекает взгляд. Он лишь служит основой для вывода, в котором заключена глубокая мысль. Яблоня солнечна, красива, радостна потому, что «иной жизни слабая весна на яблоню цветущую похожа».

Поэзия в стихах В. Борисова конкретна, как сама жизнь. В них нет общих рассуждений, выраженных штампованными фразами. Факты, детали, зорко подмеченные автором в обыкновенной повседневной жизни, звучат куда убедительней рассудочных высокопарных выражений.

Вот, например, стихотворение «На сплаве». Несколькоими строками очерчен образ сплавищика леса, который с высокого берега наблюдает, как река подхватывает и уносит бревно за бревном. Ничего особенного, кажется, нет в этом заурядном событии. Но вот автор начинает говорить о том, как обыкновенные бревна превращаются перед глазами сплавищика в законченную картину, и читатель сразу проникается уверенным к стихотворению. Вместе со сплавищиком и мы видим, как бревно становится

«То новым домом, пахнувшим тайгой,
То планером, парящим над равниной,
То гуляким мостяги по пути,
Но чаще тонко выточенной скрипкию,
Которую прижал к своей груди
Его сыншика с радостной улыбкой».

В стихотворении ни слова не сказано о счастливой, обеспеченной жизни, о радости, которая непостоянно поселилась в доме простого советского труженика, о том, что он смотрит на окружающий мир как хозяин. Ничего подобного не говорится. Но это чувствуется. В этом нас убеждает картина, нарисованная поэтом.

Взвонивших фраз написано стихотворение «Отец и сын». В нем тоже нет слов о новых небывалых явлениях в советской действительности, хотя именно этой теме оно посвящено. В стихотворении всего навсего рассказано, как отец с сыном сидит над конспектом и, словно между прочим, отец роится:

«Не пугаюсь своих я седин —
Все равно я к защите диплома
Подойду молодым, как мой сын».

И дальше:

«Через год я и сын — инженеры —
На завод наш любимый придем».

Нужны ли еще в дополнение к сказанному слова о молодости, которую переулачили нашим отцам Советская Отчизна?

На таких же типичных для нас, нигде прежде невиданных фактах, построено стихотворение «Вечер в селе». Молодежь и старики переполнили просторный зал сельского клуба. На ярко освещенной сцене идет опера.

«Груня, синеглазая девка,
Про любовь к Олегу поет».

Где, когда, в какой деревне раньше можно было наблюдать такую высокую культуру? Читатель сердцем разделяет с поэтом его вывод:

«Слышишь, голос?..
Что сказать тут можно?
Что культурно хлебороб живет.
Это над деревнею колхозной
Коммунизма светится восход».

В сборнике стихов молодого поэта много внимания уделено теме любви, чистой, большой, всеобъемлющей.

Вот бесхитростный рассказ о девушке-колхознице, которая за высокий урожай пшеницы удостоена ордена. Девушка влюбилась в приезжего тракториста. Но встречи их продолжались недолго: «Строить гидростанцию на Волге улетел веселый парень».

Радуйка породила грусть и тревогу не только в сердце девушки:

«И шумят осинки за рекою,
И теперь тревожится село —
Говорят, что будто стороною
Счастье нашей девушки прошло».

Но и то, куда уехал парень-тракторист, и то, какой заботой, человеколюбием, дружбой дышат слова «тревожится село» о судьбе девушки, — все это убеждает, что счастье не пройдет стороной.

Сколько искренней радости, задумчивого юмора в стихотворении «На свадьбе». Речь идет о том, как

«В новом доме, в солнечной квартире,
Нами же законченной вчера,
Мы справляли свадьбу бригадира
И подруги нашей, маляра».

Даже всем знакомые, обязательные на свадьбе вещи, выглядят по-новому в описании автора, потому что он черпает поэтические образы из сегодняшней жизни: «и вино гимнатское шумело, как степное море на Дону».

Но главная мысль в другом. Ее высказывает пожилой камешник, обращаясь к своим молодым друзьям: «В семейной жизни... главное — проверенный фундамент, главное — взаимная любовь».

Поэтический талант В. Борисова еще не окреп. В его стихотворениях попадаются немало слабые строки, неудачные словосочетания, вроде «Недалких дней мяжиные хребты», «Шаг наш каждый обоснован, вечен». Некоторые из прочитанных им стихотворений требуют серьезной доработки. Но при всем этом по-настоящему радует любовь к человеку, к труду, к Родине, которую исполнены ярко стихи молодого автора. Это делает их близкими сердцу читателя.

А. КОСАРЬ.

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.

№ 191 (7869).

Четверг, 13 августа 1953 г.

Пол. номер XXXI

Цена 30 коп.

РЕШЕНИЕ СЕССИИ ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР
ПРЕЗНАЧИТЬ НОВЫМ МОЛЮЩИМ ПОЛКМ ТРУДОВОЙ ДИ-
ПЛОМАТИИ И ТЕОРИИ ИНОСТРАННОГО СОВЕТА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1 стр.).

В Министерстве Внешних Связей СССР (2 стр.).

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ. И. Басина. Выше вышестоя-
щая роль комсомола. (Орденно-наборные партиями соби-
рают по плану № 5.7). В. Виноградов — Конференция чте-
тель газеты «Кубань» (2 стр.).Ю. Выходин, П. Юри — За личностные отношения
и коллективные выступления поэта (2 стр.).

Литературное искусство (2 стр.).

«Близкий «Кубань» поэт» может и должен стать
выдающимся предпринимателем. С. Савицкий. (Литературно-
художественное искусство «Кубань» (4 стр.).НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ. И. Азиев — Литературная
группа в Новосибирске (4 стр.).VI всесоюзный конкурс поэзии. А. М. Баринин
и В. В. Виноградов (4 стр.).Забывчивое детство во Фрагментах (4 стр.).
СПОРТ (4 стр.).

// Кузбасс, 1953, 13 августа, с. 3.

КУЗБАСС

Орган Кемеровского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся

№ 125 (8111).

Пятница, 28 мая 1954 г.

Год издания 33-й
Цена 20 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

РЕШИТЕЛЬНО ПОВЫСИТЬ ТЕМПЫ ПОСАДКИ КАРТОФЕЛЯ (1 стр.).
В соревнующихся областях (1 стр.).
Е. Поморцева — Соберем 60 тонн картофеля с гектара (1 стр.).
П. Аносов — Неоправданная медлительность (1 стр.).
В честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. (1 стр.).
ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ. Н. Дубинин — Партибюро шахты и новаторы (2 стр.).
Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о награждении многолетних матерей орденами «Материнская слава» и

медалями «Медаль материнства» (2 стр.).
А. Косарь — Начало пути. Первый сборник стихов В. Измайлова (2 стр.).
РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ. Усилить помощь города селу (3 стр.).
А. Филиппова — Правильно расходовать средства на капитальное строительство (3 стр.).
А. Горных — Новое побеждает (3 стр.).
Письма шахтеров (3 стр.).
Речь товарища К. Е. Ворошилова на третьем съезде Венгерской партии трудящихся (4 стр.).
Чрезвычайная сессия Всемирного Совета Мира (4 стр.).

НАЧАЛО ПУТИ

Первый сборник стихов
В. Измайлова

Новая книга — радость не только для автора. Мы перелистаем страницы с волнением, надеясь узнать непременно что-то новое, до сих пор нам неизвестное, и радуемся вдвойне, когда наши надежды оправдываются.

Тем более мы неравнодушны к новой книге, если ее герой и ее автор — наши земляки.

1.

Встали быки поперек реки,
Выгнув горбы железобетонные, —

читаем мы начальные строки стихотворения о мосте и, кажется, ничего особенного в них не находим. Но «мост берега Томи схватил и пригнул друг к другу...» И нам, кемеровцам, сразу вспоминается во всех подробностях бесчисленное множество неудач и неудачий, связанных с бывшими лозочными, паровыми, катерными, понтовыми и прочими переправами через реку, разделяющую наш город на две части. Мы-то уж знаем цену новому мосту и от души благодарны его строителям.

Но кто же они, эти строители? Чем живут, о чем думают?

Поэт раскрывает мысли одного из них: Начав на левом —

учеником,

Я бригадиром пришел на правый.

И это — обычное дело в представлении советского человека: «естественный рост для нашей, для нынешней молодежи». Ведь он строил мост и сам рос тоже.

Любовь к труду, глубокое чувство товарищества, стремление к новому, более совершенному — вот чем привлекает к себе герой стихотворения, наш современник.

А вот еще одна черточка картины ве-

ликого обновления, которое проходит по стране и особенно заметно в нашем городе. Старые, приземистые домики сменяются светлыми, высокими корпусами. И опять в центре внимания находится человек. Смирный труженик, он всю свою жизнь возводил новые дома, оставаясь в своем давнишнем бревенчатом домишке, пока вплотную не подошла городская улица и не принесла с собой желание «жить просторней, выше».

С такой же лирической теплотой обрисована в стихотворении «Стрелочница» рядовая работница далекого полустана. Девушка скучает о милом, который проносится мимо, хотя сама же пропускает по «зеленой улице» его скоростные тяжелоэшелоны.

Как-то начепатали в газете

Радлишком его портрет и мой.

И нощу с собою снимил эти.

Рада я, что он хоть на портрете

Неразлучно, навсегда со мной...

Большая, чистая любовь девушка захватывает нас, заставляет переживать вместе со стрелочницей ее радости и мечты. А наряду с этим основным звучанием раскрывается в рассказе поэта характерная для лучших его произведений тема преобразования. Выл отлащенный полустанок, ныне это — станция, вчерашняя стрелочница сегодня стала диспетчером. И грустный вопрос: «Где же мы увидимся с тобой?», с которым девушка, как и прежде, обращается к своему «неудовольному» машинисту, лишен в таких условиях безысходной тоски. Он скорее утверждает возможность и близость предстоящей встречи.

Искренность, задушевность подкупает песня «На правом берегу». Читая ее, мы с удовольствием возвращаемся к стихотворению, открывающему сборник. Там нас занимала судьба парня-строителя, живущего на левом берегу Томи, здесь речь идет о его ровеснике, жителе правобережья. Ничего замысловатого нет в полюбившемся прозрачно простом стихотворении:

Милый мой живет на правом берегу.

Как-то раз он на свидание пришел.

Говорит: «Я находился не могу,

До чего у нас на правом берегу!»

Там тоже не редкость — картины обновления. «Встают повсюду новые дома, руины хорошеет с каждым днем». Естественный вывод, к которому пришла девушка: она не смогла сладить со своим влюбленным сердцем и... живет теперь на правом берегу. Обыденную житейскую тему автор сумел развернуть так, что вызвал на лице читателя светлую, радостную улыбку.

Умение создать настроение, заставить читателя чувствовать и переживать то, что хочется автору, — немаловажное достоинство поэта. Можно написать многие страницы и ни в чем никого не убедить. Но достаточно одной строфы, содержащей точные наблюдения, верно подмеченные детали, чтобы убедить читателя, заставить его проникнуться уважением к описываемому.

Как заметил, кашки с крыш закатали.

По ночам уж не могу уснуть.

Равно утром выхожу я на поле

Поглядеть желанную весну.

Так может говорить и чувствовать только человек, истинно любящий родную землю, с нетерпением ожидающий, когда, наконец, сойдут снега с полей, чтобы сесть за руль трактора.

Серьезность, сдержанность, внешняя обыкновенность мужественных, трудолюбивых людей привлекает внимание поэта, где бы он ни находился: на стройке ли, в шахте, на заводе, в колхозе. Богатство души, отвага и героизм проявляются советскими людьми всюду.

Перед читателем возникает во всем своем достоинстве бивалый солдат-артист. На груди у него три ордена Славы, медали. Над бровью — шрам, седые усы прожжены. За крутыми плечами — славный путь. О нем бы могли рассказать товарищи-однополчане. Но есау солдат из слова скуповат...»

Волнующую картину из жизни советских разведчиков во время Великой Отечественной войны удалось нарисовать поэту в стихотворении «О долге». Здесь и многообразие солдатского разговора, и лихость псалки, и отвага русского воина, и тонкость ожидания, и героизм издавшего боя, и тяжесть безвозвратной потери, и, самое главное, готовность пожертвовать собой ради друга, ради общего великого дела, ради любимой Родины.

В этом стихотворении, пожалуй, больше, чем в любом другом из всего сборника, собрано настоящих поэтических удач. Нужно пробраться в тыл врага за «языком». Генерал спрашивает: кто пойдет? Вышел боец, от имени которого ведется рассказ.

...Будто же подполкнула меня.

Будто вырвал из строя бойца.

Локоть в локоть

Алешка стал.

Корешок — дружок закадычный.

Друзья в глубоком чьей врага бойлели «языка», они возвращаются в свою часть, но полтона достигнет разведчиков. Тогда, чтобы задержать преследователей, — «Лешка, мой закадычный дружок, намеревался лег у речного обрыва».

Наибольшее напряжение достигает автор в том месте, где передает непоко-

лебимую стойкость разведчиков, их неслышимую волю, неотступность от цели, от приказа. Читая эти строки и еще раз убеждаешься: да, наши люди, наши солдаты выйдут победителями при любых обстоятельствах.

2.

К сожалению, стихотворений, подобных «Моему мосту», «Новому мосту», «Трактористу», «Стрелочнице», «О долге», не очень много в сборнике, но говоря уже о том, что и в лучших произведениях не все хорошо, особенно в отношении композиции, образ, язык.

Между прочим, недостатки книги стихов В. Измайлова «Широкая дорога» не новы. Они во многом похожи на те, что встречались в предыдущих сборниках кузбасских авторов. Это говорит о том, что к отбору произведений для печати и к их редактированию относятся не совсем серьезно.

Ни чем другим нельзя объяснить включение в книгу стихов «Широкая дорога» черновых набросков «Бонек сезона», «Родная степь» (слабое стихотворение «Тракториста»), подражательных «Рес-волосая», «На границе» (перевод известной «Катюши») и других слабых, зачеркнутых произведений.

Встречаются строки, вызывающие недоумение:

В нем спрессовалось в будущее пламя
(стр. 10)...

А мне, изволь вот, против воли
Ити на отмык на-гора (стр. 13) и др.
Так по-русски не говорят.

Можно привести много примеров безнестыжности языка. Многократное повторение слов, «этого», «такой», «свет так», неумелое использование определений (формальное наименование):
«Вот такую, боевую»,
«Снегивую молодость» (стр. 19).

Примеч — затор тоже «головой», «мокрые горняки», «молодая земля», «песня молодежная», «молодость счастливая» — и все в одном стихотворении!

Раз полюбившееся слово автор «отягест» по сборнику. «Труд гордый», «доблесть гордая», завод «высится гордо», «гудят гордо». Почти на каждой странице кто-нибудь что-нибудь «скажет».

Если стихотворение названо «Золотой порой», то в нем непременно «золотое море», «золотым драгоценным(!) потоком», а через несколько страниц — «золотой разлив» и т. д.

Подчас автор, нарисовав образ или картину, пересказывает ее содержание, растягивая и портя даже хорошие произведения. Так произошло в стихотворениях «Я видел Сталина в бою», «Мистер» (стр. 54, 59, 61), «Городок на Бондомой-реке», где есть и паровая, и плавка, и зарплатный раскладок дня, но недостает главного — поэзии.

Отдельно хотелось бы поговорить о неправильных авторских интонациях, встречающихся в ряде стихотворений. На них указывали члены Кемеровского областного литературного объединения во время обсуждения готовящегося к печати сборника стихов «Широкая дорога» еще задолго до выпуска его в свет. Однако автор ставил их без изменения. В стихотворении «Мой мост» молодой строитель говорит:

...главное в этом мосту —

мой

труд, вдохновенный и упорный.

Едва ли такое самолюбование оправдано. К тому же оно противоречит характеру человека-коллективиста.

Подобное отступление от правды встречается и в другом стихотворении «Я видел Сталина в бою».

Если бы составитель сборника «Широкая дорога» подошел к отбору произведений с позиции «лучше меньше, да лучше», книга вышла бы много содержательнее. Тогда у читателя сложилось бы более верное представление о В. Измайлове, как о способном молодом поэте.

А. КОСАРЬ.

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КЕМЕРОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЦСПС. Отчеты и выборы
профсоюзных органов (1 стр.).
Прибытие премьер-министра Бирманского Союза
У Ну в Москву (1 стр.).
Прием Н. А. Булганиным премьер-министра Бирманского Союза У Ну (1 стр.).
Прием В. М. Молотовым премьер-министра Бирманского Союза У Ну (1 стр.).
ДЕНЬ РОДНОГО КУЗБАССА (1 стр.).

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ. А. Березин. — В борьбе
за технический прогресс (2 стр.).
ОБЗОР ПЕЧАТИ. Многоотраженная газета и пе-
редовики шахты (2 стр.).
А. Пугачев. — Радиоэлектронику — на произ-
водство (3 стр.).
А. Косарь. — Интересные встречи (3 стр.).
Окончание пленума Центрального Комитета
Французской коммунистической партии (4 стр.).
Открытие 18 съезда Компартии Дании (4 стр.).

Интересные встречи

«...Когда двенадцать неумелых строк
Я написал стихами в стенгазете,
Сказали мне: «В тебе есть огонек!
Ты не бросай стихотворения эти!»

(«Начало».)
Вам, конечно, приходилось встре-
чаться с таким человеком. Выше он
ничем особенным не привлекает внима-
ния. Но как богат его внутренний мир!
О чем бы он ни рассуждал — о дале-
кой ли невдалеке реке Чульмакан, об
осеннем дожде или о землероходе,
пришедшем в Сибирь еще с Ермаком. —
во всем чувствуется что-то его собствен-
ное, свое.

Словно от хорошего собеседника,
остается впечатление после того, как
взглянешь в руки и прочитаешь сбор-
ник стихотворных произведений А. Пинаева «Встречи».*

«...Я не плаваю чугом. И как будто
на доме
постороний, когда ненароком зайдю.
Только это неверно. Неправда! Я помню,
как мы строили дома в тридцатом
году».

У собеседника исчерывающаяся осведомленность, неколебная уверенность,
задушевная простота, великодушные чув-
ства советского человека — хозяйина
необычной Родины своей.

«И когда в Сталинград, к Жигулям
я в столицу
из завода с металлом иду поэта,
с металлургами вместе моту
я гордиться, —
есть в кузнечки сегодняшней стали
частина
дней моих и ночей, моя доля труда».

Если человек пережил, перечувствовал
такое, ему есть что рассказывать,
есть чем поделиться. Это не выдуманный
герой, упрощенный, к сожалению,
еще проникающих иногда в печать
зарифмованных строк.

«Я — строитель. Не выплавил
капельки стали.
Но когда я в печам огнем полойду,
Слова вспомнятся мне, как дождя
над хвостами,
Как морозы нас жгли в тридцать
первом году».

* А. Пинаев, «Встречи», стихи,
с 75 печ. з. Тираж 5000. Цена 3 руб. 40 коп.
Кемеровское книжное издательство,
1955 г. Редактор И. Балибаков, худож-
ник М. Павлов.

Так рассказывает о себе Петр Кольцов, один из тех рядовых героев великой армии труда, которые в годы первой пятилетки на болотах и пустырях Кузнецкой котловины воздвигли гигант черной металлургии и красавец-город.
Жизнь Кольцова легла в основу поэмы «Встречи», чьим именем назван и сборник. В поэме всего несколько страничек. Но это не мешает ей быть обильной по содержанию.

С любовью, без прикрас рисует автор образ сибиряка-таежника, захваченного волной невиданных преобразований, знаменующих начало строительства социализма.

Мы застаем его в котловане в тот момент, когда бригада землекопов обедает. По оброненным двум-трем фразам узнаем работающего — бывшего колхозника — он вырыл «версты канав», «шурфов — без числа», добил, чтобы допята в руках «как скрипка играла». Но его беспокоит, что другие ищут новое, растут, а он попрежнему вращает лопатой глину и камни. То было время, когда работоры впервые услышал слово «экскаватор».

«Видел мельком машину вчера,
а название
Целый день вспоминал и припомнил
я не мог».

Встреча землекопа с прибывшим на стройку Народным Комиссаром Серго Орджоникидзе, открывший разговор с ним о будущем пробудили в Кольцове мечту, окрыляли его. С утра еще капающее недогаваемым, в полдень стало доступным, аэушчим. Могли ли трудности задержать, сбить с избранного пути, если перед Кольцовым возникла высокая цель?

Наль, автор опустил детали, рисующие непреклонную настойчивость рабочего. Он в короткий срок овладевает сложной машиной, штурмует по вечерам на рабфак после нелегкого дня, проведенного на стройке, особенно трудные дни вчерашнего неграмотного человека основы наук.

Как и говорил Серго, приглашая Кольцова к себе в гости в столицу, вторично встретились рабочий и Народом через год уже в Москве. Новая встреча с прозорливым коммунистом подвигла машиниста экскаватора еще выше, наполнила его новой силой, вызвала в нем желание сделать несравненно больше того, что уже совершено.

«Нужно уличь делать просторнее,
шире.
Больше зелени, парков и солнца в домах.
Лучший в мире завод лучший город
в Сибири —
Вот какой у вас должен быть смелый
район».

Время берет свое. Отцы, старей, уступают место детям. Но сколько гордости за людей старшего поколения, к которому принадлежит и отец, — в рассказе Кольцова-сына, побывавшего на Всемирном фестивале демократической молодежи. Там делегаты из далеких стран восторженно проносили при знакомстве с сибиряком: «Город Сталинск, город мира, город-металл».

Бессмертно дело, которому Кольцов-строитель отдал лучшие годы своей жизни. Он это чувствует, слушая чудеснейшую симфонию на минуту не прекращающегося дышания завода и города, созданных его неутомимыми руками.
«Нет, не может здесь быть и не будет
завтра!
Ровный гул над Кузнецкой долиной
пылает:
Это дышит завод, это город мой дышит,
Это жизнь моя в будущее идет!».

Короткие главы поэмы, живность и непринужденность разговорной формы стиха, умение видеть наиболее значительное в бесцетном множестве небезинтересных второстепенных деталей убеждают нас в том, что А. Пинаев обладает поэтическим способностями. На примере его значительного произведения подтверждается достоверность слов великого русского критика В. Г. Белинского о том, что поэма требует знания жизни и людей, требует создания характеров, требует зрелости таланта, которые дает жизненный опыт.

Между прочим, в сборнике А. Пинаева значительно меньше названного, слабого, малоинтересного, что обычно встречается в первых книжках стихов (да и не только стихов!). Это не случайно. Автор идет в литературу зрелым, опытным человеком, с большим запасом знаний, впечатлений, попернувшихся из жизни.

Отрадно, что Пинаев стремится следовать мудрому правилу литературы, выбирая для своих произведений чаще всего трудные темы, находящиеся в центре внимания наших современников. Таковы, кроме уже названной поэмы

«Встречи», стихи «Великая дружба» — о том, как «к свободным тремстам миллионов пришли, стали рядом шестьсто»; «Волго-Дон» — о сибиряке, защищавшем под Сталинградом великое будущее не только Воли, но и Оби и Ангары; одно из наилучших в сборнике стихотворение «Начало» — о замечательном чувстве товарищества, взаимной выручке, бескорыстной поддержке. В освещении этого стихотворения (им был, может быть, и следовало открыть сборник) становится особенно яркими идейные позиции автора.

«...Меня учили: хуже нет стыда,
Чем за спиной скрываться у другого.
Я обещал ни в чем и никогда
Не жить чужим и не хотеть чужого».

Обычно первый сборник стихотворителя является и первым знакомством читателя с автором. В данном случае это не совсем так. Пинаев — не новичок, он занимается литературным творчеством не один год. Его стихотворения, появившиеся в газетах, альманахах, разделах в журналах «Сибирские огни», привлекали к себе простотой, стремлением в нескольких словах передать главное, не прибегая к украшательствам, но и не забывая о поэтическом образе, без которого, как известно, не может быть настоящего стихотворения.

Стремясь к предельной выразительности, автор добивается в отдельных случаях больших удач. Некоторые строки, особенно в главах из неоконченной поэмы «Экскаватор», закупают слово поговорки. Назак Кривой говорит: «Хмельной да гаулый не имеют страха». Проводник ему отвечает: «На воле мы да хуе, чем в неволе»! «В Старин-Сибиряк учит молодого: «Горит деревня — не тань в чулане, дождет помар и до твоей избы».

Страницы, посвященные бесстрашным русским людям, тем, кто открывал и начинал осваивать Сибирь, написаны с подкупающей простотой, спокойно, вдумчиво, со здравым дельем и большой любовью. Беспощаден в откровенности старый казак, добывающий в неизведанной чужой стороне царю ясака, боярину — кормящие, а себе три гривны в год и смерти:

«...Загаду знаю:
«В каменной палате
сылят сто шуб собольных —
сто шемяк».

Сто кривда сылят...
Мы им поболье платим,
чем кузнецы!
«Вся наша жизнь — ясака!».

На свой страх и риск казак прошел столько бед не только за ясаком. Он принес на Кузнецкую землю новую жизнь. Через Урал, дремучую Сибирь пронес он пашню в кошелю — за паузой в тридцать сберег, сохранил зерна пшеницы, овса, ячменя. Читатели будут благодарны Пинаеву за то, что он попытался нарисовать обаятельный образ нашего предка-землепроходца.

В отдельной самостоятельной статье нуждаются сатирические стихотворения. Им отведено в сборнике много места. Назак с несомненными удачами не обошелся здесь и без срывов. Едино высеивает автор медвежью экзотику, равную расточительству, штурмам, затеваемые петухами, отдающими приказ «всем курицам, не выполнявшим план, нестисть отныне в сутки по два раза»; разоблачает ордов-изобретателей, что приназываются к чужой славе.

Но среди заслуживающих внимания стихотворений есть просто черновые записи, вроде «Парламентских дебатов», «Принципальной кошмы», «Песни кар-навала» и других, которые едва ли надо было печатать. Так, в сатирическом зарисовке на серьезную тему, разоблачающей канцеляриста-делату, привыкшую жить на всем чужом, принципиальный разговор сведен к шутке:

«Он скоро будет недоволен,
когда к нему пристанет грипп.
«Зачем, — он скажет, — сам я болен?
Другие похорят могли бы!»

Весь огонь сатиры, разжигаемый с таким старанием вначале, кончился вспыхнутой спички, пустяком, которым не проймешь зазнавшегося чиновника. Едва ли помогут припарки там, где необходимо раскатанное железо сатиры. А. Пинаев знает это. Свидетельство — его лучшие произведения из последнего раздела сборника.

Переполненным за счет далеко не лучших произведений оказался не один раздел сатиры. Впечатление грубого, несерьезного, примитивно переданного оставляет «Рассказ Семена Карпова...», уселный бесконечным повторением местоимений: я, мой, меня, мне. Здесь и несурзанные фразы («себе сказали скромно мы: «Рабата — молодцы!») и повторение не новых сравнений (завод — аскара), и нераскрытая информативность («Мы горчо вялились» — человек больших и славных дел»).

Иногда даже не верится, что один и тот же автор, умеющий в нескольких словах нарисовать картину, в тысячах раз повторять вслед за другими штампованную фразу.

Сравните:
«Полная над гулорой парус белый,
Зима на юг уже плывет.
Рыбам снится чистый лед,
и первый, радостный и смелый,
Таких, пожелай на поле».

Разбег ярко нарисованных, метко схваченных картин немало в сборнике.

Но никак нельзя согласиться с А. Пинаевым, когда он, волюю или неволю, пробует показывать нашего советского человека одиноко, искаженно, духовно обедненно.

«Можно,
нужно идти в работу.
С головой,
а все сердцем.
И любить ведь надо кого-то.
Ведь от этого не уйдешь».

Откуда у автора взялось такое безысходное «а все же» и до отравления безразличное «любить... кого-то»? Неверная идеяная установка повлекла за собой примитивные, лишние поэзии средства скорее сухого, статистического сообщения, нежели художественного изображения. В другом стихотворении автор, сам того не замечая, утверждает прямо противоположное сказанному в «Тропинке прораба».

«Но, любя,
всей силой сердца трудятся
и друг друга
к лучшему ведут».

Вот что значит любовь. Большая, настоящая. От нее не только «не уйдешь» (за что так боялся автор в «Тропинке прораба») От любви и уходит-то, как от великой радости, не найдешь охотников.

Выпирают из сборника странные отговорки, вроде: «исправляем дурные тоги», «в чем живая и в чем заморы», «нами вложен труд», «перену первых вех», «мчатся влад-вперед» и другие, говорящие о том, что автору необходимо строше, настоящие работать над языком своих произведений.

Подстать подобным выражениям неряшливая корректура, верстка и брошюровка: встречаются грамматические ошибки (корректор Р. Лобанова), страницы — то открыты, то вкось, заставки являются набор (технический редактор Т. Сембратов).

Но недостатки сборника «Встречи» не могут заслонить его достоинства. Они говорят о том, что растет автор, крепко связанный с жизнью (а это самое главное). Пожелаем ему новых творческих поисков и удач.

А. КОСАРЬ.

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС.
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 159 (8762)

Среда, 11 июля 1956 г.

Год издания 35-й

Цена 20 коп

Без строгого отбора

Начнем разговор с третьего раздела сборника, точнее — с одного из лучших стихотворений — «Две встречи».

Лосиный камень на пути
загорался проход —
не обогнуть,
не обойти.

А срок жесток — на идет.
Строители Южно-Сибирской железной дороги хорошо помнят трудные дни штурма скалы, преградившей им путь вперед. Кажется, совсем недавно обходила ее стороной, чтобы выбрать подходящее место для атаки. Каждый знал: впереди непроузные богатства. К ним надо пробиться во что бы то ни стало, как можно скорее.

Кузнечий марганец залег
в непроузных пластах,
железо, медь и уголек —
богатые места!

И все зависело от них, кто метр за метром отвоевывал, если не у болот, поросших кустарником, то от свалкища на иет любую работу глинистых оползлей, то у гранитных берегов, подступивших вплотную шека к шеке к стремительной Томк. Читаешь и с каждой новой строкой растет внимание к стихам, раскисающим о подвиге. Покупает прежде всего прада. Речь идет не о чем-то неведомом, придуманном любодя того, чтобы удивить наивных, али прихвастнуть показной образованностью. Поэт запросто передает историю двух встреч рядовых, ничем особенным не отличавшихся от своих товарищей, обыкновенных людей. Первая встреча произошла во время освобождения советскими войсками территории, занятой японскими самураями. Подросток Чжу Фу Тан, рискуя жизнью, под вражеским огнем обнаружил советским войнам брод через бурную реку. Враги разгромле-

* Е. Буравлев, «Кладовские катели», тираж 5000 экз., цена 3 руб. 30 коп., Кемеровское книжное издательство, 1956 г.

Заметки о первом сборнике стихов Е. Буравлева*

ны. Но маленький друг смертельно ранен... Через несколько лет к бывшему капитану, теперь строителю Южсиба, приезжает на практику из московского института... кто бы вы думали? — Чжу Фу Тан!

Слеза солдата глубока —
появится не вдруг,
— во если радость велика...
Жил твой давнишний друг!..
Рожденная в освободительных боях, братская дружба двух народов выдержала испытание времени, стала еще крепче в годы мирного строительства. Эта мысль не наваживает, а лозунговой фразой, как нередко случается в стихах на подобную тему. Нет. Вывод напрашивается сам собой, как естественное продолжение живой ткани стихотворения, как то сокровенное, что хотел выразить автор с помощью поэтических средств.

Вслед за капитаном, обнимшим своего давнишнего корейского друга, любой из строителей, сидевших тут же, мог сказать Чжу Фу Тану:
И твой народ,
и мой народ,
Как два бойца, точь-в-точь.
Мы на смерть шли,
за брата брат,
и стром заодно.

Стихотворение не оставляет равнодушных. И не случайно. Евгений Буравлев изумчудо работает над словом. Молодой поэт понимает: прозаическое произведение можно создать лишь о том, что захватило тебя всего, когда есть у тебя чем поделиться с людьми. Само собой разумеется, значение произведения несоизмеримо возрастает, если тема его важна, как выражательница, велика как это мы видели в стихотворении «Две встречи».

Но дело здесь не только в теме, в содержании. В сборнике «Кладовские катели», особенно в первых его разде-

лах, есть немало строк на важнейшие темы. Однако строки холодны, сухи, рассудочны, никого не трогают. Причина не нова: все дело в отсутствии единства формы и содержания. Стоит нарушить или, что чаще всего бывает, не признать это единство, отнестись к нему с пренебрежением, будь то за счет формы али содержания, произведение получится слабое.

Стихотворение «Две встречи» — лучшее во всем сборнике, потому что тема большого значения облечена в достойную форму. Сквозной сюжет держит читателя в напряжении. Взаимность усиливается частой сменой картин, коротким разговором, яркостью, напряженностью окружающей обстановки, уместным повторением наиболее удачных, подходящих к крылатые, запоминающихся фраз.

В стихотворении почти нет неточных выражений, чего никак нельзя сказать о других, особенно тех, что расположены в первых разделах сборника. Вообще не понятно, для чего нужно было открывать сборник далеко не самыми совершенными произведениями. Раздел «Встречи в строю», вероятно, должен был стать по замыслу автора наиболее интересным. Почему же задуманное не свершилось?

Уже в первом в какой-то степени программном (по крайней мере, для данного сборника) стихотворении автор, начав с поэтической мысли, с детства и сказки, под конец сбился на риторические фразы: «Нам все по плечу — мы в огне не стораили», «Труда дерзновенный не знает предела». Причем тон решающих фраз поэзии неперен. Например, поэт говорит от имени своего поколения: «Мы... в трудовой работе не знали заторов». Кстати, такой же неточной по смыслу фразой колыцается и другое стихотворение: «Идти, не ведая преград, нам вместе суждено». Если в данном случае верить автору, то у нас трудностей не было и не предви-

дится. Такое ошибочное утверждение тем более странно в сборнике, где подымающиеся большинство произведений посвящено тому, как наши современники мужественно преодолевают преграды на своем пути.

К сожалению, в первом разделе, наиболее слабом, встречаются и другие неточные утверждения, вроде: — пред нами уже не сканя — а полотноще — с трупом из собственной крови, из лишней и пота, из проз лихолетий.

Это, по замыслу Евгения Буравлева, должно воображать собой не что-нибудь, а захватывающую, живую картину нашей жизни. Чувство меры, вкус явно изменили автору, когда он с помощью таких неточных сравнений создавал стихотворение «Наше кровное дело».

Значит, для поэтического отображения действительности недостаточно одной только тематики, какой бы она актуальной ни была. Любая тема не сможет слasti проявиться от провала, если она выражена малолукаждественными али вовсе лишними художественными средствами.

Это же можно проследить и на некоторых слабых стихотворениях второго раздела сборника. Мы имеем в виду прежде всего «Балладу о связистах», представляющую из себя черепушку записи интересных фактов.

В начале баллады автор пробует заинтересовать читателя:

Никогда не устану
повторять свой рассказ,
как от Янова-стана
связь танцуи на Таз.

Читаем строфу за строфой, а настоящего, незабываемого рассказа так и не находим: Больше того, есть просто изурчанные вещи:

Ночевали не сладко,
прямо в снег повалился,
легкой майской палаткой
от змыи оделся.

Не спасает стихотворение и риторическая, полная неточностей концовка:

Шли равниною чистой,
Непроданной райгой...

Победил связисты
край суровый, глухой...
В результате волнующая тема осталась нераскрытой.

Другое дело — раздел «На Южсибе». Здесь, за редким исключением, ревностно соблюдается поэтм единство содержания и формы. Стихи свежие, свои, оригинальные. Это относится не только к отнесенным выше «Двум встречам» али к «Мостовику», «Моему Буравлеву», «На Южсибе».

Вершии Евгению Буравлеву, когда он от всей души признается:
Нет, никогда я не жалел,
что изо всех дорог
я выбрал ту, где больше дел,
где под дождемю дроз,
где труден путь, как перевал,
где люди хороши.
И если б снова выбирал,
то выбрал бы Южсиб.

В данном случае (это не может не иметь значения) автор прав и в точки зрения поэзии, и в точки зрения слои биографии. Оказавшись на строительстве Южно-Сибирской железной дороги, Буравлев привлекал к ней, любил ее людей, простых, задушевных, трудолюбивых, изучал их жизнь, не раз, в меру своих сил, помогал строителям преодолевать бесчисленные трудности. Вот почему поэту удается находить верные краски, скрутные, тонкие слова, строгие образы, когда он начинает рассказывать о людях Южсиба.

Вот как, например, постепенно создается обязательный трудом строителя мостов. Он посвятил дружному, но благодарному делу всю свою жизнь. Лоботвор к работе, преданность профессии, мастерство помогают мостовику, не молодому годами, но растопному, словно ему двадцать лет, широко шагать по родной земле, на века оставляя за собой неизгладимый след.

И еще говорит, будто он от бетона слыу берет али для прочности
в новый бетон
долю сердца вкладет...

К таким стихам нельзя оставаться безразличным. Строители просто, от души благодарили стихотворца за

то, что он сказал верное сердечное слово.

Вот она, моя песня,
в крылатом прорабском плаще,
а салюгах-кирзачах,
повидавших болота и грязь,
ясноглазую ворыкой,
с горячий живинкой в душе
идешь, моя песня,
ничего не боюсь.

Нам кажется, сборник стихотворений только бы вытрал от того правдивого и мужественного, чем богаты лучшие стихотворения о Южсибе, о Севере, если бы они открывали книгу.

В заключение хочется остановиться на попытке Е. Буравлева создать большое поэтическое полотно (мы имеем в виду поэму «Кладовские катели»).

Уже подзаголовок поэмы «Из записок Петровича» настораживает: не огорчка ли это? Чем дальше читаем «Кладовские катели», тем больше убеждаемся в правоте авторского сомнения. Серьезные события, легкие в основу поэмы, к сожалению, упрощены. Один из участников геологоразведочной экспедиции на Алтай, Сергей Задорожный, вступил с того ни с сего нарушил дисциплину, пошел сам искать месторождение и... славу, а когда его поступок обсудили на комсомольском собрании, исправился и стал другим положительной героини Лены.

Бедны средства изображения Задорожного. На одной странице он — всезнайка, хвастун, который

...между прочим, но авернет,
что сам он тоже в прошлый год
открыл месторождение.

На другой странице тот же Задорожный — хороший геолог, делится опытом с другими. Но средства изображения мало чем отличаются друг от друга и в первом, и во втором случаях:

Любой вопрос — готов ответ
для самого для сложного.
Растет, авернет
растет авторитет
Сергея Задорожного (стр. 64).

— Кусает губы Лена:
«Нет...
Назад
от шага дожного...»
Ах, как упал авторитет
Сергея Задорожного (стр. 66)

Но знаем, как насчет серающего шага, но, что касается авторского приема, то едва ли он себя оправдывает. И романсовое «ах» лишь еще больше подчеркивает примитивность изображения. Таких бедных, невыразительных мест много в «Кладовских кателях». К сожалению, они мало изменились в лучшую сторону после опубликования незавершенного варианта поэмы в газете «Комсомолец Кузбасса», хотя автор мог справиться с трудной задачей. Доказательство — прилагательные отрывки и даже некоторые глаголы «Кладовских кателей».

Горная шель голубая
манит издалека,
белую шапку Алтай
кинув под облака.
Образно, рельефно, свежо, эмоционально!

А вот характеристика проводника геологоразведчика:

Растирает Досан на ладоши
крепчайшую биискую крупку,
не спеша достает из кофра
золотой уголек
(говорит, что на Эльбе дымил
его неказистая трубка,
и в предгорьях Хингана
пускала дымок)...

К таким же поэтическим удачам можно отнести полухоточный, переопыленный поэтический находками рассказ «И у нас в Сибири есть девчата...».

О чем говорят эти удачи? О том, что Евгений Буравлев может писать хорошие стихи. Но ему необходима квалифицированная помощь, его произведения перед тем, как печатать, надо внимательно и без скидок на изображение мало чем отличаются друг от друга и в первом, и во втором случаях:

Нам остается пожелать Е. Буравлеву новых поисков на очень трудном поэтическом пути, по которому он сделал первые самостоятельные шаги. Настоятельные поиски непременно увенчаются новыми удачами.

А. КОСАРЬ.

Литературный КУЗБАСС

3-4, 2003-2004

Писателю А. Н. Волошину 90 лет

К 90-летнему юбилею Александра Волошина наш земляк Алексей Косарь, уже давно проживающий в Одессе, прислал нам предложенный ниже очерк. Ему 83 года. Занимается литературным творчеством более 60 лет. Его произведения печатаются с 1941 года. Изданы сборники стихов и прозы, а в Новосибирске и Киеве созданы по его сценариям четыре кинофильма. Подготовлены к печати несколько книг, написанных после кругосветных путешествий и посещения свыше 80 стран. Инвалид Великой Отечественной войны, он награждён многими правительственными медалями и орденами, в том числе в 2002 году – орденом «За мужество». Вторично избран руководителем Одесской территориальной организации Союза журналистов Украины. Регулярно поддерживает творческую связь с Кузбассом, где проработал 20 лет и продолжает публиковаться в местных изданиях.

10 июля 2002 года, Кемерово

НЕПОВТОРИМЫЕ ВСТРЕЧИ

Любая встреча с любым человеком оставляет след в нашем сознании. Даже если мы считаем её ничего не значащей, пустяковой, случайной, никчёмной, мимолетной. Встретился, поговорил, расстался и... забыл. Но это только кажется: забыл.

Ничто не учит, не воспитывает нас так впечатляюще ярко, как встреча с человеком. И тем более, если этот человек близок нам духовно. Даже если встреча и не предусматривалась заранее, а произошла на первый взгляд неожиданно, внезапно. Последствия такой встречи не переоценить. Всякая новая встреча обрисовывает ещё чётче не только нашего собеседника, но и нас самих, высвечивая каким-то волшебным всепроникающим лучом наши мысли, желания, до самых затаённых. Возникает то, широко распространённое теоретически, но, к сожалению, редко встречаемое на практике состояние, о котором в обиходе говорят: «Мы понимаем друг друга с намёка, с полуслова».

Что же можно сказать о неисчислимых встречах с Александром Волошиным, подаренных мне судьбой за добрых полтора десятка лет близкого с ним знакомства? Причём, не в расцвете его славы и популярности. Тогда вокруг него вились, словно тучи надоедливых однообразно гудящих комаров перед грозой, сонмища всевозможных льстецов-прихлебателей. Нет! Не тогда!.. И это очень важно. Добрых полтора десятка лет нашего близкого с Александром знакомства в начале его самого трудного творческого пути.

(Позже, спустя двадцать лет работы после госпиталя в Сибири, я вынужден был, чтобы не остаться без ног, обмороженных на войне, – облитерирующий эндартериит – переехать на Юг).

Опуская подробности – для них не хватит и целой книги – выделю главное: каждая встреча открывала ещё одну грань в его сложном, противоречивом, сильном характере. Естественно, поначалу противоречивость не бросалась в глаза. Её полностью заслоняли обаятельная доброжелательность, постоянная доступность, особенно близкая мне восторженность и, конечно же, щедрое гостеприимство. Последнее может показаться кому-нибудь надуманным, даже смешным. Достаточно вспомнить, какими нищими были мы в первые годы послевоенного разора. Особенно газетчики и начинающие литераторы. Те из них, кто, кроме минимальной зарплаты и ограниченного до ничтожного предела копеечного гонорара, ничего не имели. А на поклон к местным богачам – торговцам и мошенникам – не шли. Из принципа! Чтобы оставаться независимыми в своём выборе, кого хвалить, кого высмеивать. Хотя кажущуюся независимость выбора постоянно держали за горло власть предержащие. Очень часто приходилось писать не по велению души, а по указанию сверху, чаще всего – из обкома партии, если говорить о нашей газете. (И не верьте храбрым хвастунишкам, кто, удрав за границу, ради саморекламы готов на полном серьёзе – благо, доверчивых ещё предостаточно, – похваляться своей былой в то время независимостью!)

Как тут не вспомнить вроде легкомысленную (по крайней мере, на словах, – не раз прилюдно гордилась своими женскими, истинными или придуманными, победами над запросто приворожёнными достойными мужчинами) Дору Борисовну, нашу сотрудницу, москвичку в расцвете «неотразимой» красоты. Ласково улыбаясь, она могла сесть напротив меня, положить на мой письменный стол свой пышный бюст и, заглядывая в глаза, неожиданной шуткой заставить меня, недавнего солдата, побагроветь от смущения:

— Неужели вам, Алёшенька, никогда не хочется меня?! Все поэты так любят хороших женщин!..

Её перебивал из-за соседнего стола мой начальник:

— Как вам не стыдно, Дора Борисовна? Вы же годитесь Алёше в матери!

— А я и люблю его по-матерински, – продолжала шутить Дора Борисовна, мельком взглянув на Виктора Львовича.

И вот она-то, всегда безупречно нарядная, носила штопаную-перештопанную одежонку (другой-то не купишь!). Однако Дора Борисовна ни за что не захотела принять подарок – отрез на платье – от растроганного её очерками директора эвакуированного из Украины в Кемерово электромеханического завода. Даже слушать о подарке не захотела. Вот так!..

— Как же после его подарка смогу я завтра критиковать дарителя?! – не на шутку рассердилась Дора Борисовна, слушая упрёки Виктора Львовича. Его меньше всего волновала газетная этика:

— Дура ты, Дора! Не взяла такого ценного подарка...

— Да я лучше буду нищей, – продолжала горячиться уязвленная литсотрудница, – но свободной. Независимой. Особенно от начальства!..

— Слова, слова! – беспощадно смеялся мой начальник. – Надо пользоваться возможностями профессии на всю катушку, – донимал он собеседницу, не то в шутку, не то всерьёз. И, помрачнев, добавлял уже для меня:

— Никогда не забывай, Алёша, беспощадную истину: газета выжмет тебя, как лимон. И когда ты станешь ей не нужен, выбросит на помойку!..

Виктор Львович окинул грустным взглядом гору исписанных, исчёрканных бумаг на моём столе, которые предстояло мне «перелопатить». А уж ему-то было видней. Всю жизнь прослужил Касперович газетчиком. А здесь, в Кемерово, ещё и в двух лицах – «промышленником» и способным фельетонистом по совместительству. Ему даже присудили высший приз всесоюзного конкурса фельетонистов, проведённого главной газетой страны «Правдой». Но у талантливого журналиста – ни копейки за душой. И ничегошеньки в его нищей квартирке в старом, предназначенном на слом, доме по Притомской набережной, кроме затурканной жизнью жены и полуголых полуголодных ребятишек.

Виктор Львович окинул грустным взглядом гору исписанных, исчёрканных бумаг на моём столе, которые предстояло мне «перелопатить». А уж ему-то было видней. Всю жизнь прослужил Касперович газетчиком. А здесь, в Кемерово, ещё и в двух лицах – «промышленником» и способным фельетонистом по совместительству. Ему даже присудили высший приз всесоюзного конкурса фельетонистов, проведённого главной газетой страны «Правдой». Но у талантливого журналиста – ни копейки за душой. И ничегошеньки в его нищей квартирке в старом, предназначенном на слом, доме по Притомской набережной, кроме затурканной жизнью жены и полуголых полуголодных ребятишек.

К великому сожалению, не он один, Касперович, такой бедолага. Уж чем-чем, а достатком газетчику не похвалиться. И тогда, в послевоенном разоре. И сейчас. Хотя с той поры минуло не год и не два, а полвека. Могу засвидетельствовать сей позорнейший факт, как старейший журналист, – ведь мне довелось проработать в местных и центральных газетах более шестидесяти лет.

А между тем речь идёт о журналисте – незаменимом солдате невидимого фронта самой изнурительной борьбы – идеологической. Там – что бы ни болтали «безыдейщики» – на идеологическом фронте, ни на минуту не утихают ожесточённейшие сражения, конца которым никто не предскажет. И только хитрые притворщики, либо круглые идиоты твердят о человеческом обществе без идеологии, хотя такого общества нет даже в фантастических сказаниях. Это тем более касается прессы, радио, телевидения, литературы и искусства. Знать, не зря за рубежом (я

объехал восемьдесят с лишним стран и сам видел то, о чём говорю) труд журналиста и литератора ценится во сто крат дороже, чем у нас. Так было и в Советском Союзе, так осталось и после его неразумного раздвая.

Нищенство начинающих

Таким же «богатым» был и Волошин, когда мы встретились с ним впервые у него дома в Сталинске (ныне Новокузнецк. – Примечание Н. Инякиной). Полупустая комната. Старенькая железная кровать. Два обшарпанных примитивных стула возле ещё довоенной тумбочки. Ни письменного стола. Ни малейшего намёка на убранство.

Кивком головы поздоровалась со мной светловолосая красивая сердито-неразговорчивая жена Александра. До гостей ли ей, когда нечем накормить мужа и сына? Не говоря уже о себе. «Извините!» – и ушла на кухню.

Минут через пять и мы с Александром, явно смущённые таким приёмом, прихватив с собой по пути невозмутимого черноглазого красавца Николая Николаевича, второго собкора нашей газеты по этому, самому большому в Кузбассе городу, торопливо сбежали вниз по гулкой лестнице дома и зашагали прямо на... базар. Там, недолго думая, Волошин за свои редчайшие тогда часы швейцарской марки (показывали время, день, число и год!) – подарок фронтового командира минёров – выменял у спекулянтов бутылку самодельного подозрительного напитка и один солёный огурец. На весёлом ласковом солнышке под забором заброшенной стройки отметили мы наше знакомство.

О чём говорят в таких случаях? Не буду кривить душой. О пустяках.

— Ты что же, Алёша, всё ещё в солдатской шинели? – взял меня за изрядно поношенную полу единственной верхней круглогодичной одежонки искренне просто, будто давний-давний друг, располагающе улыбающийся Александр. – За одну главу твоего «Углеграда» редактор газеты мог бы выменять тебе в обкомовском «закрытом для других магазине» дюжину самых модных пальто!

Волошин не дал мне возразить:

— Обожди, обожди. Я тоже кое-что смыслю в стихах, хотя и никогда не писал их. Как это у тебя в «Углеграде»?

Александр замолк на секунду-другую и, к моему удивлению, начал читать по памяти строчки из моей поэмы, главы которой публиковались в «Кузбассе»:

...С уклона поезд прогремит,
утихнет на изгибе
и в царство чёрных пирамид
въезжает, как в Египет.
Величественно, высоко
вздымаются вершины.

И сердцу дорог и знаком
их вид неустрашимый.
Глядите: радужный наряд
окутывает склоны.
Преданья наши говорят:
то горняков сердца горят
и светят с терриконов...

И добавил уже от себя:

— Что бы там не говорили и не писали о твоём «Углеграде» всезнающие критики, а земля Кузнецкая в твоей поэме узнается. Безошибочно. Одно это – уже немало... Рад за тебя!

— Спасибо, Александр, на добром слове! Но не будем говорить о поэме, пока она не закончена. А что касается забот обо мне нашего редактора, то где уж там Арсену Арсеновичу (Арсен Арсенович Бабаянц, ответственный редактор газеты «Кузбасс», 1940-е гг. – *Примечание Н. Инякиной*) думать о существовании вчерашнего солдата, нынешнего литраба?! У редактора областной газеты, члена обкома партии, и государственных забот предостаточно.

— Это ты, Алёша, зря. Что же может быть государственнее человека?..

Волошин всё ещё мыслил категориями постепенно исчезающего – особенно тут, в глубоком тылу, – фронтового товарищества. Он и не подозревал, с каким трудом даже авторитетные московские гости – и те из них, кто был здесь в эвакуации (встретили их в Сибири поистине хлебосольно), и те, кто наезжал к нам в командировки за материалами для своих книг, с каким трудом убеждали они нашего редактора печатать в газете мои стихи. Это же единственное место для их публикации. Ни в Новосибирске, ни в Москве на страницы изданий не пробиться: своих авторов предостаточно.

К слову, в разное время находили возможность принять меня для бесед или для письменных отзывов о моём творчестве очень занятые писатели: выдающийся русский советский поэт Ярослав Васильевич Смеляков (он подарил мне свою книгу стихов: «Алёше Косарю – с большим уважением, любовью и уверенностью в его творчестве»); Пётр Петрович Вершигора, побывав у нас на литературных «средах» после знакомства с моими стихами, первый предложил мне свою рекомендацию в Союз писателей СССР; Ольга Максимовна Зив, частая в Кузбассе московская гостя, издавшая потом свой роман «Горячий час», выступила в газете с большой одобрительной статьёй о моём «Углеграде»; Степан Щипачёв, Павел Шубин, Александр Твардовский, Семён Кирсанов... всех не назвать! Это лишь в Москве. Руководитель Новосибирских писателей Александр Смердов, известный поэт, отобрал для публикации мои стихи, и они были напечатаны в журнале «Сибирские огни»... Имена всех их, при резкой непохожести и противоречивости их суждений, я всегда буду вспоминать с благодарностью, как отзывчивых людей, которые хотели мне только добра.

Сие ничуть не трогало редактора нашей газеты: он считал меня всего-навсего рядовым литрабом. Но стоит ли об этом рассказывать Александру? Может, у него сложатся с Арсеном Арсеновичем иные взаимоотношения.

— Ты лучше расскажи о себе, – попросил я Волошина. – Как воевал?

— Воевал, как все. Ты же сам побывал там. Знаешь, почём фунт лиха.

Я упомянул о девятнадцати боевых наградах Волошину, про которые с таким пафосом говорил редактор на летучке, впервые называя имя нового газетчика.

— Враньё это! – расхохотался Александр. Орден Отечественной войны имею. И медали... Так у кого же из фронтовиков их нет? И в разных переплётах бывать доводилось. Это же война... Помнишь, говорили: минёр на войне ошибается только раз. А фиксатор минных полей? Как ты думаешь, Алёша? Сколько ему судьбой разрешено ошибаться?.. Бывало, ползаешь по нашему минному полю и место расположения каждой мины наносишь на карту. У самого – душа в пятках: в любой миг можешь взлететь на воздух. Но не о смерти тогда думал – только о жизни моих товарищей по окопу. Как же иначе? Вдруг минёр, что расставлял свои смертовины, погибнет. На войне, сам знаешь, это – не редкость. А после него по минному полю пойдут наши в атаку. Что же им на собственных минах подрываться?.. Вот за их жизни в ответе, прежде всего, ты, фиксатор минных полей.

Александр взглянул на меня – не наскучило ли слушать — и продолжил.

— Дождь ли проливной, и грязь непролазная. Стужа ли пальцы леденит. Забудь обо всём. И ползай по хитро запрятанным минам хоть всю ночь напролёт. Но чтобы треклятая карта минного поля с точнейшими отметинами была к утру у твоего командира. А уж он передаст ту карту, кому следует, кто будет иметь прямое отношение к атакующим.

Волошин свернул из клочка старой помятой газеты конусообразную самокрутку, всыпал в неё, сколько мог захватить большими сильными пальцами, порцию крупно нарезанного самосада, прикурил от спички молчаливого Николая Николаевича и, отгоняя широкой ладонью клубы едкого дыма, чтобы видеть меня, повернул разговор на другую тему.

— И про меня, будто бы горного инженера, редактор тоже сочинил. Видимо, для пущей важности. Какой же я инженер? На шахте действительно работал. До войны. Но рядовым забойщиком. В Осинниках. Там у меня – мама. Тогда же и писать начал. Про наших шахтёров, моих товарищей. Хорошо! Ничего не надо было сочинять-выдумывать. В городской газете сказали: кое-что получается. Я, конечно, обрадовался. И ещё сказали: больше читай классиков. Учись владеть словом, как твои друзья – отбойным молотком. Без науки, дорогой, ничего не получится.

Александр широко улыбнулся, почёсывая затылок.

— У меня, Алёша, это было самым слабым местом. И приналёг я на книги. Даже от друзей стал отбиваться. «Уж не влюбился ли, Саша?» – спрашивали они. – Представьте себе, влюбился!» – отвечал им. Не хватало времени. Но писать не бросил. Рассказы начал пробовать... Забрали их вместе со мной в городскую газету. Кое-кто из приятелей уже тогда подшучивал: скоро ты, Саша, станешь нашим, Осинниковским писателем... Я отмахивался. Но в душе был убеждён: обязательно стану писателем! Жаль только маловато до войны поработал.

Волошин легко присел на корточки, опёрся ладной спиной о нагретый солнцем забор из неструганых досок, потемневших от времени, поднял с земли обломок веточки и начал вычерчивать возле своих истоптанных, давно не чищенных солдатских сапог одному ему понятные замысловатые фигурки. Казалось, он вовсе не замечает нас с Николаем Николаевичем, разговаривает сам с собой или какой-то неведомой нам давнишней мечтой.

— Пospешили, знать, тогда мои хорошие Осинниковские товарищи, – вздохнул Александр. – Война раскидала нас по белу свету. Больше мы с ними не виделись... Я пошёл добровольцем на фронт. Попросил маму сохранить мои рукописи. Думал, недолго задержусь на войне. Все мы тогда надеялись по глупости в два счёта разделаться с фашистами. А наша бравада, наше хвастовство обернулись бедой, и держала она нас в крови и огне долгие страшные годы...

Александр умолк. Но чувствовалось, – не закончил ещё свою исповедь. И мы с Николаем Николаевичем, прошедшим войну рабочим кузнецкого металлургического комбината, не торопили недавнего фронтовика.

— После возвращения домой, – задумчиво произнёс он, – думал закончить книгу. Набросков для неё в довоенных рукописях оставалось немало. Но пока я ползал по опалённым полям и болотам России, Польши, Германии, презренные домашние мыши распотрошили мой первый литературный багаж на чердаке до последнего пожелтевшего листочка. В студёную зиму мама пустила на растопку превращённые в труху рукописи. Очень хвалила мама те мои бумаги: хорошо горели! Помогали ей разжигать самые сырые дрова...

Волошин поглубже затянулся дымом от чёртового самосада и враз выдохнул отраву. Долго после войны у многих, и у меня тоже, не смывались с пальцев тёмно-коричневые отметины никотина. А что же говорить о следах войны в наших душах? Они никогда не сотрутся из многострадального сердца, будто рубцы на глубоких ранах...

— Что ж, Саша, – догадывался я о его размышлениях, – довоенная проба пера очень даже может тебе теперь пригодиться. И глаза нынче у тебя зорче. И руки крепче довоенных. И мысли яснее после всего, что ты перевидал и пережил. Хорошая книга может у тебя получиться! Пора начинать.

— А я уже и начал, – обрадованно подхватил Александр, взглянув снизу вверх, мимо моей солдатской фуражки на похмуревшее, пока мы разговаривали, небо в рваных тёмно-синих облаках. Он отшвырнул окурок и резко поднялся с корточек рядом со мной. – В этом деле, Алёша, двух мнений для меня быть не может. Костями лягу, а роман о Кузнецких шахтерах напишу!

Александр посмотрел мне в глаза с каким-то скрытым ожиданием – верю ли ему? – и добавил уже спокойно, буднично:

— Для того и в газету к вам подрядился. Надеюсь, поддержит меня ваш редактор. Как когда-то поддержал редактор довоенный, Осинниковский.

После короткой паузы спросил:

— Помогает ваш газетный шеф молодым литераторам? Тебе, например? Поэма «Углеград» даётся тебе, поди, не легче, чем роман неизвестному провинциалу Волошину?

— Все мы, Саша, – провинциалы. И самая большая наша беда – бескультурье. Но коль не довелось нам до войны получить настоящее образование, надо браться за него теперь. Самому. Талант, конечно, – надёжный конь в творчестве. Но один он по бездорожью не в силах вывезти нас вместе с огромным грузом наших замыслов к желанной цели. Такому бы коню-таланту впристяжку да ещё — культуру, образованность. Какая замечательная упряжка получится. Скачи во всю прыть!..

Александр улыбнулся. Но глаза оставались грустными. Он ждал от меня конкретного ответа о конкретном редакторе. «Что ему сказать? – подумал я. – Нашему редактору и его ближайшим помощникам в высшей степени безразлично моё – и если бы только моё! – влечение к литературному творчеству. Они считают его даже... вредным. Дескать, литературное творчество отвлекает от основной работы. Забирает время и силы, необходимые газете. А то, что оно обогащает человека, приучает к усидчивости, настойчивости, самостоятельности, оттачивает его язык, делает речь ярче, красочнее, живее... Впрочем, разве перечислишь все достоинства литературного творчества?»

К великому сожалению, многие руководители чужды любому творчеству. Они привыкли исполнять чужую волю, то, что им велят начальники. Они склонны простить вам такой «грех», как коллекционирование почтовых марок, спичечных коробков, пустых бутылок... Это, по их высокому мнению, не наносит ущерба вашей основной

работе. А вот стихи писать, прозой заниматься, живописью, скульптурой и т. д. Не смей: вредит производству!..

Борис Полевой признался как-то нам, участникам первого Всесоюзного совещания молодых литераторов в Москве. Ему, автору широко известной «Повести о настоящем человеке», редактор даже такой прогрессивной газеты, как «Правда», Пospelов не раз сердито выговаривал за то, что Полевой, будучи сотрудником газеты, занимается литературным делом «в ущерб газетному». Парадокс.

В таком случае нашему Арсену Арсеновичу сам бог велел костерить меня (и любого на моём месте) за литературное творчество. Ему нужны от меня только газетные строки. И даже не мои. За них пришлось бы что-то платить. Мне – ничтожно малый гонорар. Но всё же платить. А этого ой как не любил наш скупой для своих подчинённых редактор! Ему нужны от меня, прежде всего, чужие авторские материалы. Значит, целыми днями делай работу за других. Будь негром, как тогда говорили газетчики. Правка, правка и ещё раз правка. «До умопомрачения!» – говаривал мой любезный начальник. А Виктор Львович знал, что говорил, и не кривил душой.

А ведь были ещё и письма читателей. Они поступали в редакцию самотёком. Писали их, как правило, люди, перегруженные основными делами. Им не до стиля письма. Изложить бы сколько-нибудь удобоваримо суть жалобы или просьбы, да куда там: иногда это был – крик души. И мы старались бережно относиться к авторской мысли. В меру своего умения старались очистить её от шелухи, лишних, неточных выражений.

На письмах неискущённых людей можно было при желании многому поучиться: искренности, простоте, оригинальной образности языка. Но таких писем было значительно меньше. Уж больно низкой была грамотность населения.

Одним словом, как ни крутись, а свободного времени у газетчика не оставалось. Но мне совсем не хотелось огорчать Александра теневой стороной редакционной жизни. Тогда, скажем, какой-то верховный оценщик-идеолог придумал для газет иезуитское правило: 60 и 40. Эти магические числа обкрадывали журналистов догола. Мало того, что им платили нищенский гонорар за их собственные материалы. Редактор не позволял газетчикам печататься в своём органе больше «положенного», так как львиную долю гонорара – 60 процентов – он обязан был выплатить внештатным авторам. И только оставшуюся часть – своим работникам. Заколдованный круг! Все силы отдай родной газете. В других изданиях печататься не смей. О «личном» своём творчестве забудь. Живи впроголодь, растягивая заработанные рубли от полочки до полочки. И это при всеобщем обывательском мнении о безбедной жизни журналистов, которые-де «гребут гонорары лопатами».

Как-то, много лет спустя, будучи редактором многотиражной газеты на пассажирском теплоходе «Иван Франко» с иностранными туристами на борту, при подходе к Америке я оказался без зарплаты.

— А зачем вам зарплата? – удивлённо спросил меня помполит с выразительной фамилией Тупицын, когда я пришёл к нему выяснить причину недоразумения. – Вы же — поэт, журналист. А значит – миллионер. Чтобы не обижать вас, мы не

предусмотрели вам на пароходе зарплату...

Пришлось долго растолковывать Тупицыну и его товарищам, что в СССР тогда было лишь два-три литератора-миллионера, а подавляющее большинство, – тем более – журналистов, живёт очень бедно. Поверил ли мне тогда Тупицын, не знаю. Но все полгода на теплоходе мне выплачивали ежемесячно по... 77 рублей! Плюс валюта, чтобы её хватало для одного человека на сигареты и «Кока-колу». Ни цента больше! На такую зарплату я, конечно же, скупил и привёз домой половину Америки! Такова сила мифа и такова реальность!

Товарищи... вельможи

Волошин был собкором, сравнительно свободным газетчиком. Ему не нужно было сидеть в редакции с утра до ночи, как нам. Не обременяли Александра и другие обязанности, например, частые ночные бдения – дежурства по очередному выпуску газеты. Но особенно удивил Волошина мой рассказ о товарищах... вельможах.

Почти всегда во второй половине дня редактор заставлял Касперовича, а тот – меня готовить к печати выступление какого-нибудь важного руководителя (из тех, что привыкли только повелевать). Такой руководитель, видимо, считал себя непогрешимым и в деле, и в слове. Речь его и на бумаге выглядела приказом. Тон её не позволял даже намёка на возражение. Такой автор располагал штатом грамотных помощников. Они, пожелай того шеф, казалось бы, могли привести его статью в божеский вид, избавить от заскоружлых штампов, многословия, бесконечной цифири. Но шеф об этом и не думал. А надоумить его наш редактор не смел. Стоя по команде «смирно» возле телефона, Арсен Арсенович молча выслушивал указующие напоминания автора статьи:

— Смотри, чтобы твои щелкопёры не изуродовали моё выступление!.. отвечаешь головой за каждое моё слово!..

Посчастливилось избежать Волошину и ещё одного унижения. Многие годы в журналистике (да и в литературе) широко паразитировало позорное явление: писать за других. Одарённых газетчиков или писателей вынуждали сочинять статьи, воспоминания, повести, романы – от первой до последней строки – за какую-нибудь знаменитость, за какого-нибудь советского «вельможу». Его имя в единственном числе красовалось под «его» опусом в газете или в журнале. А то и на отдельно выпущенной красочно оформленной книге. Хотя к её написанию он не имел ни малейшего отношения. Подобные, с позволения сказать, авторы брались за перо только для того, чтобы расписаться в платёжной ведомости и получить чужой гонорар, к тому же ещё повышенный. Его доставлял высокопоставленным вельможам под строжайшим секретом, лично, их верный слуга – наш редактор.

Бдительно ограждал он газету от «крамольных» (по его выражению) выступлений рядовых людей, доведённых произволом начальства до отчаяния. Не останавливался даже перед тем, что вынуждал поздно ночью перевёрстывать газетную полосу, и выбрасывал в корзину для мусора критические или взывающие о помощи материалы, подготовленные нами к печати. Позже, на редакционных летучках, посвящённых разбору вышедших номеров газеты, редактор устраивал нам публичную выволочку: «просмотрели грубые политические ляпсусы» и не до конца избавились от политической мягкотелости.

Критиковать можно было только по указанию свыше. И забывать об этом не рекомендовалось никому. Только чудом избежал я изгнания из газеты, даже суда и тюрьмы за пренебрежение этим неписанным правилом. Впрочем, – всё – по порядку.

Аня Смирнова, забитая жизнью мать двоих маленьких детей (её муж, военный журналист, погиб от предательской пули на освобождённой от фашистов польской земле), технический секретарь редакции, прибежала в наш кабинет белая от испуга.

— Алёша, скорей! Тебя вызывает Арсен Арсенович. Вернулся из обкома страшно сердитый...

— А причём тут я? – хотелось ответить Ане. Но моё предчувствие ничего хорошего не предвещало.

— Что вы тут натворили?! – закричал редактор, тыча коротким толстым пальцем в то место газеты, распластанной на огромном столе и густо исчёрканной красным карандашом, где напечатан мой очерк о Таштаголе.

— Как вы посмели додуматься до таких оскорблений? И кого! Самого Романа Васильевича! Директора всемирно известного комбината! Он же – член бюро обкома партии. Лауреат Сталинской премии. Герой Социалистического труда. Депутат Верховного Совета СССР. А вы называете его гастролёром в персональном вагоне. И всё из-за какой-то паршивой рабочей столовой с её вонючими щами. Где вы раздобыли это враньё?.. За него на бюро обкома меня чуть не выгнали из партии...

Редактор задыхался от гнева. На него страшно было смотреть. О себе нечего и думать: моя песенка спета!..

С той поры прошло чуть ли не полвека. Но до сих пор я так и не знаю, что спасло меня тогда от расправы за критику советского вельможи. Одни говорили: письма рабочих из Таштагола. Они дошли до Москвы, и оттуда был телефонный звонок в обком: навести порядок на крупнейшем руднике. Значит, мой очерк был своевременным и правдивым. В его истинности я не сомневался. Никогда не писал того, чего не знал, в чём сам не убедился. А тут нам с Волошиным в злополучной столовой Таштагола, единственной на всем руднике, рабочие показали гнилые продукты. Горняки с возмущением рассказали о приезде к ним, на рудник, «самого» директора комбината. Он, конечно же, не удосужился побывать в рабочей столовой и в горняцком непригодном для жилья бараке.

— Что ему, барину, до нашей житухи! – возмущались горняки. – У него свой персональный дворец на колёсах с прислугой и личным поваром. Сладко ест, мягко спит. А нам – лишь вкалывать, пока не загнёшься...

Другие говорили, что меня спас от расправы за критику сам... редактор. Спасая, прежде всего, самого себя, он показал первому секретарю обкома партии письма-жалобы из Горной Шории (они ещё до моего выступления в газете пришли к нам, в редакцию, и лежали вместе с другими в ящиках письменного стола другого, партийного, отдела). В Горной Шории располагались почти все рудники Кузнецкого комбината. И везде в рабочих столовых кормили горняков не лучше, чем в Таштаголе. И это при том, что комбинат имел несколько самых крупных в Кемеровской области пригородных совхозов. Весьма преуспевающих!.. Куда же шла их вкусная продукция?

Письма в редакцию, копии (их оригиналы авторами посланы в Москву), подписаны десятками горняков. Комиссия обкома после выезда на место происшествия, в Горную Шорию, подтвердила правдивость вопиющих фактов. Мне раньше других сообщил об этом по телефону не на шутку встревоженный за мою судьбу Волошин:

— Я готов, — сказал он, — перед кем угодно своим партийным билетом подтвердить то, что мы с тобой, Алёша, видели в рабочей столовой Таштагола. Правильно ты раздолбал зажавшихся чинуш!..

А что же «барин» с Кузнецкого комбината? Сняли его с работы? Исключили из партии? Понизили в должности?.. Полноте! Его даже не пожурили. Кузнецкий комбинат своими делами заслуженно гремел на всю страну. Добротный металл отсюда подпирал всю нашу могучую державу. А какой ценой, какими лишениями и страданиями рабочих он доставался, это ни директора комбината, ни его покровителей в Кемерово и в Москве не интересовало. О людях, разумеется, рядовых, — будь они газетчики, шахтёры или металлурги, — заботились тогда (как и сейчас!) главным образом на словах. Начальство любого ранга (младшие равнялись на старших!) думало в первую очередь о планах, о производстве и — о себе (далеко не в последнюю очередь).

Мы, газетчики, засиживались на работе в редакции с утра до глубокой ночи. А то и до рассвета.

— Так надо, — непререкаемо требовал редактор. — Сталин работает всю ночь. Обком партии — тоже (вдруг среди ночи позвонят из Кремля!). А мы — газета областного комитета партии. Нам сам бог велел сидеть до утра.

Слова редактора подкреплялись ещё и тем, что вечерние телеграммы ТАСС поступали из столицы поздно (плюс разница во времени между нами и Москвой – четыре часа). А областная газета обязана была давать эти телеграммы в текущий номер. Где же тут, при всём желании, на трижды устаревшем полиграфическом оборудовании (спасибо типографистам за их мастерство!) справишься с выпуском газеты до рассвета? А если и случалось подготовить газету к печати раньше обычного, ночью, то не побредёшь же домой по тёмному городу. Осветить его, привести в элементарный порядок не на что и некому. Да и зачем? Начальство ездит в персональных машинах. А остальные обойдутся и так...

— Переведите редакцию в наш город, – подшучивал Волошин, когда я рассказал ему о нашем житье-бытье. – У нас от Кузнецкого комбината и света больше – домны и мартены не гаснут круглосуточно! – и улицы, не сравнить с кемеровскими... (И добавлял, посмеиваясь: «В центре»). И вспомнил о персональной машине редактора:

— А почему бы вам не разъезжаться по домам после работы ночью в редакторском «ЗИМе»? Машина не маленькая – все бы разместились.

Какие мечтания! Наивный Александр! Наш редактор – строжайший эконом!.. Застала тебя ночь в редакции – бери подшивку старых газет вместо подушки и – на драный редакционный диван. Прикурнёшь часок – другой до рассвета. Если обнаглевшие крысы позволят. А с утра опять за работу... Сейчас даже не верится, что мы могли всё это вынести, живя впроголодь, без собственного жилого угла. Выручала молодость. И, конечно же, увлечённость, преданность делу.

Хотя и среди нас (и не только в «Кузбассе») было немало случайных в журналистике людей. Их интересовало лишь одно: любым способом «зашибить монету». Опубликоваться с любым дерьмом и выторговать у редактора побольше гонорара. А там – хоть трава не расти! Подобных халтурщиков и доныне, бог весть, сколько кочует по газетам, журналам, телевидению и радио. И на них, халтурщиках во всех областях нашей жизни, лежит большая доля вины за народные беды.

В любое время года, в любую погоду, точно к девяти часам утра на своем персональном чернолаковом «ЗИМе» приезжал на работу редактор. Он жил в пятистах метрах от редакции, располагавшейся тогда рядом с кинотеатром «Москва», в старом двухэтажном каменном доме по улице Сталина, обнесённом высоким забором с колючей проволокой поверху. И с неременной охраной. Точно так же, как и подъезд «правительственного» дома, где жил редактор и где милиционер круглосуточно оберегал квартиру секретаря обкома партии.

Я хорошо знал тот дом. В войну там размещался эвакогоспиталь 2495. В нём и мне довелось лечиться. Нянчились с нами, «неходячими», тогдашние врачи, и медсёстры, и санитарки, будто любящие матери со своими детьми. И лекарства. И уход. И лучший кусочек еды – для нас (хотя сами были полуголодны). И безупречная чистота в палатах. Это в тех самых перегруженных палатах, где поминутно слышалось просящее: «Няня, утку!.. Няня, судно!.. Вот уж полвека я – в неоплатном долгу перед теми заботливыми людьми. И благодарность им, их памяти растёт в моей душе с каждым годом. Стоит ли говорить, что дом тот, с госпиталем, милиционером при нас не охранялся. Солдат, фронтовиков берегла тогда только совесть народа...

Быстрыми короткими шажками по тихой лесенке с черного входа, чтобы никто не видел, поднимался в редакцию на второй этаж свежесбритый, холёный, отменно, «с иголочки» одетый, но... уже сердитый Арсен Арсенович. Быстро обходил все редакционные кабинеты. Он это проделывал внезапно по несколько раз в день. И горе тому сотруднику, который не сидел ещё за письменным столом! Его ожидал тут же разнос. Редактора не интересовало, здоров ли ты, бываешь ли дома и есть ли у тебя угол для ночлега, где и чем ты питаешься, на что содержишь семью, чем живёшь сам... На пустяки подобные редактор не тратил своё драгоценное время. Его высокий заработок, плюс ежемесячная закрытая прибавка партийного руководителя «в конверте» и доступ к тайному для посторонних обкомовскому распределителю делали жизнь Арсена Арсеновича безбедной. А сытый голодного не понимает. Редактор знал лишь одно: свою газету. И не переставал требовать:

— Хоть умри, но сделай всё, чтобы завтра утром газета вышла в свет!

Тайны творчества

Походил по редакции Волошин в свой первый приезд, посмотрел, послушал, как мы наслаждаемся «Кузбассом», и спрашивает меня:

— А когда же ты, Алёша, занимаешься своими стихами?

— В свободное время.

— Не понимаю. Какое свободное время при таком каторжном режиме?

— А чего ж тут, Саша, не понимать? Своими стихами я занимаюсь по дороге на работу и домой. Да во время поездок – в редакционных командировках... Стихи нас окружают всюду. Успевай только записывать!

— Это в шутку. А всерьёз?

— Ты же сам знаешь: чем труднее живётся – тем лучше пишется. Древнее правило. И вполне современное... Много ли, Саша, создали обеспеченные наши вельможи и их пресыщенные отпрыски? Безделье. Пьянство. Да разврат. Вот их удел. К сожалению, нашим руководителям в текучке дел некогда перечитывать Античную историю. А то бы они вспомнили, отчего погибла могущественная Римская империя. И не она одна...

— А не слишком ли строго ты судишь?

— Я своего мнения, Саша, никому не навязываю. Говорю о том, что, вероятно, беспокоит очень многих. Убеждён, и тебя это тревожит не меньше других.

В следующий приезд в Кемерово на редакционное совещание Александр «нанёс мне ответный визит». Захотел посмотреть, как я живу, что из себя представляет рабочий кабинет у меня дома. Я показал Саше кладовочку в коммунальной квартире – между прихожей, туалетом и кухней – со столиком, на котором едва вмещался лист чистой бумаги и горсть табака-самосада с базара (папиросы курило тогда только начальство).

Сидеть в кладовочке можно было только на маленькой табуретке, спрятав согнутые в коленях ноги под столик и придвинув их вплотную к стенке. К моей спине тоже вплотную прикрывалась дверь. Кури и строчи в добровольной одиночке. Зато – тишина! Можно сосредоточиться. И потерять счёт времени. Или, как учат мудрецы Индии, отключиться от всего остального мира, думая только об одном.

Мой рабочий кабинет – моя кладовочка – казался мне роскошью по сравнению с тем, что я имел после выхода из госпиталя. Какое-то время после лечения меня держали там, пока я исполнял обязанности начальника клуба (вместо зарплаты – койка и харчи). Над красным уголком я повесил подобие вывески: «Раненых развесели, приголубь, товарищ клуб!» Бегал по учреждениям культуры и заводским клубам, добывал артистов для выступления перед госпитальными обитателями. А после перехода на работу в газету вынужден был сменить своё жилище. Редакционная уборщица по строжайшему секрету сдавала мне в наём угол в своей прихожей. Муж её погиб на войне. Сама она болела туберкулёзом (открытая форма). Двое детей, пока не засыпали, просили кушать. А чем их накормить бедолаге?! Это страшно походило на моё детство в Магнитогорске, в голодном тридцать втором году. Там, в комнате на сорок семей, согнанных на стройку со всего света, в клопяном бараке умирали от голода мои молодые родители. Но тогда я был беспомощным мальчишкой. А теперь взрослый, работающий, мог отдавать несчастной чужой семье часть скудного газетного заработка за железную кровать с досками вместо матраца. Спал под солдатской шинелью в продуваемом насквозь старом каркасно-засыпном доме...

Волошин слушал. Затягивался смрадом самосада. Хмурился. Поскрипывал зубами. Но тягостно молчал. Чтобы хоть как-то облегчить настроение гостя, рассказал Александру о более светлых днях.

— Мир, Саша, как ты знаешь, не без добрых людей. Они появляются в самое трудное время, вроде, специально, чтобы выручить нас из беды. Сжалился надо мной директор азотнотукового завода Николай Павлович Сорокин. Добрейшей души человек. Его авторитет в Кемерово был непререкаем. Хотя злые языки и поговаривали, будто прикладывается к «зелю» иногда не в меру. Сорокин запомнил меня (память у него была цепкая: каждого кадрового рабочего знал в лицо и по имени!) с того торжественного собрания в большом зрительном зале городского драматического театра. Представитель из Москвы вручал азотчикам – а они всю войну были в передовиках – переходящее красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР. После всех положенных в таком случае приветствий высоких гостей на трибуне, что слева от президиума собрания, на сцене, украшенной кумачом и цветами, каким-то чудом очутился и я в своей поношенной солдатской шинели, накинутой на плечи, чтобы скрыть мою неказистую обшарпанную одежонку. Кто-то подстроил моё появление среди нарядных людей не случайно.

От неожиданности многолюдный зал – там был цвет завода и города – вдруг замер. Президиум – тоже. Ещё больше удивило присутствующих, когда я начал читать – от волнения громко и медленно – только что написанное стихотворение об азотчиках... Видимо, на фоне привычных речей мои стихи пришлись людям по сердцу. Иначе кто бы мог заставить их так неистово рукоплескать, пока я спускался со сцены и шёл до последнего ряда зала.

Это было моё первое публичное выступление со своими стихами. Оно запомнилось мне на всю жизнь. Хотя позже я выступал множество раз. И один. И с Волошиным. И с

Кузбасскими поэтами. И с Новосибирскими. И даже – с Ярославом Васильевичем Смеляковым!.. И не только в нашей стране, но и в Атлантике, на промысле перед черноморскими рыбаками, и в Австралийском Сиднее, перед русскими и украинцами, которых на далёком континенте сотни тысяч.

А ещё через некоторое время в Кемерове прошёл конкурс на песню об азотнотуковом заводе. Победителем в конкурсе признали меня. Партком завода разорился на премию: мне выдали нательное белье, пошитое из фланели, идущей на мешки под упаковку аммиачной селитры.

— Наверно, такой мешок под поэтическую селитру вручали тебе, Алёша, и на сцене драмтеатра в торжественной обстановке! – смеялся Волошин, слушая мой рассказ о первой премии за песню. – Бес-стыд-ники!.. А ведь секретарь парткома Орешкин, как ты говорил, считался человеком образованным. Он знал, конечно же, о такой высокой премии. Как должен был знать и о значении литературного творчества, в данном случае – песни для многотысячного коллектива азотчиков.

— Да ты, Саша, не спеши ругать их. Премия та, как нельзя кстати, пришлась мне в самую пору. Выписываясь из госпиталя после лечения, получил я на всё про всё денежное довольствие – десять рублей (!) и вещевое довольствие – шинель, ботинки с обмотками, пилотку, гимнастёрку с брюками и бельё; все – «б/у» – бывшее в употреблении. Пока можно было, два раза в месяц забегал к знакомому старшине в госпитальную каптерку сменять бельё на чистое. Второй-то пары у меня не было: солдату после госпиталя не полагалось! Но каптенармуса за какой-то грех прогнали, и я

остался ни с чем. Не век же ходить в одном белье! Про это дозналась сердобольная старушка-машинистка в парткоме завода. Она-то, видимо, и подсказала Орешкину удостоить меня такой высокой премии. Я сразу стал богачом с запасной парой белья. Да ещё из фланели: ей износа не было!

А самый главный подарок от азотчиков осчастливил меня позднее. От имени директора завода Сорокина мне разрешили занять освободившуюся проходную комнату в коммунальной квартире на Притомской набережной. В это даже трудно было поверить. Как будто какой-то местный Рокфеллер вдруг взял и подарил мне, Саша, целый дворец! Меня ни капельки не беспокоило даже то, что через мою комнату безо всяких церемоний, будто через коридор, в любое время дня и ночи ходили соседи-холостяки, тоже азотчики...

— Погоди, погоди, Алёша, — остановил меня Волошин. — Так это и о тебе писала москвичка Ирина Ирошникова в своей расхваленной книге «Где-то в Сибири»?

— Говорят, и обо мне. Ирошникова жила тогда в Кемерово, работала в парткоме азотнотукового завода. Её хорошо знали мои соседи-заводчане. Они-то мне и рассказали о её дальнейшей непростой судьбе.

— Мне говорил об Ирошниковой редактор при нашем первом знакомстве, — вспомнил Волошин. — Хвалил героев её книги, называл их прототипов и ныне здравствующих. Но о тебе, Алёша, редактор — ни слова! Странно, не правда ли? Там ведь немало волнующих строк о поэте-солдате, срисованном с тебя. Я бы, например, гордился своим сотрудником — героем широко распространённого литературного произведения...

— Не стоит, Саша, об этом, — я ушёл от неприятного для меня разговора. Суть редактора и его окружения мне уже достаточно знакома. Самодовольные доморощенные вельможи, паразитирующие на теле страны и партии коммунистов. Её вершители. Её гробовщики... Хотя из песни слова не выкинешь, но и песню каждый может истолковать по-своему. Мне приятно было думать и писать о людях отзывчивых, внимательных, заботливых. Жизнь — спасибо ей! — и на сей раз, уже на новом месте, не обделила меня добрыми людьми.

— Считаю меня, Саша, кем угодно, даже близоруким романтиком, но признаюсь тебе чистосердечно: каждая новая встреча с незнакомыми людьми всё больше убеждала меня — настоящих людей подавляющее большинство. Они только внешне подчас выглядят неброско из-за своей скромности или забитости. В отличие от шумно-крикливых циников и наглецов, распущенность которых перехлёстывает всякие моральные границы. Но будущее не за ними. Это — мусор. И весеннее половодье общественного обновления смывает его, этот мусор, я уверен.

Александр слушал мой рассказ, лишь изредка поглядывая в единственное, смещённое в сторону от центра стены большое окно моей комнаты, выходящее во двор, заросший высокими тополями. Он будто интуитивно облюбовывал это место, словно предчувствуя за несколько лет наперёд, что будет жить в моей комнате не месяц, и не два, ожидая, когда наконец-то горисполком по заданию обкома партии предоставит ему, уже лауреату Сталинской премии, подходящую квартиру.

А пока... Лёгким стуком в дверь мои соседи по квартире – Борис Петрович Кондорский или его старенькая седая маленькая мама (она успела отбыть каторгу и при царе Николае за революционную деятельность, и при вожде Сталине невесть за что – тогда не принято было об этом особенно распространяться) – давали мне понять: все уже проснулись, пора завтракать. Они же, добрые мои соседи, были первыми слушателями ещё теплых, написанных минувшей ночью стихов. (Лет до семидесяти писал я только по ночам. Позже из-за нездоровья расстался с вредной привычкой. Куда лучше создавать стихи во время прогулок, за пределами дома. Разумеется в одиночестве. А доделывать их, отшлифовывать уже за письменным столом.) Так я платил моим соседям за чай. Вместе мы сидели за столом у окна в их комнате. Перед нами открывалась широкая картина излучины реки Томь, зачатой в подоблачных снежниках Алтая и пересекающей почти весь Кузбасс с юга на север, прежде чем слиться с широченной Обью. По Томи медленно и величаво плыли льдины вчера только начавшегося ледохода, и мои соседи не без любопытства слушали о нём стихи:

*...Как будто выбиваются седины
из-под бараньей шапки старика,
река из-за горы выносит льдины,
шумит и затопляет берега...*

*Вбирая терпеливо, постепенно
потоков силу, юность ручейков,
река освобождается из плена,
ломает тяжесть ледяных оков...*

Постепенно сложившийся порядок добрых взаимоотношений с соседями становился постоянным, привычным, само собой разумеющимся.

Будучи у меня в гостях, Волошин попытался, как он сказал, «вписаться» или, попросту говоря, втиснуться в мою творческую кладовочку. Но его широкие шахтерские плечи и могучий торс помешали.

— Знать, не по мне сей райский уголок, – заговорил Александр стихами. И уже всерьёз добавил:

— Видать, для прозы не только на бумаге, но и в жизни требуется места побольше, чем для поэзии.

Тогда мне ни за что не хотелось соглашаться с ним. Но с годами жизнь ещё не раз доказывала его правоту, хотя она ничуть не умаляла величие поэзии.

В другой раз мы встретились в Волошиным уже не в Кемерове, но на берегу Томи, где нам потом много лет подряд (наши квартиры находились в домах, расположенных неподалёку друг от друга) доводилось наблюдать её раздольные весенние разливы, затопляющие берега и всю Заискитимскую низину, когда поверх острова на середине реки плыли бесчисленные брёвна молевого сплава. То же повторялось вторично, но уже летом, в разгар таяния снега в горах. Горные реки опять выходили из берегов, и вслед за ними, обмелевшая было на перекатах, Томь вновь разливалась широко и многоводно.

Другая, не менее волнующая встреча с Александром выпала мне на юге Кузбасса, в отрогах Алтайских гор, похожих на высоченные штормовые волны бушующего океана,

внезапно замершие на века в своей неподвижности. Подобные им, но не застывшие, каменные, а живые, неумолимо грозные волны наблюдал я в Атлантике, Индийском и Тихом океанах. И те, и другие – с непривычки смертельно устрашающие, и волны гор, притягательно прекрасные, – возвышают нашу душу...

...Рано утром я спрыгнул на благословенную землю Горной Шории со ступенек общего вагона образца первых пятилеток, не освещаемого по ночам, без малейшего намека на удобства для пассажиров. (В плацкартном вагоне нам, рядовым литрабам, ездить в командировки не разрешалось – роскошь не по чину! Наш главбух, дородная молодящаяся «Косточка», как называл её язвительный, но точный в своих определениях Виктор Львович, всесильная правая рука равнодушного к ней редактора, сэкономила на нас копейки и рубли, чтобы потом присвоить многие тысячи и оказаться несколько лет спустя в тюрьме)... Под ногами у меня зашуршала прирельсовая щебёнка. В стороне от дороги, под горой виднелась будка, похожая на сторожку. Она, должно быть, заменяла собой Таштагольский вокзал.

Я посмотрел вокруг и ахнул! Такой красоты мне ещё не доводилось видеть. Чистые природные краски синеющих вдалеке гор. Нежная голубизна клубящихся по долинам туманов. Пьянящие ароматы близкой тайги. Поляны яркого многоцветья, обрамлённые по склонам нетронутыми травами...

Невидимые поэтические образы роились вокруг. Исчезали и появлялись вновь, заглушая и заслоняя друг друга. Спрессовывались в слова, обрывки фраз, сравнения, рифмы... Надо спешить записать их на любом клочке бумаги, краешке газеты, в блокноте, если он у тебя под рукой, не обращая внимания на суету и говор толпы,

рассыпающейся возле только что прибывшего поезда и шум Таштагольского рудника с его броскими производственными сооружениями, взбирающимися на склоны гор вслед за отступающей тайгой.

За этим занятием и застал меня на несуществующей привокзальной площади прибывший сюда накануне Волошин.

Литераторы, объединяйтесь!

— Так вот чем ты, Алёша, занимаешься вдали от редакции! – засмеялся Александр. – Разве за этим послал тебя за казённый счёт редактор.

— Ты прав, Саша. Не за этим. Но хочется запечатлеть отступающую в горы тайгу. Неразумные градостроители гонят её от людей, не жалеючи. Ты, наверное, успел заметить прискорбнейший факт. Все молодые города в Кузбассе (а может, и во всей Сибири) возникали, как правило, возле или среди тайги. А где она теперь? На десятки километров вокруг городов и рудников уничтожили лес до последнего деревца. А позднее втыкали вдоль пыльных смрадных улиц хворостинки саженцев тополя. Втыкали и... ломали. По много раз. Пока несчастные саженцы каким-то чудом не поднялись вровень с крышами домов.

— Да уж, ломать и разрушать мы – мастера, – согласился со мной Волошин. – Кажется, давно ли, на моей памяти, мы собирали ягоды, грибы и черемшу недалеко от маминого дома в Осинниках. Точно так же было и в Междуреченске. А теперь до леса и не добраться без автомобиля. Цивилизация! – говорят. – Ничто, де, перед ней устоять не может. Особенно в нашем варварском понимании...

Мы с Александром зашагали вдоль журчащего ручья, потеснённого полотном железной дороги, направляясь в сторону рудника и перепрыгивая с камня на камень по протоптанной напрямик тропе.

— Проголодался в дороге? – спросил меня Александр.

Пришлось признаться. Никаких припасов в дорогу не беру. Да и откуда им взяться? На вокзалах городов, кроме, в лучшем случае, чая – вернее бурды наподобие чая – ничего не продают. А мой сосед по вагону в единственном тут рабочем поезде (он ехал только до Осинников) не очень настойчиво приглашал меня к своему столу. Да я и не посмел бы воспользоваться его приглашением. «Спасибо! Сыт...» И совсем не огорчённый моим отказом, сосед уминал за обе толстые щеки жареную ароматную курицу, особого приготовления – я такую отродясь не видел! – копчёную колбасу, сливочное масло, шоколад и бог знает, что ещё из того, что даже во сне тогда не могло присниться рядовому газетчику (да только ли ему?!).

— Кто же он? – удивился Александр. – Уж не миллионер ли заезжий?

— Представь себе – не заезжий. Нашенский. Кузбасский. Даже твой тёзка – Александр. Только не Никитич, а Иванович. И не журналистских кровей. А миллионер ли, не ведаю. Начальство обкомовское... Но не будем о нём. Сейчас бы червячка заморить хоть чем-нибудь. Пойдём в горняцкую столовую. Там теперь, после критики в нашей газете и указаний из столицы, кормят, наверно, лучше, чем у родной мамы...

— Всё теми же вонючими щами трёхмесячной давности! – охладил мою риторику Волошин. Он уже опробовал вчера здешние блюда горняцкого пищеблока.

— Ничего. Мы с тобой солдаты. Ко всему привыкли.

— Так-то оно так. Но даже знаменитых щей мы тут не попробуем. Столовая закрыта на обеденный перерыв, – подсадовал Александр. – А может, обойдёмся и без столовой?

Он показал рукой в сторону косогора поодаль от дороги. Там, из-за большого красноватого камня выкатывался поблёскивающий на солнце ручей.

— Присядем на часок возле того камешка. И перекусим. Тем, что осталось в моём чемоданчике. Не хуже твоего жирного однокупейника-обкомовца.

Пока я умывался ледяной водой горного ручья, Волошин разложил на газете несколько кусочков чёрного чёрствого хлеба, очистил и разрезал пополам головку луковицы, достал спичечный коробок соли, открыл перочинным ножом баночку рыбных консервов, вытащил из-за голенища алюминиевую ложку, вымыл её в ручье, тщательно вытер клочком газеты и подал мне, а сам вместо ложки взял ножик. Пир, как обычно при встрече друзей, начался с первого тоста. И продолжался... всухомятку. Солдатская фляжка, к сожалению, не задумана бездонной и слишком скоро опустела. А других ёмкостей с горючим ни у меня, ни у Александра не было.

На правах хозяина – это был район Волошинского собкоррства – в нескольких фразах он познакомил с Таштагольскими новостями. Меня больше всего интересовал быт горняков. Ради этого послал меня сюда в командировку мой новый начальник – заведующий отделом культуры Сергей Владимирович Токаревич. Рафинированный московский интеллигент, маленького роста, он умел нравиться доверчивым женщинам, ладил со всеми, критиковал, словно гладил мягкой меховой рукавицей, убеждённый в том, что враги бывают лишь у... дураков. Смилоствился ли надо мной редактор или прислушался к словам секретаря обкома, не знаю. Но меня в отдел культуры всё же перевёл.

— Так это же здорово! – обрадовался за меня Волошин. – Литература тоже к вашему отделу относится?

— Разумеется, Саша. А чем же ты эту литературу поддержишь?

— Чем хочешь, дорогой! Рассказами, новеллами, главами из романа...

— Молодец, Саша! Для начала очень даже хорошо! Выходит, не зря я всю дорогу до Осинников убеждал моего соседа по вагону, обкомовского начальника, а до него всех, кто имеет к этому хоть какое-то отношение, в одном: Кузбассу необходим свой литературно-художественный журнал.

— А обкомовец что?

— Он? Как бы тебе, Саша, поточнее обрисовать его? Конечно, он – не то что наш редактор. Хотя оба они – одного поля ягоды. Даже росточком и обличьем одинаковы. Два откормленных боровка! Но у Александра Ивановича кругозор несравнимо шире. Из обкома ему, секретарю по идеологии, куда больше видно. И он понимает: при всём уважении к журналу «Сибирские огни» в Новосибирске, на него кузбасским литераторам рассчитывать трудно. Журнал – не бездонная бочка: всю пишущую Сибирь через себя не пропустит. Особенно теперь. После войны по всему Советскому Союзу в литературу пошла молодёжь косяками. Не зря наши солдаты освободили от фашистов почти всю Европу. Себя показали. И других посмотрели... Есть о чём писать. Было бы желание. И наш Кузнецкий край без своих писателей, без своего журнала дальше никак не обойдётся.

— Неужели в этом надо ещё убеждать кого-то?! – удивился Волошин.

— Ты, Саша, в самом деле наивный? Или только прикидываешься? Думаешь, большие и малые руководители спят и видят наши произведения опубликованными?

Волошин ничего не ответил, а может, даже, как мне показалось, обиделся на мои слова, и я закончил:

— Глубоко заблуждаешься, дорогой! Они ещё попьют нашей кровушки, дай срок, пока наши произведения увидят свет...

Александр резко встал с камня, шагнул к ручью, зачерпнул в широкую пригоршню ледяной воды, с жадностью выпил её и вернулся на своё место, чтобы слушать меня дальше.

— Да что там говорить о Кузбасском журнале. Сколько раз приходилось мне, Саша, со всей солдатской настойчивостью и моей хохляцкой упёртостью, на всех доступных для меня уровнях месяцами упрашивать и нашего редактора, и его покровителей разрешить нам организовать в Кемерово литературную группу. Не тайное общество каких-то заговорщиков. А людей, пробующих свои силы в литературном творчестве. Людей, всей душой любящих художественную литературу. Она помогает им выносить тяготы послевоенного разора... И что ты думаешь: разрешили? Как бы не так! Мои упрашивания закончились ярлыком «самозванец». Да ты, Саша, не удивляйся. Ничего скверного я не сделал. Просто без всякого высокого разрешения я собрал знакомых начинающих авторов у себя дома, в своей проходной комнате. Поговорили, как нам лучше общаться в литературном творчестве, чтобы и дальше не оставаться одиночками-затворниками, которые варятся в собственном соку. Прочитали друг другу и обсудили, как умели, свои стихи. А на прощанье условились каждую неделю проводить после работы открытые для всех желающих литературные среды...

Наговорились же мы с Волошиным в ту Таштагольскую встречу вдоволь. А что касается литературных сред, — мне посчастливилось, так или иначе, руководить ими добрый десяток лет в самую трудную пору их организации и становления — надо бы рассказать о них поподробнее. Значение их, тогдашних, поистине творческих, не переоценить. Любой мало-мальски объективный человек согласится: без литературных сред, без литературных групп, без литературного объединения не родился бы и Кузбасский альманах и Кемеровское отделение Союза писателей СССР.

Смешно вспомнить: тогда, в сентябре сорок пятого, нас, будущих возможных литераторов, знающих друг друга, было всего – ничего, – мы вполне разместились на старом, брошенном предыдущими хозяевами продранном диване. (Другой мебели в моей холостяцкой квартире просто не было.) Пришли ко мне на первую литсреду очень разные люди. Пропахшая ядовитой химией, задёрганная неустроенностью жизни, не очень грамотная рабочая завода Антонина Полозова со своими робкими угловатыми стихами о родном городе. Высокообразованный экономист Владимир Алексеев. Он свободно владел техникой стиха и умел критически проанализировать написанное. Диктор областного радиокомитета, порывистая красавица Зоя Маякова с яркими поэтическими образами в ключе Есенина. Застенчивый работник какой-то никому неизвестной артели, редко роняющий несмелые слова Миша Небогатов. Бросалась в глаза грустная деталь: он с трудом держал карандаш изуродованными на войне пальцами правой руки. Слушая других, что-то записывал на бумажке, не без натуги выводя непослушные буквы. Автор по-детски наивных стихов о природе, о селе, Небогатов привлёк меня своей простотой, скромностью, незаметностью. Похожий на несмелого деревенского паренька, впервые привезённого в город, где всё ему казалось новым и малопонятным. Хотя на его поношенном, но чистеньком и хорошо отутюженном френче виднелись нашивки-полоски, говорящие о фронтовых ранениях. Миша с первой встречи запомнился мне больше других. Я познакомился с ним ещё раньше в редакции, когда он искал работу. Выслушав его сбивчивый рассказ об артели, где пришлось ему зарабатывать после госпиталя на хлеб, я проникся к нему сочувствием и тут же загорелся мыслью, как бы перетащить Небогатова в редакцию нашей газеты.

К сожалению, мои старания ни к чему не привели. Виктор Львович одну за другой браковал Мишины заметки, пока не произнёс окончательное «нет!».

— Не получится из тебя, Небогатов, газетчика, – сухо отрезал Касперович. – Занимайся стихами, раз бог наградил тебя таким даром. – И добавил прочувствованно: – Газета погубит в тебе поэта... Хватит мне греха за Косаря. Сердце кровью обливается, когда вижу, сколько газетного дерьма перелопачивает он ежедневно. Вместо того чтобы писать стихи... Лучше служить в задрипанной артели и оставаться поэтом, чем – в престижной газете, высушивающей душу!..

Ох, как же был тогда близок к истине Виктор Львович! И напрасно мы с Небогатовым не кинулись к нему на шею в порыве сердечной благодарности за его мудрые слова. Лишь через много лет убедились: слугой двух господ одновременно можно быть только в комедии. А если за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь...

Касперович со своими прокуренными лёгкими по настоянию врачей сменил загазованный до предела Кемерово на курортный воздух Кубани. Другие газетчики по-иному отнеслись к призванию Небогатова. Однако жизнь потом беспрекословно и многократно подтвердила вещие слова Виктора Львовича. Но тогда мы не согласились с ним. И обиделись на него. Нас, наивных, захватывала и увлекала многообещающе привлекательная возможность встречаться в редакции газеты и с её помощью с интересными людьми. Спорить. Творить. А в будущем – чем чёрт не шутит – даже публиковать на страницах газеты свои художественные произведения.

Уже через месяц после первой встречи молодых литераторов у меня дома на литературные среды пошёл народ, что называется, валом. В просторном кабинете отдела культуры и быта редакции газеты «Кузбасс» негде было разместиться всем желающим попасть на литсреду. Возбуждённый разговор затянулся до позднего вечера. То же самое повторилось и через неделю. Выходит, мы не ошиблись в своих ожиданиях: литературное творчество влекло к себе многих, им хочется общаться друг с другом.

Вслед за Кемеровской, литературные группы, наподобие нашей и по её примеру, появились в других городах Кузбасса. Прежде всего – в Сталинске. Они тоже собирались на свои литературные встречи. Главным образом – в редакциях местных газет. Стало считаться, говоря по-современному, престижным иметь при газете или при читальне центральной библиотеки литературную группу, регулярно проводящую свои собрания.

В меру своих сил я помогал товарищам, участвовал в обсуждении их произведений, выносил на их суд свои стихи, главы из поэмы. Подготовленную к печати поэму «Углеград» весьма придирчиво и заинтересованно обсуждали молодые литераторы на Куйбышевском руднике в Сталинске. С радостью открыл я там для себя способного и работающего поэта Александра Пинаева, увлечённого давней историей Сибири; ищущего свой голос в прозе Ивана Лушкина; тянущегося всем сердцем к стихам Василия Афанасьева, потомственного рабочего Кузнецкого металлургического комбината, их литературных собратьев.

Потом на основе литературных групп мы создали областное литературное объединение. Из его недр, по его настоянию, вместе с ним творческая молодёжь и комсомольские вожаки разожгли искры широкого движения, которое увенчалось первым совещанием молодых литераторов Кузбасса.

Наиболее интересные произведения его участников мне посчастливилось кропотливо проанализировать в своём докладе. Убедился ещё более и убеждал неопровержимыми доказательствами присутствующих на том совещании: литературный процесс в Кузбассе необратим. Его надо поддерживать сообща, всеми силами и возможностями. Он принесёт со временем большие плоды. Вопреки его яростным противникам и маловерам...

Через литературные группы, через кипение страстей и стычки мнений на литературных средах прошли и не раз с благодарностью вспоминали об этом все признанные и не признанные литераторы Кузбасса старшего послевоенного поколения. То была неповторимая пора трудной и яркой молодости художественной литературы на редкостной по богатству самобытных талантов во всех областях жизни Кузнецкой земле.

Скорее всего, из-за чрезмерной загруженности, а может, и неверия в практическую пользу литгрупп, Волошин поначалу не замечал их, обходил стороной: «Чем тратить время и силы на обсуждение написанного, лучше создавать новое». Такой точки зрения придерживался не он один. Но по мере накопления своего литературного багажа, сам запросился на очередное заседание молодых литераторов.

— Да, я слышан о ваших литсредах, – как-то завел о них речь Александр. – Говорят, вы под орех разделали и стихи заезжего московского мэтра Михаила Львова!

— Чтобы не зазнавался. Впрочем, он публично на той же литсреде полностью согласился с нашей критикой. Поблагодарил за прямоту и объективность. И насколько мы поняли, не обиделся на нашу провинциальную откровенность. (Только много лет спустя убедился я, что это далеко не так. Одобренную подборку моих стихов, вопреки решению главного редактора журнала «Новый мир», заведомо поэзии М. Львов под различными надуманными и далеко не литературными предлогами продержал у себя почти целый год и не пустил в печать. Злопамятен! И он – не исключение из правил. Ничего не поделаешь. Такова уж порода иных людей. Притворство. Лицемерие. Подлость. Вот их опора.)

— Хотелось бы и мне, – сказал Волошин, – предложить на ваш строгий суд что-нибудь из написанного. Не возражаешь, Алёша?

— Что ты! Мы будем рады, Саша. Приезжай. Привози, что считаешь нужным. Надо исподволь готовить заранее самое зрелое и отработанное для первого номера нашего, Кузбасского альманаха.

— А ты веришь, что альманах родится?

— Верю, Саша! Верю!.. Не повторилась бы только прежняя история: то, как мы создавали первую литературную группу. Смешно и грустно! Как посмели?.. Без разрешения сверху!.. Редактор допрашивал меня с пристрастием. Будто прокурор:

— Что это за подпольное собрание вы проводите у себя дома, товарищ Косарь?.. Какие литераторы?.. Где вы их видели у нас, в Кемерове?.. В Новосибирске, в Москве — я понимаю... Или серьёзного дела для себя не находите?..

— Так и сказал?! — удивился Волошин.

— Так и сказал. Грубость и бестактность я опускаю. Обычная манера вконец зазнавшегося советского вельможи разговаривать со своими подчинёнными.

И пока меня и моих товарищей не поддержали в обкоме комсомола — идеологией там занимался образованнейший секретарь Николай Троицкий, он разглядел в нашей литгруппе большое будущее, и мы с ним сразу нашли общий язык — пока этого не случилось, редактор и слышать не хотел, чтобы литературные среды проводить у нас в редакции газеты.

— Думаю, Саша, то же самое повторяется и теперь с нашим будущим литературным альманахом. Но обстановка меняется. Я уже не один. Смотри, сколько одарённых людей взялось за перо!.. Многие из них откликнулись на моё приглашение участвовать в альманахе. С каким желанием работают над заказанными материалами! Предлагают своё... Чуть ли не из глухомани Мариинской тайги, которую он исходил вдоль и поперек, дотошный всезнающий краевед с окладистой старообрядческой бородой приезжал ко мне. Положил на стол для альманаха отличный очерк!.. Другой, не менее оригинальный человек — Иван Ерошин — несколько лет, махнув рукой на городскую цивилизацию, провёл в юртах кочевников Горного Алтая и привёз полмешка рукописей. Да, да, Саша, ничего у него не было, кроме миллиарда вшей в изношенном до дыр полушубке и карандашных рукописей. Но зато в его рукописях — бесценный клад! Настоящая литературная классика. Ты только послушай.

«Еду с песней по долине.
Вижу: череп скалит зубы.
В черепе пророс цветок.

В чёрную прошёл глазницу.
Алым полымем поднялся
На высоком тонком стебле...»

Забегая вперед, скажу: стихами Ивана Ерошина в одном из парижских изданий восторгался потом Ромен Роллан. В далёкой чужой Франции заметили и высоко оценили русский талант. А наш редактор, когда я подготовил для газеты «Кузбасс» цикл стихов Ерошина, посмеялся над ними и выбросил стихи в корзину для мусора!.. Вот какие люди вершили судьбу нашей коммунистической идеологии. Стоит ли удивляться, что они загубили её на корню?

...Согласился сотрудничать в будущем кузбасском альманахе и Фёдор Чиспияков, самый образованный человек шорского народа, не имевшего пока своей письменности, но богатого талантами от самозабвенных охотников до поэтов-сказителей. Откликнулись на мой призыв знаток людей и проблем села Яков Северный из Белово, самобытный поэт и прозаик Геннадий Молостнов из Осинников, маститый экономист Виталий Попов и недавний боевой комбат, прошедший всю войну на передовой, газетчик Иван Балибалов, лирик Михаил Небогатов и тонкий глубокий критик Владимир Алексеев из Кемерово, сдержанный на слово, вдумчивый поэт Александр Пинаев из Сталинска... Это далеко не все. И конечно же, приглашаем в наш альманах тебя, Саша, с твоей «Землёй Кузнецкой».

— Ты убедил меня, Алёша, – обрадовался Волошин. – Признаюсь, я и не предполагал, как много талантов удалось тебе собрать для поддержки альманаха. Реальных. А не мифических, выдуманных...

— Мы положим на стол редактора твой роман, Саша. Он станет ещё одним весомым доказательством в пользу альманаха. Подберём стихи, очерки, деловую статью учёного, критическую, литературоведческую... Обо всём этом я обстоятельно рассказывал секретарю обкома партии. Он обещал подумать, доложить первому секретарю обкома, уговорить Арсена Арсеновича стать официальным редактором альманаха.

— Не обижайся, Косарь, — сказал мне секретарь по идеологии, — но тебя, беспартийного, редактором альманаха бюро обкома не утвердит. Такой у нас в стране порядок. Но всеми литературными делами в новом журнале будешь заниматься ты. Редактор же газеты — не литератор. Он, как наш политический представитель, будет ставить только свою подпись в конце альманаха...

— И получать за это деньги! Вместо тебя... — рассмеялся Волошин, когда узнал о циничном распределении ролей в будущем издании.

— Само собой разумеется. Своя рука владыка. И лишние деньги дружку секретаря — не помеха... Пускай гребут! Я готов сколько угодно работать на альманах бесплатно, на общественных началах. Как и до сих пор. Была бы только польза... Но хватит об этом. Ты лучше скажи мне, когда закончишь свой роман. Вопрос мой, понимаю, бестактный. Извини. Но сроки подпирают. Время торопит.

— Не беспокойся, Алёша. К первому номеру альманаха успею. Я тебя не подведу. Вот тебе моя солдатская рука!..

И не подвёл. Ни разу, сколько помню. Какое же это великолепное, ничем не заменимое достоинство – уметь держать своё слово! Выполнять своё обещание. Солдатское и генеральское, рабочее и интеллигентское... Любое. Скольких бед мы избежали бы – и в семье, и в государстве, и во всём мире – не расплодись по свету такого множества болтунов-обещалкиных!.. На всех уровнях власти и безвластия. Во всех делах – великих и малых. Просто в ежечасном нашем быту... И уж казалось бы, чего проще: не можешь – не обещай. Скажи: не хочу, не могу, не буду!.. А уж если взялся, обнадёжил другого – будь настоящим человеком и, чего бы тебе это ни стоило, оставайся хозяином своего слова, выполни обещанное до конца!..

Дух захватывает при одной только мысли, чего мы сможем добиться, когда научимся держать свое слово. Все. От рядового гражданина до президента! И я, неисправимый романтик — оптимист, верю в приход такой счастливейшей поры...

Не было бы счастья...

События развивались стремительно, нежели мы с Волошиным предполагали. Его популярность как газетчика росла с каждым днём, точнее – с каждым новым его выступлением в «Кузбассе». Она достигла высшей точки к тому времени, когда наша газета начала публиковать тематические страницы-полосы. Их готовили по личному заданию редактора. Он один имел право и завёл такой порядок: присутствовать на самых важных совещаниях в обкоме партии. Он выхватывал там главные вопросы для последующего освещения в газете. Полосы готовили собственные корреспонденты «Кузбасса» в других городах и привозили в редакцию с отобранными снимками,

смакетированные и выправленные до последней запятой. Сама подготовка тематических страниц считалась знаком особого доверия редактора газетчику. И такое доверие выпадало не каждому.

Живой, образный литературный язык Волошина позволял ему оставлять далеко позади себя своих даже одарённых газетных товарищей. Это радовало нас. Но в то же время не могло не вызвать змеиного шипения завистников. И как ни странно с моей беспартийной тогда точки зрения, невзлюбили Волошина его же однопартийцы. То ли за его явное превосходство в делах. То ли за прямой его характер – мог сгоряча выпалить в глаза человеку всё, что о нём думает. То ли за его стоическую работоспособность, умение схватывать налету главное и, не откладывая на потом, тут же изложить его на бумаге. А может, невзлюбили его за... влюбчивость в представительниц лучшей половины человечества?.. Не мне судить.

Нападать на Волошина открыто завистники не решались. Александр мог дать сдачи любому. И словом. И кулаком. Хотя драчуном не считался. Но защитить своё человеческое достоинство мог в любом случае. Вот уж в чём Маяковский тысячу раз прав: «Мы крепки, как спирт в полтавском штофе!..» Сказано это о других литераторах. Но вполне может относиться и к таким людям, как Волошин.

А вот жалить исподтишка – это завистники умели. И не упускали ни малейшего подходящего случая. Если же подобного случая не было, пытались сочинить его сами, распространяя грязные сплетни о каких-то «подозрительных неточностях в партийной биографии», хотя Александр стал коммунистом – причём настоящим коммунистом! –

на фронте. И это при желании нетрудно было проверить. Конечно, у Волошина с его открытой нараспашку душой и добрым сердцем, с его резким, подчас непредсказуемым характером, никогда не витал нимб святого вокруг крупной чернокудрой непокорной головы. И тут ничего не поделаешь. Это – личность! Принимай или не принимай её, эту личность, такой, какой она создана жизненными обстоятельствами. Уже тогда друзья подшучивали над Александром в искреннем застолье:

*Хороший был парень Волошин,
Он водку стаканами пил.
И девушек, что помоложе,
Достаточно перелюбил!
С несчастным поэтом Алёшей
Он долго и крепко дружил.*

*Врагам не прощал он обиды.
Достиг он при жизни всего.
Но злые завистники-гниды
Всю жизнь донимали его.
И власть предержавшие гниды
Всю жизнь изводили его.*

Вот и на этот раз Волошин приехал в Кемерово по вызову редактора газеты, сдал ему тематическую полосу без малейших замечаний. Само по себе сие считалось высшей похвалой нашего шефа. В тот же день получил в бухгалтерии положенные за полосу сто рублей (платили всем одинаково – талантливым и бесталанным) и отправился в ближайшее кафе вместе с нами обедать.

То ли мы засиделись в кафе – встречи наши не обходились по фронтовой привычке без «ста граммов», – то ли Александру захотелось остаться в Кемерово, чтобы побывать на литературной среде, а спрашивать разрешения было уже не у кого (редактор уехал домой отдыхать), – как бы то ни было, но на вечерний поезд до Сталинска Волошин

не попал. Об этом на следующее же утро донесли Арсену Арсеновичу. Он мгновенно сменил вчерашнюю милость на сегодняшний гнев и сию же минуту вызвал Александра к себе в кабинет.

Редактор поддерживал в работе железную дисциплину. Он не прощал ни малейшего отступления от раз и навсегда заведённого им порядка. Никому. Кроме, разумеется, самого себя.

— Где редактор? – обычно спрашивали его секретаршу.

— В обкоме, – отвечала она всегда одно и то же. Откуда было ей знать, где он находится на самом деле? Но сейчас бледная напуганная секретарша прибежала в наш отдел и запричитала:

— Ой, Саша, что тебе будет!..

Она дорожила своим местом, как никто другой. Была буквально на побегушках у своенравного редактора. Потеряв в Польше предательски убитого из-за угла мужа-журналиста, Аня Смирнова в бедности, с горем пополам, без чьей-либо помощи, как могла, растила своих детей. До ужаса боялась потерять место в редакции и дрожала даже перед тенью Арсена Арсеновича.

— Редактор мечет громы и молнии, – зашептала Аня Александру. – Иди скорее к нему! – потянула она Волошина за рукав старенького, не по его богатырской комплекции пиджака.

Мы знали по себе, какие беспощадные и унижительные разносы любил устраивать редактор. Его безнаказанная вседозволенность выплёскивалась на повинную голову (за малейший пустяк) свирепым буйством. Откуда только в таком ничтожно малом человечке было столько злобы и ненависти к подчинённым?! И нужно было немало времени после его разносов, чтобы потихоньку прийти в себя.

Даже многослойная, обитая дерматином массивная дверь его кабинета не могла заглушить выкрики редактора. Они вылетали в коридор, где собрались на перекур встревоженные за Александра сотрудники.

Мы не сомневались: Волошин сумеет постоять за себя, за своё человеческое достоинство. Он и на фронте знал себе цену. Из-за своей непокорности после стычки с командиром чуть не попал в штрафники. Отчаянно смелый, Александр на трофейном мало знакомом ему мотоцикле развил в Берлине такую скорость, что влетел на буфер между вагонами мчащегося трамвая. И отделался легкими царапинами. Из самых сложных положений Волошину удавалось найти выход. Подчас – даже забавный, как это случилось с тремя газетчиками, которые вздумали прокатиться в чужом персональном вагоне, когда он возвращался из Осинников в Сталинск без своего хозяина. Не останавливаясь на вокзале, вагон проследовал прямо на территорию Кузнецкого комбината. Выйти оттуда мы с Волошиным и Зелениным не могли: нет пропусков. В заводууправлении – никого, с кем бы связаться по телефону и попросить помощи! Выходной день. А охранялся тогда комбинат очень строго. Как быть? Не ночевать же возле домен или мартенов до понедельника, когда кто-нибудь выручит.

— Сейчас я вас арестую, – сказал Волошин. – И не успели мы с Николаем Николаевичем сообразить, что на сей раз придумал Александр, как он уже провёл нас мимо удивлённой заводской охраны под видом «подозрительно задержанных». Благо, в могучей руке Волошина игрушечный пистолет, на нас направленный, выглядел вполне настоящим. И наши удивлённые лица не вызывали сомнения.

Всего этого и многого другого – хорошего и плохого – из биографии своего собственного корреспондента не знал и знать не хотел редактор. Он привык повелевать подчинёнными, ломать их, грозя выгнать из газеты. Ему ничего не стоило изуродовать человеку жизнь. Поди потом попробуй жаловаться на всемогущего редактора областной газеты! Кто тебя станет слушать? Чего доброго, назовут ещё клеветником... Поэтому и с Волошиным крутой разговор начал привычными оскорблениями. Но дурная привычка на сей раз подвела Арсена Арсеновича.

— Ещё одна фраза в том же духе, – загремел голос Волошина после потока редакторской брани, – и я расколочу ваш медный лоб вашим же чернильным прибором!..

Мы в коридоре не скрывали своего восторга, когда Александр оказался в наших объятиях. В ту волнующую минуту никто из нас не подумал, какие трудные времена ожидают Волошина после этого дикого скандала.

Нечего было и надеяться потом уговорить редактора «Кузбасса» – к тому времени он уже был утверждён и редактором нашего литературного альманаха – включить в первый номер долгожданного журнала роман «Земля Кузнецкая» Волошина, тут же уволенного из газеты.

— Кого?! – рявкнул редактор, гневно взглянув на меня из-под густых чёрных бровей. – Этого хулигана?! Пока я тут хозяин, запомните, Косарь, в Кузбассе не будет напечатано ни одной его строки!..

Не помогло и мое обращение в обком, к секретарю по идеологии, мои доводы в пользу Волошинского романа.

— Нет уж, товарищ Косарь. Платон мне друг, но истина дороже, – подчеркнуто официально ответил секретарь по идеологии. – Тебя утвердили литературным секретарём альманаха «Сталинский Кузбасс». Ты формируешь его содержание и договаривайся с Арсеном Арсеновичем сам...

Что скажу Александру, думал я, поднимаясь по лестнице к нему в квартиру, будучи в очередной командировке. Чем смогу ему помочь? Утешить?

На мой стук в дверь долго никто не отвечал. Может, ошибся? Постучал настойчивее. За дверь послышались тяжёлые шаги. В полутьме приоткрытой двери показался незнакомый человек. В щуплой фигуре невозможно было угадать здоровяка Волошина. И я уже хотел извиниться. Но услышал голос: – Заходи, Алёша. Раздевайся. Извини, допишу фразу. А то улетит, как жар-птица. Потом не поймаешь.

Пока я снимал в прихожей верхнюю одежду, Волошин вернулся на кухню, к своему рабочему месту. Даже видавшее виды моё сердце сжалось от боли. На старенькой тумбочке, уже знакомой по первому моему посещению это полупустой квартиры, лежал лист бумаги с загибающимися углами.

Он был исписан карандашом с закруглёнными, как и смолистые кудри его хозяина, крупными буквами. Тут же, на тумбочке, – светло-жёлтая горка примитивно второпях нарезанного ножом табака-самосада. Рядом с ним большой кусок засохшего чёрного хлеба, общипанного со всех сторон, и железная кружка с водой. На полу – ржавая электроплитка. На ней – два кирпича. На кирпичах – большие голые мозолистые озябшие ноги...

— А теперь здравствуй, дорогой!

Он поднялся со своей скрипучей табуретки, уронил с плеч на пол что-то похожее на одеяло, и мы обнялись до хруста костей.

— Здравствуй, Алёша! Я знал, что ты приедешь. Хотя побаивался, как бы ваш изверг не выместил на тебе свою ненависть ко мне. И не пустил тебя в наш город... А ты всё-таки приехал. Спасибо, дорогой!..

— Я никому не звонил. Как же ты узнал?

— Сердца друзей перекликаются по беспроводному телеграфу, – попробовал улыбнуться Александр и провёл своей немой ладонью по впалым щекам, заросшим чёрной колючей щетиной.

— Ты давно ведёшь такой спартанский образ жизни?

— А я даже не знаю: неделю, месяц или целую вечность.

— А всё-таки?

— С тех пор, как остался один: без работы и без семьи.

— О работе знаю. А что с женой, с сыном?

— Ушла от меня жена. И сына увезла с собой. Сказала на прощание: пока ты станешь писателем, мы с нашим сыном умрём с голода... На жену я не в обиде. Наверно, правильно сказала. Она у меня правдивая, довоенная.

— Но ты же не умер.

— Со мной, Алёша, ничего не может случиться. Я – двужильный... Поверишь, так здорово пишется, даже самому себе признаться боязно. Первый вариант романа отправил в Москву. И пока придёт ответ – там, в столице, ведь никто не станет торопиться – перепишу заново. По второму и третьему кругу. Сколько надо будет... Хочешь, почитаю тебе главы, которых ты ещё не знаешь?..

Много-много лет спустя, возвращаясь из Австралии домой на советском турбоходе «Леонид Собинов» после очередного круиза с иностранными туристами по юго-западной части Тихого океана, я случайно познакомлюсь с индийскими мудрецами-йогами. От них я узнаю весьма простую, на первый взгляд, истину. Добиться высокой цели можно лишь в том случае, если всё своё существо подчинить одному устремлению, день и ночь, во сне и наяву, думать только о нём, жить только ради одной цели, отбросив остальное, как помеху.

Волошин, не подозревая того, сам на себе испытал совет мудрецов.

Освободившись от повседневной житейской суеты, от забирающей все силы газеты, добровольно обрекая себя на полуголодное существование, Александр сфокусировал мысли и чувства на одном-единственном: на своём романе. Как всегда в таких случаях, у Волошина начало зримо проявляться беспредельное могущество человеческого разума, обогащённого бездонными глубинами творческой одарённой души. Взятые из клокочущей до обидного и в то же время, вполне естественно, противоречивой жизни, герои его рождающегося романа с каждой новой страницей прорисовывались чётче, явственнее, ярче. Это напоминало рождение на белой фотобумаге неведомых до этого изображений по велению волшебного света. Но не мёртвых, без движения, как на снимке. А удивительно живых. Образно говоря, на моих глазах формировался пока ещё не опытный – дело наживное, дайте срок! – но самобытный писатель.

Труд в его истинно великом проявлении, творческий труд и на этот раз оставлял неизгладимый след, возвышая человека, делая его уверенно крылатым. Теперь уже ничто не могло преградить Александру дорогу к избранной цели. Хотя до неё было ещё очень-очень не близко!

Впереди ожидали Волошина новые неизбежные многократные переделки его романа. Варианты. Варианты. Варианты!.. Казалось, им не будет конца. Чем больше писал, тем меньше нравилось. словно какая-то противоположная твоему стремлению сила настойчиво и неизменно пыталась тебя на прочность, на убеждённость в твоей правоте, на необоримую готовность добиться своего. Стоило закрыть на минуту глаза, и ты представлял себя в открытом поле идущим навстречу страшному ветру, который гнёт

бурьяны и травы до самой земли, не даёт тебе ни на полшага продвинуться вперёд. Неукротимый ветер захватывает тебя, толкает в грудь, не дает дышать, норовит свалить с ног или повернуть и погнать обратно... Но ты, нагнувши вперед упрямую отчаянную голову, стиснув до скрипа зубы, сжав кулаки до боли, через силу идёшь в том же избранном тобой направлении – вперёд!

Железно логичное поведение истинного требовательного к себе сильного таланта

А за хрупкой скорлупкой твоего квартирному мирка бушует жизнь. За дверью гулко отдаются на лестнице шаги соседей. За окном щебечут птицы. Возле дома играют и смеются дети. С песней проходит весёлые девушки. Доносятся из-за угла звонки трамваев и гудки автомашин... Брось ты свои осточертевшие бумаги! Выйди на свет божий. Прогуляйся по парку. Побывай с друзьями на рыбалке или на охоте. Ты же так любишь природу!..

Нет-нет! Прочь, наваждение! Не до прогулок. Не до рыбалок. Не до охот... Не наступило ещё время для отдыха. Никакого расслабления!..

...Менял местами главы романа. Переставлял части глав. Сокращал их, вновь дописывал, опять перечёркивал. Из конца переносил в начало. Примерял к середине. Нет, не то!.. И писал, писал, писал...

Позднее, когда роман вчерне уже вырисовывался, и рукопись можно было перепечатать на машинке, жизнь улыбнулась Александру. Молоденькая, хрупкая, скорая на руку, тонюсенькая машинистка Зиночка, которой суждено потом стать женой Волошина, выбивалась из сил, перепечатывая бесконечные поправки к роману, которые не уставал подбрасывать ей почерневший лицом, но по-прежнему неутомимый Александр.

— Не боишься, Саша, что произойдет то, от чего предостерегал Маяковский?

— О чём ты, Алёша?

Я привёл строки моего любимого поэта:

«А ты попробуй на машинистке женись-ка,
она и вовсе печатать не будет».

Александр шутки не принял:

— Просто не повезло Маяковскому! – отрезал Волошин. Он очень не любил, когда кто-нибудь даже ненароком касался его семьи. Может быть, – в пику грубым, бестактным, фальшивым и до тошноты лицемерным правилам: на партийных собраниях нет-нет да и ставился «семейный вопрос». Он превращался в подобострастное копание в интимной жизни людей, почему-то не поладивших друг с другом и решивших – боже упаси! – развестись и жить раздельно. Их часами беспощадно прорабатывали, клеймили позором, осуждали и даже исключали из партии (какими бы достоинствами они не отличались!). Имей хоть сто любовниц. Но чтобы «шито-крыто». А полюбишь хотя бы одну и заявишь об этом во всеуслышание – затаскают по партсобраниям, бюро райкома, горкома, обкома!..

Но это было потом, потом и меня не обошли подобным вниманием!.. А пока я не один час непрерывно слушал новые главы романа, пленённый не столько манерой, с какой читал-завораживал Александр, а всё усложняющейся сутью прочитанного.

— Рад за тебя, Саша! Несказанно рад! – не удержался я. – Ты сам ещё не понимаешь, какую гору начал преодолевать.

— Неужели нравится? – мгновенно преобразался Александр.

— Мало сказать нравится. Теперь я убеждён: твоим романом откроем первый номер нашего альманаха. Непременно! Чего бы это ни стоило. Как только закончишь – сразу привози!

Московские страдания

А через месяц на имя редактора нашей газеты – хотя Волошин там уже давно не работал – пришла телеграмма из Москвы. Арсен Арсенович, как всегда, был в Обкоме. Не закрытую для глаз любого, кто держал её в руках, восковку с текстом телеграммы я выхватил из рук секретарши Ани и прочитал громко, на всю редакцию: «Просим откомандировать Москву журнал «Новый мир» автора романа «Земля Кузнецкая» Александра Волошина Симонов».

Нашей радости не было границ! Кроме всего, «Новый мир» тогда по праву считался самым талантливым и самым читаемым литературно-художественным журналом Советского Союза. А Симонов – в расцвете писательской славы.

Мы позвонили в Сталинск (хотя редактор строжайше запрещал вести «личные разговоры» за партийный счет!). На следующий день возбуждённый до предела Волошин приехал в Кемерово. Осталось купить билет на самолёт до Москвы. И взять с собой хоть какие-то рубли на прожиток в столице.

Но денег редактор не дал. Никаких!

— Редакция газеты – не богадельня! – прорычал он в ответ на мою просьбу помочь Волошину. – Никто нам не позволит растранижировать партийную кассу!.. Да и с какой стати мы должны давать деньги чужому человеку?!

— Но вы можете выдать Волошину аванс под его роман. И мы напечатаем его в нашем альманахе, – настаивал я.

— Вот когда напечатаем, тогда и поговорим...

Конечно, проще всего, чтобы ни перед кем не унижаться, пойти в сберкассу и снять со своего счёта необходимую Александру сумму. Проще всего? Но ни я, и никто из моих друзей не могли этого сделать. Никакого счёта ни у кого из нас не было и в помине. Нищенствовали от получки до получки.

*Проклятье – жить в безденежье!
Нужда – петлёй на шее.
Долги!.. Куда ты денешь их?
А жизнь всё «хорошеет».
В своих желаниях на цепь
безденежьем прикован.
Я лишь тогда имею хлеб,
когда опубликован.*

*Талант и тот пошёл в расход
потомству на пелёнки:
себя по капле продаёт
подёнке-газетёнке.
Бежать с нуждой вперегонки
когда ж я перестану?!
Дороги к цели далеки.
Не сыпьте соль на рану!*

Редактор всё это хорошо знал. Больше того – он всеми доступными возможностями усугублял наше нищенство. Это позволяло ему манипулировать нами, как вздумается. Понимал: богатыми не покомандуешь. Особенно возмущала нас его необъективность. Столичным авторам, когда они приезжали из Москвы, – перед ними трепетал наш редактор – он отваливал из той же «партийной кассы» кругленькие суммы беспрекословно. Незадолго до случая с Волошиным в Кузбассе побывал фотокорреспондент ТАСС Борис Пушкин. Перед возвращением домой, в столицу, он заглянул к Арсену Арсеновичу. Высыпал на его огромный письменный стол ворох своих снимков и в тот же час получил за них десять тысяч рублей! Снимки хороши. Ничего не возразишь. (Хотя газета и за год их не сумеет опубликовать). Но ведь и плата за них по тем временам невиданная. Не сравнить с тогдашней стоимостью авиабилета до Москвы для Волошина. Где же элементарная логика? За снимки – тысячи. За рукопись романа – ни гроша! Это ли не затхлый провинциализм, в котором мы стесняемся признаться? С его сов-, парт- и прочими держимордами!..

Впрочем, случившееся с Александром – не новость. По крайней мере, для меня. Такое уже было. Со мной. Отредактированную в порядке шефской помощи московскими писателями, гостившими в Кемерово, мою поэму «Углеград» редактор «Кузбасса» издал отдельной книжкой. И тоже... бесплатно! Во всяком случае, выдавать мне гонорар за изданную поэму он не собирался. Даже по самым ничтожным расценкам — Я же прославил Косаря на весь Кузбасс. Издал его стихи, – похвалялся редактор перед москвичами. – Чего же ему ещё?!

Так продолжалось до тех пор, пока московские гости не дали понять Арсену Арсеновичу, что гонорар может быть с него взыскан и через суд. Зачем же прибегать к такой, мягко говоря, неловкой для редактора форме?..

С волнением вспоминаешь те замечательнейшие годы нашей творческой молодости, и даже не верится, при каком диком пещерном произволе власть предержащих гореруководителей мы тогда жили и работали.

Между тем, от Александра из Москвы не было ни слова. Мы догадывались: нелегко ему там. Желающих и претендующих напечататься в «Новом мире», видимо, всегда было более чем достаточно. Я судил об этом по интересным публикациям журнала. Как и другие московские журналы – «Знамя», «Октябрь» – я перечитывал «Новый мир» от корки до корки с карандашом в руке. Приносил свежие номера журналов на литературные среды. Там обсуждались лучшие произведения. Восхищались. Спорили. Критиковали без скидок на авторитет. А главное – учились литературному мастерству. И чего же скрывать – мечтали, как о высшей похвале, напечататься когда-нибудь в

одном из столичных журналов. (Тогда они были куда разборчивее и строже в отборе своих авторов и их произведений, чем нынче). И вот теперь, с отъездом Волошина в Москву, похоже, мечта одного из нас может осуществиться.

Почему же тревога за Александра не покидала меня всё это время? Что с ним? Как узнать? Связаться с Москвой по телефону? Но ни родных, ни друзей в столице у Волошина не было. Написать ему на адрес журнала? Вроде – неудобно. А своего московского адреса Александр всё ещё не сообщал. Оставалось ждать. И верить в помощь такого влиятельного и авторитетного тогда литератора и общественного деятеля, как Симонов.

И мы дождались. Вот она, долгожданная весточка из столицы! Две странички размашистого неустойчивого почерка и радовали, и огорчали. Александр сообщал: живёт в сыром грязном подвале – снимает угол (дешевле не нашел) у пьянчужки-уборщицы под старым зданием Союза писателей СССР на улице Воровского: «Жрать нечего. Дороговизна страшная!.. Симонов встретил доброжелательно. Когда узнал о моей нищете, выписал под роман две тысячи рублей. Хватило ненадолго: спекулянты за любую еду дерут три шкуры. Работы много. По замечаниям, сделанным Константином Михайловичем. Между прочим, он сказал – для романа нужна песня. Прошу тебя, Алёша, напиши и срочно пришли мне... Будь ты врачом, я попросил бы у тебя лекарство какое-нибудь. Нарывы одолели – по всему телу. Смех и грех! Ни сидеть, ни лежать. Писать можно только стоя...».

Так и хочется крикнуть с этой вот страницы всем начинающим и жаждущим прославиться литераторам. И не только им. Читайте и запоминайте. Вот через какие труды, через какие лишения пробивается дорога в настоящую литературу!

А сонмища «самовыражающихся» щелкопёров, которые в жизни ничего не видели и ничего не испытали, но хотят непременно поучать других, – не в счёт. Ничего вразумительного сказать людям они не могут. Нечего! Одно непотребное баловство. Не потому ли всюду в бывших республиках распотрошенного Советского Союза публикуется, передаётся по телевидению и радио, исполняется на цинично-похабных визжащих и улюлюкающих эстрадах столько халтурных поделок, ничего общего с литературой и искусством не имеющих?! Уж лучше бы таким писакам-халтурщикам лопату в руки. Пусть покопают землю, чтобы хоть как-нибудь оправдать своё существование.

Прямое касательство

Письмо из Москвы от Волошина вручили мне перед моим отъездом в командировку. Я несколько раз перечитал его и в дороге, и в гостинице Кузнецкого комбината, на Верхней Колонии. Провалился там несколько суток с высокой температурой. Простудился на одной из шахт Ленинска-Кузнецкого – имени Кирова. Читал горнякам свои стихи в продуваемом студёными зимними сквозняками зале-раскомандировке. В гостинице донимала меня досада: что же это за жизнь, если ничем не можешь облегчить страдания своего лучшего друга?! Он в Москве одинок, мучается на пределе сил. Я – тут, за четыре тысячи километров от Александра, валяюсь в постели, скованный болезнью. А Симонов требует песню для романа. Где же её раздобыть? Отродясь не писал песен для романов. Для Кемеровских азотчиков – было дело. О реке Томи – тоже. Про шахтёров Кузбасса – приходилось. После публикации в газете «Кузбасс» её издали отдельной листовкой (текст и ноты). А как распространить, никто не знает. Ничего подобного раньше не делали. Из обкома спрашивают редактора: где песня о шахтёрах?

Скоро праздник. Надо бы успеть к празднику... Редактор, естественно, – на меня: твоя песня – ты и распространяй. Весело!.. Спасибо, начальница облсоюзпечати Стеблецова выручила: мы, говорит, с удовольствием заберём. Да ещё денежки на вашей песне заработаем!.. Притащил ей все пятнадцать тысяч экземпляров. На том песенные муки и закончились. Позже Иван Балибалов сообщал мне из Кемерово, что хор Кемеровской филармонии исполняет мою песню, будто бы ему даже нравится, хотя он и не любитель песен. Но – та ли, о шахтёрах, или другая – не знаю. А тут Волошин просит не просто песню, а именно для его романа. Да ещё на суд такого строгого редактора-поэта, как Симонов. Есть над чем задуматься.

За окном гостиницы медленно падал густой разлапистый снег. Он был белее моей гостиничной, безупречно выстиранной, отутюженной и накрахмаленной простыни. С высокой подушки мне было видно в окно, как всё вокруг – крыши зданий, дворы, деревья, дороги, обычно чёрные тут от дыма и копоти близлежащих цехов металлургического гиганта, становились постепенно белыми-белыми...

После бессонной ночи, утором я попросил дежурную по этажу бросить в почтовый ящик, когда она пойдёт домой, моё письмо. Оно было адресовано в Москву, на улицу Воровского, в подвал дома 52, где снимал угол и неистово бился за своё писательское будущее Александр Волошин.

Первый раз в своей жизни я написал письмо стихами.

Снега, как перья лебедей,
покрыли всё вокруг.

Но сразу на душе теплей,
Когда приходит друг.

Добро не в том,
кто за столом
дружить поклялся вдруг.
А друг в труде,
а друг в беде –
мой настоящий друг.

Он улыбнётся, и светлей
мне станет среди вьюг.
Верней не знаю я людей,
чем он, мой верный друг.
Не тот мне мил,
кто с нами пил,
назвался другом вдруг.
А друг в труде,
а друг в беде –
мой настоящий друг.

Мы с ним за партией за одной
сидели десять лет.

И нашей дружбы фронтовой
на свете крепче нет.

Не тот хорош,
кто, словно грош,
вкатился в братский круг.
А друг в труде,
а друг в беде –
мой настоящий друг.

Теперь на новые дела
нас дружба подняла.
Мы с другом – будто два крыла
летающего орла.
Мы говорим:
не тот любим,
кто полюбился вдруг.
А друг в труде,
а друг в беде –
наш настоящий друг.

...Пройдут года. И нас, отцов,
заменяют сыновья.
Но и тогда, как средь юнцов,
вновь друга встречу я.

*И с ним вдвоём
мы за столом
былое вспомним вдруг.*

*Он – друг в труде,
он – друг в беде,
Мой настоящий друг!*

Через неделю, уже в Кемерове, мне принесли ответ Волошина из Москвы. Я с нетерпением ждал его и, не стану скрывать, мало верил в успех. Я никогда не был поклонником поэзии Симонова. Моим богом и наставником был и остаётся Владимир Владимирович Маяковский. И не только потому, что он написал такие замечательные поэмы, как «Хорошо!» и «В. И. Ленин», вступление в поэму «Во весь голос», которые знаю наизусть, а также статью «Как делать стихи» – незаменимое творческое пособие для каждого молодого (и не только молодого) поэта. Все эти сегодня расхваливаемые на всю вселенную (особенно – западные, заокеанские) сверх гениальные поэты в своём творчестве не сумели подняться до недостижимого уровня лирики Маяковского и прежде всего в его поэмах «Облако в штанах» «Про это» (о любви). И Симонову ничего не стоит отвергнуть моё стихотворное послание Волошину.

«...Симонов пожурил меня, – писал Александр, – за то, что я до сих пор не нашёл песню для моей «Земли Кузнецкой». Не мне же, сказал, писать её для вас. А когда случайно наткнулся на твоё, Алёша, письмо в стихах – я заложил его в рукопись романа, – то внимательно прочитал твои стихи и улыбнулся:

— Чего же вы молчите? Это же и есть та самая песня, которую мы с вами ищем! Готовая. Хоть бери и пиши на неё музыку...

И тут же Симонов предложил включить твою песню в роман. Песня точнѐхонько в него вписалась... Спасибо, Алѐша! Теперь и ты имеешь прямое касательство к моему первому роману».

«Песня о дружбе» – так я назвал её, вошла в один из моих сборников стихотворений «Откровенное слово», напечатана во всех многочисленных изданиях романа Волошина «Земля Кузнецкая» (советских и зарубежных) и обрела с лёгкого слова Симонова ряд мелодий. На слова песни написали музыку и самодеятельные композиторы (Е. Ганченко, например), и профессионалы (Д. Покрасс). Не раз я слышал её и в Кузбассе, и за его пределами, даже в Атлантике, когда с немецкими туристами направлялся на теплоходе «Иван Франко» в Бразилию, на знаменитый карнавал в Рио-де-Жанейро. Нравилась песня и Александру. Но ни он, ни я не считали себя знатоками музыки, склоняясь в первую очередь и неизменно к русским народным песням.

В Кузбассе в то время поднималась волна обновления. Задела она, разумеется, и газетчиков, и молодых литераторов. На смену приятелю нашего редактора, недоступного Лукеру, который подчѐркнуто медленно и надменно называл себя не иначе, как «полпред» «Правды», в Кемерово прибыл бывший фронтовик, простой и дотошный собственный корреспондент главной газеты ЦК КПСС, коренастый, часто покашливающий Борис Тарасов.

Первые же свои выступления в «Правде» Тарасову пришлось построить на критическом анализе причин отставания Кузбасса угольного. Прошѐлся он и по нашим местным дутым авторитетам. Его обзор газеты «Кузбасс» прозвучал громом среди ясного неба. Обнажилась страшная запущенность идеологической работы в Кемеровской области, грубые ошибки в развитии угольной промышленности,

некритичность главных выступлений нашей газеты, стремление затушевать, скрыть от общественности острые кричащие проблемы жизни...

Критический обзор Тарасова в «Правде» заканчивался обращением потомственного шахтёра Ивана Проходкина к своим товарищам:

*— Друзья! Припомните, не раз
Нам приходилось туго.
Труднее много, чем сейчас.
Но разве мало среди нас
Тех, кто прославили Кузбасс?
И разве кончился запас
Шахтёрских сил,
и уголь
вы разучились добывать?*

*Иль шахты обеднели?
Или страна – родная мать –
не призывает нас опять
на подвиг в нашем деле?
Не отдыхая от труда,
страна возводит города
из пепла и разора.
А мы в долгу...*

Так, через публикацию «Правды» литературный герой моей поэмы «Углеград» Иван Проходкин выходил на всесоюзную арену. (В Кузбассе многие знали: его прообразом послужил Иван Павлович Ходыкин, представитель знаменитой шахтёрской династии). Это радовало меня, моих товарищей, и прежде всего Волошина. Меня поздравляли. А я отсылал их поздравления Тарасову...

После обзора в «Правде» у нас началось такое, чего нельзя было предвидеть и волшебнику. Нашего недоступного для критики редактора сняли с работы, исключили

из партии и осудили чуть ли не на предельный срок. Исчез и его ближайший покровитель. Выяснилось невероятное. Истины нам не сообщили: до гласности было ещё ой как далеко! Но поговаривали, будто редактор и его обкомовский покровитель многие годы получали многотысячные гонорары за напечатанные в газете речи... Сталина и сводки Совинформбюро!

Однако, справедливость, как и всегда, в конце концов, торжествует и сейчас тоже начала постепенно обретать силу. Пришли новые люди к руководству областью, газетой «Кузбасс», радиовещанием... В Кемерове появилось своё книжное издательство. Мне посчастливилось работать его первым редактором отдела художественной литературы. Начали выходить один за другим объёмные и весомые номера нашего в таких муках рождённого альманаха, коллективные сборники молодых и начинающих литераторов, а затем и их отдельные книжки.

Вероятно, у каждого из нас хранятся памятные подарки, семейные реликвии. У каждого – свои. Есть они и у меня. И среди самых дорогих – изданная в 1949 году в Москве «Советским писателем» первая книга Александра Волошина – роман «Земля Кузнецкая». С его дарственной надписью: «Алёша! Родненький мой, ты и не представляешь, с какой радостью я дарю тебе эту мою первую книгу. Всё, о чем мечтали, всё, на что мы надеялись, я по своей литературной молодости попытался вложить в эти несколько страниц. Хочу неистово, чтобы мой маленький пример хотя бы немного поддержал тебя – настоящего из настоящих – поэта. Мы все равно победим! Потому что мы по-человечески любим и ненавидим...».

Что я мог сказать ему после того, как жизнь безжалостно и навсегда нас разлучила?

*...И куда нас только не бросало
с авто-, аэро-, желдор- и морвокзалов!
Жизнь (везде) нас гнула и ломала.
Но любовь всегда торжествовала.*

*Хоть стреляйся! – так порой бывало.
Но любовь от гибели спасала.
Наши идеалы жизнь кромсала.
Но любовь из пепла воскресала!*

...Словно взлетевшую птицу, восходящие потоки воздуха от прогретой солнцем земли приподняли, понесли по жизни и закружили Александра Волошина. Вначале – его железная воля и добровольный каторжный труд, а потом – бесчисленные поздравления друзей, родных и знакомых с высочайшей тогда наградой – Сталинской (ныне – государственной) премией, добрые слова отзывов и рецензий в газетах и журналах о его творчестве, все новые и новые издания его «Земли Кузнецкой» в Москве, республиках, краях и областях Советского Союза и далеко за его пределами в других странах...

Шумные многолюдные чествования лауреата Волошина. Чуть ли не ежедневные приглашения на людные вечера и встречи. Настойчивые просьбы издателей продать им свои будущие произведения, в том числе даже ещё и не начатые (крупные по тем временам денежные авансы выдавались незамедлительно, только подпиши договор!). Толпы званых и незваных гостей. И у Волошиных дома, в Кемерове. И в самых дорогих гостиницах и ресторанах Сибири, Урала, Москвы... Популярность. Деньги. Бесперывные в его честь торжества, банкеты... Словно какое-то опьяняющее наваждение, отбиться от которого у Александра просто не было сил и – желания.

Но это – уже иная глава из жизни Волошина. Самая короткая. И самая драматичная.

За ней – третья, последняя. Глава падения с поднебесной высоты мимолётной славы на нищую, грешную, но родную и любимую землю.

А потом – многолетний тяжёлый – на износ! – круглосуточный труд писателя-профессионала, человека-мученика...

Я же обещал здесь рассказать лишь о взлёте Александра Волошина.

О других главах его жизни – когда-нибудь позже.

Не обессудьте!

1988-2002 годы
Кемерово-Одесса
Алексей Косарь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

Орган Кемеровского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся

№ 235 (2221). ВСКРЕСЕНЬЕ. 3 ОКТЯБРЯ 1954 г. Цена 20 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

УБИРАТЬ УРОЖАЙ ДНЕМ И НОЧЬЮ В ЛЮБОЕ ПОГОДУ. ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ (1 стр.).
П. Радецкий — Завод и подпольный колхоз (2 стр.).
Подписание Соглашения между Правительством Союза ССР и Правительством Германской Демократической Республики о неэкспортных платежах (2 стр.).
Подписание компенсационного соглашения о вза-

имных поставках товаров между советскими и германскими внешнеторговыми организациями (2 стр.).
РАСКАЗЫ. А. Косарь — Поезд отъездов (2 стр.).
СОЗДАНИЕ В ЧЕСТИ 37-А ГОДОВЩИНЫ УНИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Дадия Родине больше улы и металла (3 стр.).
ФЕЛЬЕТОН. В. Васильев, Л. Макавин — Жулик под покровительством (3 стр.).
Пять лет Китайской Народной Республики (4 стр.).

Перед отъездом

Рассказ

На строительстве железной дороги, особенно здесь, в тайге, в горах и на болотах, где машину далеко не всегда и не везде провести можно, надо быть мастером на все руки.

Именно такая и есть Аня Острикова. В любое время года любой инструмент играет у нее в руках.
— Я понимаю, была бы взрослая женщина, куда ни шло, — недоумевал новый путеец, — а то зенена, как рожи по весне. Откуда в ней спорозка, сила?
Скоростройкой Аня заставляла замолчать неосторожного на слова путейца.
— Зелена, да воляна, оттого и сильна!..
Ее-то, Аню Острикову, вроде делегата, женщины послали в контору строительного участка.

— Не будем без Волостникова! — сказала Аня секретарю партбюро. — Не будем и все!..

Женщины, пославшие Аню в контору, привыкли к своему бригадир, полюбили его, толкового, за расторопность, за строгое, но справедливое к ним отношение, что особенно ценят рабочий человек в своем руководителе, и теперь ни за что не хотели отпускать Волостникова.

Секретарь партбюро не раз слышал от Волостникова об Ане: «Моя правая рука», слышал, но внимания не обратил. А Федор Яковлевич, щедрый от природы, делал со своими подчиненными всем, чем-то успев научиться за неделю, но богатую жизнь. И самки молодая и, пожалуй, самая пытливая в бригаде Аня больше других сумела перенять от него и все запомнить.

Федор Яковлевич принадлежал к тем счастливым людям, которые рано и сравнительно быстро, не теряя понапрасну силы в бесплодных поисках, открыли свое призвание, раз и навсегда нашли себе занятие по сердцу и отдают ему все себя.
То, что у некоторых «неудачников» затянется на годы, а иногда и на всю жизнь, у Федора Яковлевича прошло за несколько месяцев. Поработал на строительстве завода — не понравилось. Пошла пилонравом-автоматиком — не понравилось.

— А вот как за дорогу занесясь, — вспоминает он, — так до сих пор с ней не расстаюсь. Люблю новую дорогу — и все тут...

«Занесясь» он за дорогу на станции Тогуши еще до войны. В Кузбасс вли новую магистраль. Волостников приехал с Южного Урала в Сибирь погостить, увидел, на какое дело здесь размакнулись, и остался. Не зная еще хорошо, а скорее всего сердцем чувствуя, чем будет лучше прежних, других, его новая работа, осталась на строительстве железной дороги.

Секретарь партбюро, глядя на Аню, вспоминал, как ее отчитывал однажды Волостников. За что отчитывал, секретаря не знал. Когда он подошел к ним, бригадир путейцев заканчивал, судя по не очень спокойному тону, строгий разговор. Ветер донес вместе с колокольми снежинками лишь последние слова бригадира:

— Дорогу строим для людей. Железную. Вечную...
Волостников заклебулся своим волеином и договорил только после глубокого вздоха:

— Гордость-то, гордость какая — дороги людям проводить!..
Ане, по рассказам других, был известен случай, происшедший в тайге. Его сохранил в памяти Василий Игнатьевич Высокий. Сейчас он сторож в поселке, а раньше работал с Волостниковым.

— Всем болотам болото, — шуртятся сторож на собеседника. — Воле Пихтовки овраг. Так вот оно там и есть. Поглядись — доскек неустрашительное. А сунулись — лавин! Утопиться хочешь, поглядь!..

В глазах сторожа вспыхивают искорки. Воспоминание оживает его, делает молодого, энергичней в слове и в движении.
— А нам и топиться нужды нет, и убираться воясны — никакого расчета. Не болото нам — место под новую дорогу нужно. Пока судили да рязали, как приступить к болоту, Волостникова не стало. Кинулись туда, сюда. Нет. Под вечер я совсем забеспокоился. Может, думаю, утонул в том самом болоте? Пошел обихарывать кусты под оврагом. Все заросло, перепадесть — чорт голову сломает. Шапнеть раз, а на второй непременно расстанешься во весь рост, Валежник, корневца за по-

ги хатают. Трава да бурьян, что твои тайга, высоченные. Только небо над головами видно.

Побродил я, побродил бестолку, выбился из сил и повернул обратно. Чего доброго, сам заблужусь, размакнать бурут. Вдруг возле обрывчика, на чистой полянке, вижу, сидит, как ни в чем не бывало, мой пропавший Волостников. Сидит в что-то чертит на земле палочкой. Проведет, посмотрит, подумает и опять чертит. Не стал я тревожить его. Видно, делом занят, коль меня не замечает. Пришел он в Пихтовку ночевать поздно вечером. Ни слова никому. Лидо такое, как было там, где я нашел Волостникова. Такое лицо, что не помышь: сам он тут, радийком, а душа где-то в другом месте. Наскоро поужинал и — спать. Чуть свет чую, толкает меня легонько в бок. Протер глаза, передо мной — Волостников. Салоги в росе, сам так и сияет, что твоё солнышко утреннее. Знать, только что с болота вернулся.

— Угадал ты, Василий Игнатьевич, — говорит мне. А сам смеется. — Нашел. Теперь колоть болоту. Не устоит перед нами. Нашел я разгадку...

Разрежал мы канавы болото по бокам будущей насыпи. Третью канаву поперек провели для стока воды. Вытаскали корень. Их там больше, чем кололек в шерги бездомной собаки. Осушили болото. Сейчас на том месте насыпь, труба под новой дорогой, разезд. Сойдя с поезда, полюбуясь, скажи спасибо Волостникову...

Знала этот рассказ сторожа Аня Острикова. Знала она и другие случаи из здепней жизни своего бригадира.

Когда слышь в сторону станции Салариской, за разездом — Камешный ключ есть овраг. Через него проходит новая дорога по двум железобетонным трубам. В трубах все лето струится вода. А сколько ее было, когда Волостников со своими друзьями попробовал на время осушить овраг! Движок, как сердце, бесперебойно стучал круглые сутки, откачивая воду из канав. Их стенки еле держались. Приходилось через каждый метр забивать шты, закладывая крепь и удерживать ее распорками. Чтобы не держать грузы на дороге, над оврагом соорудили временный деревянный мост...

Запомнился Ане Остриковой и ее подружкам случай в большой выемке дороги. Это было настоящим испытанием и для Ани, и для ее подруг, и особенно для их бригадира.

— Кого пошлем на выемку? — решили накануне. Понимали: дело очень серьезное. Только что проложенная дорога в глубокой выемке то и дело выходила из строя. Летом шпалы тонут, сколько ни подсыпай балласт, не поможет. Идет поезд и выжимает из насыпи воду, как из губки. Зимой еще хуже. Замерзавшая в насыпи влага распрывает грунт, дорога вздувается.

Не напрасно так тщательно отбирали людей. Претяжная работа была по плечу не каждому.

По обе стороны полотна выкопали траншеи. Каждая глубиной в два с лишним человеческих роста. Дорога проходила в разрезной скале. Кругом камсьи. И все же вода хлещет в траншеи беспрерывно. Только резиновые сапоги и спасали. Булькать под ногами, словно в ливень. А постоить невозможно — ледяная корочка вокруг сапог. Глашеть вверх — снежный ветер над тобой носится, гронится замести тебя вместе с траншеей.

Рядом на рельсах стоял вагон. Но ходить в него греться охотников не было. Без вагона жарко. Поснимали полушубки. Остались в одних костюмах на морозе, а все равно жарко. В вагон заходили разве лишь на обед. И то не надолго.

В бригаде Волостникова поочередно пять человек копали траншею, пятеро вычерпывали воду. Иначе нельзя: затопит. А ему, бригадир, не просто копать. Ему и за дело, и за людей отвечать. Удерживать четырехметровой высоты стены канавы, когда из них течет вода. Надо удержать. Не то завалит тебя и твоих людей, не выберешься. Дело двигалось так медленно, что хуже невозможно. Хотел побеседовать с бригадой. Но о чем беседовать, если все делало известно. А тут еще бок зашил нестерпимо. Даже не бок, шрам на боку, рубец на том месте, где осколком задело. И чего бы ему не терпелось! Нашел, когда нить.

Вечером после работы Волостников, как бы невзначай, рассказала своим друзьям по бригаде:

— Было это на самом северном крыле фронта, в Залопяре. Наступала мы на Печенгу. По-фински назывался тот порт Петсамо. Другой похожей земли не встречала. Вода и камень. Больше ничего. Болот! Как будто со всего веса их туда сбросили. Три реки мы форсировали, зашап вврагу в тыл и захватили дорогу. Ту сакому, по какой он отступал. Не успели мы с дружкой приблизиться своей пулемет за-

камнем, как вражье давай молотить нас минами. Не только осколком, сколько камней. Вжик!, того и гляди накроет. Только я начал стрелять, меня в бок осколком и шибануло. Очнулся, весь в крови. Уползать надо к санитарам. Командир приказывает. А совесть не велит. Дружку моему осколки распорили живот — умер, но не ушел от пулемета. Как же я мог уйти? На следующий день мы еще одиннадцать контратак отбили. Унесли жизни санитаров, когда сознание потерял...

Пока бригадир вспоминал фронтной эпизод, никто из рабочих не проронил ни слова. Ему стало не по себе. Еще подумают, хвастается. И он не стал рассказывать дальше, хотя ясно представлял себе кровавый стусок бумаги, который мессетра вынул из внутреннего кармана его шинели. Это было письмо из Сибиря, от жены Лукерья. Она писала, что научилась укладывать шпалы, балластовать пути, что ее поставили бригадиром, что ее третий раз премировали и дали почетную грамоту.

Волостников лежал на госпитальной кровати и улыбался. Его веселило письмо Лукерья. Такая-то обихованная и бригадир! Уж не прихватула ли? Сколько лет он работал равные на строительстве дорог, зная-то надо все тонкости дела.

Но Лукерья Игнатьевна не прихватула. Она стала бригадиром. Жена писала об этом ему в госпиталь и в Кандалахку, и позже, в Петроаводок.

Но только теперь, в этой трудной выемке, Волостников по-настоящему понял, что значит быть бригадиром.

Ты, говорят, вчера устроил вечер фронтных воспоминаний. — попутал на следующий день секретаря партбюро.

— Был такой грех, — отшутился в свою очередь Волостников.

— Это не грех, — спиртал улыбку секретаря. — Это хорошее дело. — Секретарь, словно мимолетом, поинтересовался, читал ли бригадир свежую газету и, узнав, что не читал, что бригадир, как выразился Волостников, не до газет, не пожурил его, а только опять, словно мимолетом, спросил:

— Не до газет? Ты так думаешь?

Спросил, и бригадир тут же ясно, что он не так думает. Он сказал старая, не по-думав. Его коричневые глаза с черными крапинками на зрачках потускнели. Но секретарь сделал вид, что не заметил смущения бригадира, и, чтобы спадить неловкость, достал из кармана полушубка газету:

— Кстати, вот, возьми. Я уже прочитал...

Оставшись один, бригадир развернул газету и на первой странице прочитал главу, подчеркнутую красным карандашом: «Следую почтуну передовиков, мы разбили бригаду на звеня. Каждому звену поручили одну операцию. Звеня обязались выполнять свою работу только на отлично и контролировать друг друга».

Волостников перенал зметку с начала до конца. Как же это я до такого не додумался! Просте и здорово!

Тут же, возле насыпи, повернувшись к снежному ветру спиной, он прочитал газетную зметку громко, чтобы слышали все, даждик повторил про отличное качество и про вышнюю контроль.

— Вот до чего додумались наши соседи, — закончил бригадир. И вдруг из самой глубины четырехметровой разрезной траншеи до него долетел тоненький знакомый голос:

— А мы что ж, лямку шиты? Хуже соседней?

Каждый узнал самую молодую в бригаде девушку Аню Острикову.

— Правильно, Аня! — поддержали ее подруги.

Бригадирю только этого и не хватало. Люди остались те же самые, а вода в траншею, кажется, стало меньше. Осушили дно, положили на него «подушку» из щебенки, на подушку доток-трубу, сбинули из просмоленных досок, на доток — камень, балласт. Утрамбовали. И сверху устроили кювет для стока воды.

— Теперь насыпь, как сахарик! — смеялась Аня. — Воды здесь ни капельки.

Аня видела, что не права: вода вытекает из скальной выемки беспрерывно. Но у девушки и ее подруг было радостное настроение. Почему же не пошутить, не посмеяться? Вода теперь не страшна. Она течет мимо насыпи. Ездаж по дороге спокойнее. Волостниковская работа.

И вволю, куда ни посылали бригаду Волостникова, он расставлял своих людей умело. Какую бы работу ни поручили, каждый в его бригаде знает свое место, помогает соседу и тут же проверяет его. А другим и победа ближе.

Потому-то бригада так переживала расставание с Волостниковым, хотя он оставался ее лишь на время. Потому Аня Острикова так настаивала «вернуть» Федора Яковлевича в бригаду, хотя понимала, что уговаривающий ее секретарь партбюро прав: Волостников поедет на курсы, выучится на мастера.

Нашивая ленточки, думал секретарь. Кому же не жалко отпустить такого умелого человека? А надо.

А. КОСАРЬ.

КУЗБАСС

Орган Кемеровского областного и городского комитетов КПСС, областного и городского советов депутатов трудящихся

№ 252 (8855).

Суббота, 27 октября 1956 г.

Гол. издание 35-й.
Цена 20 коп.

Проглядели

6.

РАССКАЗ

Сергей Иванович, инструктор, которому поручили обучать новичков шахтерскому делу, приметил среди них «самое смышленное», Леонида. Он запомнил каждое слово старого шахтера, повторяла точка, будто живая тень, каждое движение инструктора. Горняк не растолковывал ему вторично, как подготавливать инструмент, осмотреться до начала работы в забое, убрать после отвалки уголь и поставить крепления. В шахте Леонида по пятам ходил за Сергеем Ивановичем и тут же пробовал делать сам все, что указывал от своего учителя.

Инструктор полюбил Леонида, как сына, который не вернулся с войны. «Такой же расторопный и понятливый», — замечал он не раз про себя, но внешне ничем не выдавал своего особого к ученику расположения. Занимался с ним так же, как и со всеми остальными, а журнал, если приходилось, больше других.

Леонид лет-чет и снова ловил на себе пристальный взгляд бывшего горняка, чувствовала в его советах и рассказах что-то близкое еще с детства. Только отец так просто, задумчиво говорил, бывало, о тракторе, об охоте, как Сергей Иванович о шахте. Как-то под выходной день старый горняк пригласил Леонида к себе домой. По рассказам его предыдущих учителей новички знали: это было высшей похвалой за старание.

Леонид случайно взглянул в окно, выходящее во двор, и ахнул: — Яблоки! Настоящие яблоки! Он удивленно глядел на шахтерский сад, на небольшие деревья, густо увешанные крупными плодами. — Ваня?

— Ничего удивительного. У соседа побаче. Ровное яблоко и желтые груши соблазнительно выглядели из-под листьев, манили к себе. Засиделась допоздна. А когда за

оками ступились сумерки и Леонид затормозился домой, Сергей Иванович остановил его:

— Возьми, сынок, — поддал он Леониду свой собственный инструмент. — Мне он служил исправно, пусть и тебе так же послужит...

У старого шахтера была «странная», как говорили соседи, привычка дарить лучшим своим ученикам собственный инструмент... «Проглядели бы вы на меня сейчас, — писал Леонид матери, сестренкам и братникам. — Я теперь настоящий шахтер. Уголь под землей добываю»...

Умышленно он не упомянул в письме о случае, который чуть было не испортил дело. Это произошло на другой день после третьего прощания с Сергеем Ивановичем. В лаге, где заменился Леонид, началось такое, какого он никогда не видел. Вверху зашуршало. Дальние стволы затрещали. К ногам посыпались камни.

— Берегись! — прокатился по лаге чей-то предостерегающий голос.

Кто-то метнулся прочь и скрылся в темноте. За первым еще быстрее кинулся второй.

— Стой! — гнетно закричал он. — Стой, тебе говорят!

Горняк мастер поймал беглеца за руку.

— Какой же ты, к черту, шахтер!

Осветил с ног до головы испуганного Леонида, но руку его из своих железных пальцев не выпустил.

— Трус, — Леонид не работник!

— Пусти, — Леонид с силой разинулся.

— Пусти! Все равно уберу...

Горняк мастер промолчал. Он пожевал, пока лава ужомонит. Когда вокруг стихло, посетил Леонида прямо в широкие раскрытые, испуганные глаза и сердито бросил: — Не держу. Иди. Можешь хоть в дворянин. Там не страшно... Леонид ушел.

На другой день он был в этой же лаге. Шахтеры, по-своему веля-

кодушно, шатались: никто даже не обмолвился о вчерашнем случае. Только много месяцев спустя, на слете передовиков, горняк мастер взял за руку уже известного на руднике забойщика Леонида Силова и, улыбаясь, спросил громко, чтобы слышали друзья: — Ну что, бегать с шахты не собираешься?

7. Как ни торопился Леонид, пока мылся, переделывая, часовая стрелка подошла к восьми. Ужаснул второй. И все-таки в клуб пришел чуть ли не последний. Протискиваясь в зал, Видимо, самого главного гостя шахтеры провожали с трибуны неустойчивыми рукоплесканиями. Фамилия второго оратора не рассказали. Но когда из-за стола президиума поднялся донбассовец, Леонид не сдержался:

Шахтеры с ближних рядов замалкали, зашнкали на Леонида. Конечно же, это был Николай. Плечи его раздвинулись, голос окреп.

— Скажи вам прямо, товарищи, — начал Николай, — по общей докуче угля вы нас опередили. Хорошо! Но с механизацией в вышней шахте не ахти как. Я за своим комбайне скоро годовой план закончу. А у вас эту машину все еще осваивают...

После собрания на удивление всем тут же в лаге Николай и Леонид обменялись до хруста в костях и по-русски тридцать расцеповались.

— Построила тебе шахта дом? — начал задирать Леонида, напоминая другу давний разговор.

— Построила.

— С садом?

— А как же, — отшучивался Николай.

— Можешь не хвалиться. У меня тоже скоро будет свой дом, не хуже твоего. Маме напишу, чтоб приехала... А насчет комбайнов — ты не особенно. Меня посылают учиться на комбайнера. Встретимся в следующем раз по-другому...

Какие-то шоты в голосе Леонида показались новыми и очень не понравились Николаю. Не то, чтобы

открытое бахвальство, но что-то очень близкое к этому. Хотел Николай подделиться с другим своим покровителем на его счет, да не успел. Перерыв закончился, звонок позвал в зал.

8. Кто же думал, что так получится? Лучше бы Леониду не выкалываться перед лекцией на Донбассе. Кто же мог предположить, что в жизни Леонида начнется пора сплошного «евенезья»? Студно признаться, но четвертое письмо друга, как и три предыдущих, вышло на солнце, а он так и не собрался написать ответ Николаю.

Конечно, можно бы рассказать ему, как похвалялся главным инженеру шахты своим исполнением комбайнера и самого способного среди них — Леонида Силова. Их распределения по забоям, пожелания успешнее... Но много ли значат праздничные дни, да еще прошедшие!

С того памятного дня удача все дальше уходила от Леонида. Главного инженера, астронавта Силова, проходил будто мимо незнакомого, и не только «не узнавал» его, не жал ему руку, как на выписном вечеру, но даже не удостоил легкого кивка головой в знак приветствия.

О, как это удивило самолюбивого, привыкшего быть всегда на виду молодого комбайнера!

Правда, была на то причина. Но рассказать о ней в письме другу просто не хватало мужества. Вероятно, все как-нибудь уладится.

Началось совсем с безобидного. В одну из полудней, возвращаясь домой, Леонид встречал на тротуаре недавнего приятеля. Это был сосед по подезду в новом доме, где шахтеры дали квартиру, так как он собрался переехать на рудник мать с родственниками.

— Здорово, миллионер! — еще издали крикнул Леониду вышней, с открытой кудрявой головой сосед, никогда не расстающийся с двумя вежами: улыбочкой на продолговатом, моложаком лице и фотоаппаратом на груди.

— Я давно хочу сводить тебе в одно значное местечко, — кудрявый сосед вступил примомову взаимно, и не дожидаясь согласия, взял под руку молодого шахтера, будто незначая задел его оттопиренный харман, полный сторульевск.

Леонид хотел было завернуть на почту, откуда из каждой полочки посылали матери деньги, а сегодня обиралась выслать и премиальные, чтобы мать не нуждалась ни в чем в дальней дороге. «Но удобно ли отъезжаться из приглашения такого разговорчивого, всегда веселого человека? Денги перевести и завтра усну», — подумал Леонид, хотя внутренний голос подсказывал ему не соблазняться известием каким владычным местечком. Сколько раз после он проклинал себя за минутное малодушие!

Была возможность и позже одуматься, исправить неверный шаг. В перерывах между гимнастическими «за лучшего комбайнера», «за лучшего физкультурника», «за лучшего певца» — и все это за него, Леонида Силова, в перерывах между сольными анекдотами, от которых хвальнось за жизнью ресторанные застолья, а шахтеру было не по себе, сосед приглашал его в фойе, где, словно подстрекателя, рваный леонид, делало судно билларда. Теряя шахтерская рука крепко сжимала кий. Как ни старался владеть улыбки, курей и фотоаппарата, на последнем, самом трудном шарике Леонид под крикливыми одобрениями лезак неманемо выигрывал партию за партией.

С той же невозмутимой улыбочкой сосед после каждого своего проигрыша доставал из кармана денги и отдавал как выданье смущенному Леониду. С его отказом принимать деньги не считались: дескать, так принято. Компания знакомых «аруей» возвращалась в зал и поднимала новый тост на этот раз за «шарика билларда».

Простодушный, доверчивый, ничего подобного раньше не видевший шахтер чувствовал себя словно в угаре. Он и не подозревал, что ожидает его, когда один из биллардных лезак в разгар одобренных возгласов по случаю очередного выиграны адуру с отчаянием в голосе произнес:

— А, была-же была! — давай и я попытаю счастья. Развивай, Леонид, — и, скомкая несколько неполированных поновых сторульевск, ловким движением «бистро», чтобы не выдала те, кому не следует, заглянул денги в боковую луку, куда в этот вечер падали часто счастливые шары Леонида. (Не зря, — про себя гордился он, — еще в об-

щешити я чуть ли не целыми днями пропадаю в красном уголке возле стола, на котором бегали хаты и не костяные, а металлические, зато биллардные шарки!).

Леонид, не обращая внимания на денги, распекаемый безудержными похвалами ресторанных друзей, выиграл у незнакомого одну за другой подряд обе партии. Он хотел уже бросить кий, но партнер удержал его:

— Давай еще одну. Вроде контрольной, — он прибавил к содержанию лузы, у которой, кажется, не было дна, столько же, сколько в ней скопилось от предыдущих игр.

— Давай! — вторично согласился молодой неопытный биллардист. Ему острогнет непривычный шум захлещенного ресторана, визгливые мелодии послословного от частных возношений жизненного оркестрика, а главное хотелось одним выгрышем (в нем Леонид был уверен) закончить угонительный поединок и вместе с ним тяжелый, ничемный, бездарно растянутый вечер.

Все шло по-прежнему. Удич не покидала его ни на минуту. До выиграно осталось забить один шар. Но он никак не давался. Противник будто подменил. Ни одного не точного удара. Ни подобия подставки, за счет чего в предних партиях Леонид, откровенно говоря, забил большинство шаров. На какой-то миг в сердце шахтера цвельнулось подозрение: «Не специально ли построили они все это, чтобы обмануть меня?»

Но кудрявый сосед так дружелюбно улыбался и одобрял его подмигивал, что Леониду стало совестно за свое подозрение.

Между прочим, сосед вел себя не менее дружелюбно и на следующий шахтер уперся в лагу, что он, Леонид, может не сомневаться в этом, так как играет в сто раз лучше, чем какой-нибудь новичок, которому просто вчера подкинули позволо, должно быть, единственный разок в жизни...

Кудрявый сосед говорил и в последующие вечера немало одобрительных (точнее — одурманяющих) слов, пока Леонид не увидел, в ка-

кую западню завела его доверчивость, самолюбивость. Он не только не отыграл премию и зарплату, чтобы послать матери деньги на дорогу, но с каждым вечером проигрывал все больше и больше. Он взял под честное слово еще два-три дня у товарищей по забоям не старую тысячушек, а десять тысяч с гаком. И самое позорное заключалось в том, что каждому, у кого он брал денги, говорил:

— Поняешь, мама у меня старенькая, детинки у нее... Хочу перевести их всех к себе...

Шахтеры верили, давали ему денги, а он проигрывал их в тот же вечер, не успев отослать матери ни копейки. Об этом забываясь кудрявый, прителемо улыбающийся сосед.

— Успешно отослал завтра. Надо сначала вернуть проигрыш, а то, чего доброго, твой партнер улизнет из города...

Узнавши они оба: кудрявый сосед и партнер, обманувший Леонида. Это случилось после того, как молодой шахтер вернулся домой с пустыми руками и сквалл своему соседу, что в ресторан больше не пойдет, так как никто ему, Леониду, не верит и денег взаимно не дает.

Пойти бы ему на шахту и честно-сердечно во всем признаться. Нет, Затаился. Ложный стыд удержал. Гордость не позволила. А какая, к черту, гордость в таком положении!

☆☆☆

Все это, известное по собственным наблюдениям, по письмам матери Леонида, по рассказам его товарищей, prominently в голове комсорга за секунды-минуты, пока он считал подлинные от его просьбе руки комсомольцев.

— Пятидесятая, шестидесятая, семидесятая, — считал он и, казаясь, слушал свой собственный голос со стороны, не узнавая его. Комсорг не помнит, когда произнес слова решения, равного приговору: — Большинство голосов Леонид Силов исключается из комсомола... Сказал и сам себе не поверил. «Ис-к-лю-ча-ет-ся...» Когда же это случилось? Как же это произошло? Где же был он, комсорг? Где были товарищи? Неужели и она думала, что Леонид будет обреченным жедла, сам по себе! Сам по себе... Нет, нет! Этого нельзя так оставлять... Ни в ком случает!

(Окончание. Начало в № за 26 октября).

СТАТЬИ О НЁМ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

УГЛЕГРАД^{*)}

«Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот».
А. А. ЖДАНОВ.

«Углеград» — так называется поэма молодого поэта Алексея Косаря, посвященная автором Кузбассу и его шахтерам. Углеград — город угля, город копов и терриконов города пастушьей индустрии, в сказочные сроки возникший там, где еще совсем недавно из леса в полдень голубой шли звери к водопое бродил отражный зверобой тазеную тропку...

На географической карте Кузбасса Углеграда нет. И хотя автор поэмы называет существующие географические пункты, хотя он говорит про гнилушка Абурку, про Кондому Тайдон Гыглар про Шорские горы и седлантий Кандалей — Углеград это не литературный псевдоним Прокопьевска или Киселевска. Осинники или Ленинка-Кузнецкое. Нет Углеграда — это весь угольный Кузбасс, это большое и широкое обобщение, так же как герои поэмы — отец и сын Прокопдины — это коллективный портрет всего кузбассовского шахтерства, лучших его, кадровых, представителей, всеми корнями выросших в угольную кузбассовскую землю.

Есть ли в поэме фабула, сюжет? И да, и нет. Головокружительный повсюду, кроме нашей страны, путь одного шахтера, с его классической, в советских условиях биографией — от виватского, полупромышленного паренка до государственного деятеля — это одновременно и тема — огромная, глубочайшая, всеобъемлющая тема вешней действительности: неразрывное соединение личного судьбы советских людей с судьбой своей социалистической Родины.

И главная сила поэмы Алексея Косаря в том, что созданный его поэтическим воображением непрерывно расширяющийся Углеград неотделим от судьбы главного героя Ивана Прокопдины, как неотделим сам Иван от Углеграда и как неотделим он от советской страны и советского строя.

Поэма начинается введением не имеющим в отличие от остальных глав ника-

кого названия. Это неслучайно: введение в Углеград — экспозиция, моментальная фотография всего того, что предшествовало рождению Углеграда:

Невысокая осока,
где шуршали камнями
вела, становилась до срока
в заболоченной глуши

У Абушки — ни забушки,
ни зверошки ни души...
Но однажды у истока
удлиненная осока
вынула шалашин.

А вслед за тем —
Здесь рудник родился словно родник
в своей первоизданной красе.

И вот уже
... там где терла в осоке исток
гнилушка Аба-река,
грохочет жизнеутверждающий поток
кузбасского уголька.

Уголек — слово шахтерское. Очень ласковое, оно как будто совсем не вступает с обычной шахтерской неразговорчивостью и внешней грубоватостью. Но тем кто знает горняков, известно: настоящий шахтер никогда не скажет «уголек», всегда «уголек». В этом нет ни малейшего пафоса — только скупое выжженное короткотелье отнесенный мастера с его ремеслом. И Алексей Косарь с первых же строк поэмы, одной из тех стихотворной строичкой «водит читателя в настоящую жизнь своих героев».

С главным героем — Иваном Прокопдиным — читатель знакомится в чудесную вечернюю пору, когда еще не очень горячий лучик денника апельсового, но в оне театся глянц,
по склону гор журчат ручьи,
как серебро полбекаши...

Сам автор встречается со своим героем в поездке, после многих лет разлуки:
— Вот ты встреча!
— Не мечта!
— Сидишь Иван пасажирский...
Да покажишь, каким ты стал
из паренка чумазого.

Так начинается рассказ об Иване Про-

копдине, кузбассовском шахтере и солдате-фронтовике, возвращающемся в родные края после Победы. Мы застаем Ивана вполне зрелым, сложившимся человеком. Но у него есть на что оглянуться в прошлом, и автор поэмы вовсе не собирается изображать Ивана Прокопдину каким Иваном безродным.

Наоборот, из первых трех глав поэмы мы узнаем многое о жизни героя. Вот он, еще юнец, почти мальчишка — лесоставишник в шахте: вот, едва ли не впервые, Иван как следует принимается за науки — за книги и тетради садись с утра, чуть-свет: открылся в Углеграде рабочий факультет...

А вместе с сафком приходит к Ивану любовь. Лирические, прозаические мignon улыбки, строки поэмы очень тепло и уютно дышат, передают об этом юношеском мире жизни героя. Но не так уж просто и очень кратко складываются обстоятельства: «Она — учительница, я же — шахтер объектноземный...» И даже не в том дело, что шахтер. Нет, чтобы полюбила Вера Николаевна, мало хорошо рубить уголь, мало вылавлять на-гора по дне и по тропкам. Нужно еще «умелость кажкой книжкиной знать бы вынусте». И он изо всех сил стремится подняться до ее культурного уровня.

Задача трудная, но Иван всегда выискивает себе задачи потруднее. Он упорен и настойчив. Он понимает цель и, прямо, не отклоняясь, не сворачивая в сторону, идет к ней. Откуда такая хватка? Где набрался парнишка этой кожаной твердости?

Открываем главу «Отец и сын», и тут-таки многое становится понятным. Второю герой поэмы, старый шахтер Павел Прокопдин, появляется перед читателями в тот тагостный для него час, когда врачи намерены по старости лет перевести его на инвалидность. Как личное оскорбление, как несмыслимый позор воспринимает старик эту попытку.

Скупыми штрихами проует поэт и внешний облик своих героев, и внутренний их мир, и перед читателем встает полнокровный образ героя. И не надо далеко искать истоки этой силы, органически присущие Ивану. Иван — потомственный шахтер истый, сильный, сын своего отца. Хорошо владеет поэту глава «Счастие». В бесполодных поисках счастья провел свою молодость старик Прокопдин. Он искал из-за Россию — от Волги и до

Лены, был портовым грузчиком, золотодобытчиком, угольщиком на старом Судженском и Кольчугинском коях, и все это — в поисках хотя бы самого крохотного участка дна.

А счастье ускользало, как тесть, хоть и была богата земля. И не найти бы его Прокопдину, если бы «...посланики из Кремля» не привезли ключи к запертому на семь замков народному счастью. Ключи эти, по названию и образному выражению старого шахтера,

...сделал тот, кто и теперь
поведавший в мире мастер...
Его ключом открыли дверь
навстречу счастью — настесте!

И, вспоминая о своем прошлом, Павел Прокопдин, естественно, не может не думать о сыне, который уже «...семнадцать лет Кузбассу был вынусте», которому с малолетства даны «...лрива на счастье» и который смолоду «...славен и богат, и орденом украшен».

И тут вновь поднимается в поэме основная ее тема: неразрывная связь между личными судьбами героев и судьбой Кузбасса, судьбой всего неотделимого Советского Союза. Многие, очень многие старшие горняки узнают себя в Павле Прокопдине и не меньше молодых кузбассовцев обнаружат штрихи собственных биографий в поэтическом портрете Ивана.

Иван, как мы видели, еще до войны успел стать педологом и даже знатным человеком в Кузбассе. А с фронта он возвращается еще более возмужавшим, научившимся понимать общественную значимость происходящего вокруг него. С возмужавшим увлечением он полагает теперь все перемены, происходящие за годы войны в его родном крае:

Иван видит, что, пока он сражался «...у волжских воет и пламенем был горизонт опоясан...», в Кузбассе «...вызвали забки с утра до утра, и, как бы шахтеры здесь ни были, тут, воевой многоголовой телет на-гора из недр Углеграда докопавший уголь».

Робкий человек, прирожденный шахтер, он за годы войны стокскался по созданию родного труда. И вот уже «...неумолкающий отбойный молоток вонзает в черный пласт Иван Прокопдин, вот уже Иван углем до поса оброс, зовут отбрышки на помощь лесоголов: не успевае брать электровоз»

нагруженные доверху вагоны...

Как же непохож этот радостный, вдохновенный труд Ивана на горькую молодость его отца, когда тот безнадёжно вонзал кайла по рудыток сразмаку в черной камень, добил в куски, кайлил опять, мечтая счастье отыскать за черными кусками... Но и двурогой кайла Прокопдину не помогла...

Совершенно иначе складывалась юность Ивана. Ему и в голову не приходило думать о своем отдельном, маленьком счастье. Родина росла сама и растила его вместе с собой. Родина дала ему все: образование, профессию, постоянный и вечный заработок даже почет и славу. Вот почему, вернувшись с войны, он, вчерашний солдат, действует у себя в шахте с тем же боевым запалом, что и в излередине крае фронта. Но, оказывается, не все бывшие фронтовики работают так, как он. Бывнештосе в злобой Ивана автор сталкивает тем «его фронтовики» другого Петром Сулязово без обиняков, допытывается Иван: — Чем сегодня похвалиться можешь, уважамый товарищ фронтовик?

И под немудрыми его взглядам ежится невдалеке шахтер «...було ледет ни и забойщик, не Иван, а командир полка...»

Так поднимается еще на одну ступеньку в своем новом, социалистическом отношении к окружающему Иван Прокопдин. Как фронте постиг он несокрушимую силу коллективной ответственности за исход рокового дела, и это новое, высшее, сознание привнес в шахту. А шахта в долгу перед страной шахта не выпячивает государственных заданий, ибо в шахте есть люди, любящие Петру, и работают они не так, как должно, когда «...не отступая от труда, стопа возводит города из поляр и разлом...» И кто же, как не потомственный фронтовик — знатный забойщик и бывший фронтовик скажет точнейшим решительное откровенное слово? Кто, как не он, поймет горняцкий коллектив на больший «туловой поляр»?

Алексей Косарь покидает своего героя в тот момент, когда шахтеры выдвигают его кандидатом в депутаты Верховного Совета. Завершен уже неудавшийся для нас путь советского педолога человека — от «паренка чумазого» до государственного деятеля.

«Углеград» — первое большое произведение Алексея Косаря. Кузбасс — хороше

знает этого молодого поэта, написавшего свою литературную работу в 1942 году здесь, в Кемерово. За прошедшие пять лет Косарь неизменно вырос идейно и профессионально. Поэма — «Углеград» — лучшее тому свидетельство.

Не вся она еще ровная по своим литературным достоинствам. Попадаются слабые, вялые строки, неточные эпитеты, тяжелые строки стихотворных оборотов. Но зрелое мастерство вырывается не сразу, а у Косаря есть уже немало хороших поэтических находок, свежих ритмов, он совсем неплохо владеет ритмикой стиха. Но главное — у него есть что сказать читателю, он умеет видеть жизнь и показывать своих героев.

Его Иван Прокопдин в какой-то мере родственен любимейшему поэтическому герою нашей современности — Василию Теркину. В дни, когда Твардовский лишь вывалил в широкий мир своего героя, выдалось немало высокомоных расхождений о «любности и «плакатности» Теркина. Затем жизнь заставила замолчать тех литературных способ, которые в простоте умудрились видеть примитивизм, в народности — шаблон и плакатность. Наскоро переменяя позиции, снобы заговорили о том, что Твардовский-де сумел поднять своего Теркина до высот подлинного искусства, но что этот «литературный поэм» вообще опасен, а молодым, начинающим литераторам безусловно заказан.

У Твардовского, конечно, гораздо больше поэтического мастерства, нежелая сказать, у Алексея Косаря; Иван Прокопдин есть, быть может, и не заслужил права называться тыловым братом Василия Теркина. Но родственные черты у них есть, хотя бы в подлинной народности обих, и — этим надо поладывать Алексею Косарю. Его Прокопдина полюбит читатель, ибо он им — свой человек, знакомый и близкий.

Автор нашел хорошего героя, он возлюбил и умно раскрасил о нем, сумев подняться в своей поэме до серьезного поэтического обобщения.

Кузбасс — неисчерпаемая сокровищница для советского литератора, любящего и знающего нашу современность. Косарь не только поэт. Он — и журналист, а значит — находится в самых истоках жизни. И ему надо продолжать начатый литературный путь, всецело отбрасывая свое профессиональное оружие.

ОЛГА ЗИВ.

На литературной „среде“

На очередную литературную «среду» Кемеровского областного литературного объединения при редакции газеты «Кузбасс» 28 сентября собрались представители интеллигенции городских и областных предприятий и учреждений, молодые литераторы, журналисты, работники театра.

1) соотечественник творческого актива журнала «Сибирские огни» рассказал на «литсреде» А. Косарь.

Чтобы поднять литературную жизнь в Кузбассе, необходимо больше помогать молодым авторам, заботиться об их творческом росте, требовательнее относиться к их произведениям, не допуская никаких скидок на молодость.

Молодые литературные силы Кемеровской области, получив право выпускать свой альманах, должны постоянно тревожиться о его судьбе и делать все для того, чтобы альманах заполнялся полноценными произведениями, достойными Кузбасса.

Чтобы выявить новых авторов, поддер-

жать творческую молодежь, необходимо провести конкурс на лучшие литературно-художественные произведения о Кузбассе: стихотворение, песню, очерк, рассказ, повесть, роман, поэму, пьесу.

На «литсреде» выступил кемеровский писатель Александр Волошин. Он сказал, что в Кузбассе есть достаточно творческих сил, которые могут создать хорошие произведения о людях нашего края, надо только заботливо растить эти силы.

А. Волошин упрекнул областной отдел искусств в том, что он не интересуется творчеством начинающих драматургов.

Артист областного драматического театра Ф. И. Евдокимов прочитал на «среде» литературно-художественную композицию «Мужество и героизм советского человека» (по «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого).

Участники обсуждения отметили, что Ф. Евдокимов сделал большую, полезную работу, и посоветовали артисту усилить отдельные места композиции.

Литературный вечер на приiske

В заснеженной вечерней долине вспыхнула золотистая росыпь огней. Это—прииск. Отсюда во все стороны горной тайги на десятки и сотни километров ведут дороги к участкам Алтайского приискового управления.

Из россыпи огней выделяются самые яркие: электрические лампы у входа в приисковый клуб. Там сегодня—литературный вечер.

На вечер собралось более двухсот человек.

Заведующий учебной частью средней школы прииска Д. Г. Старцев открыл литературный вечер. Он рассказал о задачах советской литературы, поставленных партией и правительством перед писателями нашей страны, о выдающихся произведениях советских литераторов и о первых шагах молодых поэтов и прозаиков Кузбасса.

Тов. Старцев подробно останавливается на двух номерах альманаха «Сталинский Кузбасс» (к сожалению, Кемеровский облкогиз до сих пор не удосужился прислать

сюда ни одного номера), где опубликовано одно из лучших произведений о Кузбассе — роман Александра Володина «Земля Кузнецкая».

А. Босарь прочитал стихи о Родине, о борьбе за мир, о шахтерах, о дружбе и любви.

На литературный вечер приехали шорский писатель Ф. Чиспяков и молодой поэт рудника В. Измайлов, который прочитал отрывки из недавно вышедшей в свет книги Ф. Чиспякова и свои стихи, посвященные горнякам.

Тов. Лезгинцев рассказал о своей работе над повестью.

Во втором отделении литературного вечера участники самодеятельности прииска и школы дали концерт.

В третьем отделении вечера обсуждались произведения писателей Кузбасса. Геологи и лаборанты, инженеры и врачи, золотоискатели говорили о достоинствах и недостатках произведений, прослушанных на вечере.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Кузбасс

Орган Кемеровского обкома и горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов трудящихся

№ 3 (8760).

СРЕДА, 4 ЯНВАРЯ 1950 года.

Цена 20 коп.

// Кузбасс, 1950, 4 января, с. 3.

На литературных „средах“ в редакции газеты „Кузбасс“

Обсуждение стихов А. КОСАРЯ

На очередной литературной «среде» Кемеровского литературного объединения состоялся разбор стихов Алексея Косаря, включенных в сборник, подготовленный для печати.

В сборник включены стихи, написанные молодым поэтом в послевоенные годы. Большая часть из них была опубликована на страницах областных газет «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса».

С критическими замечаниями на «среде» выступили писатель Александр Волошин, тт. Троицкий, Лопав, Алексеев, Полозова и др.

Сталинский Кузбасс является гордостью сибиряков. Все творчество Алексея Косаря проникнуто стремлением показать величие и красоту мощного индустриального центра на Востоке страны, героики вдохновенного, созидательного труда на благо нашей Родины. Поэт написал ряд хороших, запоминающихся стихотворений и песен о Кузбассе. Но стихи в сборни-

ке, как отмечало большинство выступающих, неравноценны. Такие стихи, как, например, «Тайна миллионов лет», «Завод» и некоторые другие, не удовлетворяют читателей. В них много риторики.

В погоне за новой формой поэт часто увлекается только внешним описанием природы, людей и не стремится полностью раскрыть, показать поэтическими средствами характер, чувства и мысли своих героев, творцов новой жизни. Поэтому участники «среды» указали Алексею Косарю на необходимость еще раз критически подойти к отбору стихов для сборника, дополнить их свежими стихами о людях сталинского Кузбасса, пламенных патриотах социалистической Отчизны, активных борцах за мир во всем мире.

Участники «среды» высказали пожелание, чтобы сборник стихов Алексея Косаря после тщательной доработки был издан областным книжно-журнальным издательством.

Обсуждение стихов М. НЕБОГАТОВА

На литературной «среде», 28 ноября, обсуждался подготовленный к печати сборник стихов М. Небогатова.

Имя автора обсуждавшегося сборника хорошо известно кузбасскому читателю. Его стихи часто печатаются в газетах, передаются по радио, публикуются в альманахе «Сталинский Кузбасс». Ясно, что первый сборник стихов поэта, который предполагает выпустить областное издательство, — значительное событие в литературной жизни Кузбасса.

Выступившие на «среде» тт. Молоствов, Балибалов, Лопав и другие единодушно отмечали, что сборник, являющийся итогом творчества М. Небогатова за последние годы, получился в целом интересным, богатым по содержанию. Задушевность, теплота — достоинство большинства произведений поэта. Простые по форме стихи М. Небогатова очень доходчивы, подкупают своей искренностью.

Все участники обсуждения отмечали актуальность стихов, стремление автора показывать своих героев в труде, связывать каждый создаваемый образ с кипучей жизнью страны, с борьбой всего нашего народа за мир, за торжество коммунизма. Эти зримые черты

нового, ростки коммунистического завтра поэт показывает на конкретных, живых образах советских людей — тружеников родного Кузбасса.

Было высказано и немало критических замечаний. Отмечались, в частности, технические недостатки стихов М. Небогатова. Автор еще недостаточно работает над ритмом. Многие стихотворные размеры часто повторяются, создавая некоторую монотонность звучания. Участники «среды» рекомендовали поэту тщательнее работать над рифмой.

На обсуждении указывалось, что готовящийся сборник еще недостаточно отредактирован. Отдельные стихотворения, такие, как «Сверстникам», «Художник», «Колхозный садовод», некоторые лирические стихи нуждаются еще в доработке. Говорилось и о том, что М. Небогатову следовало бы расширить тематику сборника, в частности, больше внимания уделить показу труда наших шахтеров, машиностроителей. Мало в сборнике стихов о молодежи.

Все выступавшие высказали пожелание, чтобы сборник после доработки автором был издан областным издательством.

ПРОГРАММА ВСЕХ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

Кузбасс

Газ. издание XXV
1951 год
ДЕКАБРЬ
1
СУББОТА
№ 282 (7346)
ЦЕНА 25 КОП.

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б),
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.

Для всех честных людей наша великая Родина—Советский Союз является источником уверенности в том, что дело мира победит. Для сотен миллионов людей во всех частях света Ваше имя, товарищ Сталин, является знаменем победоносной борьбы за мир, объединяющим усилия всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великий знаменосец мира товарищ Сталин!

// Кузбасс, 1951, 1 декабря, с. 4.

Сборники стихов кузбасских поэтов

Областное книжно-журнальное издательство выпускает из печати первый сборник стихов кузбасского поэта А. Косаря — «В краю сокровищ». В книге — пять разделов. Они объединяют более 30 стихотворений автора — о Родине, о Сталине, о мире, о тружениках сталинского Кузбасса. Сюда включены также отрывки из ранее опубликованных поэм «Углеград» и «Подземный танк».

Объем сборника — 3 печ. листа. Он иллюстрирован художником Евг. Смирновым.

Готовится к печати книга стихов поэта Мих. Небогатова.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН. СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КУЗБАСС

Орган Кемеровского областного и городского комитетов ВКП(б),
областного и городского Советов депутатов трудящихся.

Год издания XXXI

1952 год

ФЕВРАЛЬ

13

Среда

№ 37 (7407)

Цена 20 коп.

// Кузбасс, 1952, 13 февраля, с. 4.

Кузбасс

Орган Кемеровского областного и городского комитетов ВКП(б),
областного и городского Советов депутатов трудящихся.

Год издания XXXI

1952 год
АПРЕЛЬ
2
Среда.
№ 79 (7449).
Цена 20 коп.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТИХОВ А. КОСАРЯ

На книжной полке наших читателей появилась новая книга стихов поэта Алексея Косаря «В краю сокровищ». Имя автора этого сборника известно читательским кругам Кузбасса как по отдельным выступлениям поэта в местной печати, так и по опубликованным ранее его поэмам «Углерод» (1947 г.) и «Подземный танк» (1951 г.).

Немало уделила внимания А. Косарю и наша литературная критика, справедливо отмечавшая и достоинства отдельных произведений, и существенные недостатки поэтического творчества молодого поэта.

Сборник стихов «В краю сокровищ» состоит из пяти циклов, охватывающих тридцать три стихотворения.

Первый цикл «Родина» воспевает бескрайние просторы нашей страны: «Ее огромность не измерит глазом. Ее и солнце не обнимет сразу».

(«Утро»).

Но это уже просторы не прежней отсталой царской России, а нового социалистического государства рабочих и крестьян, в котором: «Не в старое подслеповатое окошко, — А в светлое лицо России смотрит солнце».

В этой новов, сказочно богатой стране вы всегда найдете «испытанных друзей», которых автор показывает «в сиянии жарких домен», «в забоях шахт»... В этом, как и во всех последующих циклах, основным лейтмотивом является коллективный созидательный труд наших людей.

*) Алексей Косарь. «В краю сокровищ» (стихи). Книжно-журнальная редакция, Кемерово, 1952 г.

В стихотворении «В пути» автор как бы предлагает нам последовать за неуклонно несущимся вперед экспресом. Он умело показывает своим спутникам проходящие мимо окна вагона картины преобразованного русского пейзажа: необятные колхозные поля, лесозащитные полосы, гигантские явоты, шахты, рудники. Когда же речь заходит о великих стройках коммунизма, поэт с подъемом говорит читателю: «Погляди на вагоны, Слово песен слова: «В Сталинград», «Волго-Дону», «Гидрострою», «Москва»...»

Другие стихотворения этого цикла продолжают начатую мысль: строится и с каждым днем становится все краше наша Родина. Ее примеру следуют освободившиеся от гнета капитала и эксплуатации страны народной демократии. А Косарь убедительно заканчивает свою «Новогоднюю» песню словами: «Вслед за нами встает за народом народ, Взят судьбу в свои крепкие руки...». Эти слова как бы перекликаются со строками другого стиха, подчеркивающего силу и мощь нашей Родины: «Глянь, как могучи народные плечи! Вечно крепка у народа рука Кто нашей поступи станет перечить? Сломим любого врага...».

(«Майская гостуль»).

Силой и уверенностью справедливого требования «мира во всем мире» дышат стихи второго цикла сборника «О мире». Здесь Родина-мать велит своим сыновьям: «Насегда стереть войны следы И в пустынях вырастить сады».

В стихотворении «Дождь» поэту удалось образно показать, как десятки, сотни тысяч советских людей крепят дело мира своим трудом. По стилистическому призыву стал на бесценную вахту мира народ-богатырь.

«У некла печей, среди грохота станов,

В любую погоду, огня не щадя, Хлопочет мой город всегда неустанно, Чтоб дети не знали стального дождя». Удачно создает поэт и образ великого зодчего коммунизма — Иосифа Виссарионовича Сталина.

«Песня о дружбе», «Кемерово», «Дорога друзей», «Поют шахтеры», пожалуй, лучшие стихотворения не только третьего цикла, но и всего сборника. Рассказывая о трудолюбивой и щедрой Кузнецкой земле, автор неустанно проводит мысль — все сокровища, все богатства нашей Родины созданы нашим творческим трудом, принадлежат нам, людям великой социалистической страны.

Советским людям, их творческому содружеству А. Косарь посвящает четвертый цикл сборника.

Молодость — основной герой этого цикла. Автор делает молодость достойным всех советских людей, независимо от возраста. В нашей стране, в стране победившего социализма «И молодость вернется Но всем, даже седым... ..В руках у коммунистов Мир будет молодым».

(«Дорога друзей»).

Эта неразрывная связь молодости, энергии и труда особенно ярко отражена поэтом в стихотворении «Люблю» Советская девушка заканчивает вуз.

Ее мечта осуществилась — а ее руках диплом горного инженера. Куда теперь? Аспирантура, научно-исследовательский институт или... шахта? Конечно, шахта! «На шахту, сердце, скорее веди! Да есть ли лучшее место на свете, Чем шахта?».

Алексей Косарь сумел здесь преодолеть обычную сугубо интимную любовную мишуру и раскрыть новое в отношении нашей молодежи. Его героиня признается любимому:

«В мечте и работе — везде буду равной С тобой, беспокойный, с тобой, неустанный».

Таково основное содержание нового сборника стихов Алексея Косаря. Однако следует указать на ряд существенных недостатков этого сборника.

При первом же ознакомлении с содержанием сборника резко бросается в глаза отсутствие новых произведений. Все опубликованное автором создано в прошлые годы. Самые поздние стихи датируются 1950 годом. Невольно напрашивается вопрос: уж не в творческом ли отпуске пребывает поэт вот уже целых два года? Конечно, нет! Так почему же в сборнике слабо отражены дела наших сегодняшних дней? Да потому, что А. Косарь замыкнулся в своей творческой лаборатории и отошел от героических будней сегодняшних дел.

Отсюда и главный недостаток сборника — отсутствие ярких образов наших современников. А. Косарь много уделяет внимания природе, машинам и за ними не раскрывает во чью шпирь обрел человека созидательного социалистического труда — строителя коммунистического общества. Стихотворение «Школа», в котором автор пытается показать образ передового сталевара, не выполняет эту задачу. В нем сталевар лишь бледно описывается автором, а как образ в строках стиха не возникает.

Имеется в сборнике немало недоработок поэтического характера.

В стихотворении «Утро» поэт не сумел найти должных средств для противопоставления формы и содержания. Так, считая необходимым усилить идейное значение второй строфы, он нарушает все поэтическое обаяние стиха. Выделенные из общей строфы строки терпят органическую связь с ним.

Много явно недоработанных строк можно найти и в стихотворении «Майская гостуль», где в 13 строке (стихе) вместо «стоНА» рифмуется «сто» с Волго-ДоНА, ничем не обоснованно употреблено «стоНОВ». В стихотворении «В пути» допущена досадная перестановка отдельных деталей, приведенная А. Косаря к технически неграмотному образу:

«Рельсы-струны звенят, ...Сыплют горсти огня».

Кроме этого, поэт иногда, не считаясь с основными поэтическими нормами построения стихотворной строфы, произвольно расширяет или сужает отдельные строки. Нарушенная этим ритмичность стиха приводит к совершенно нежелательным результатам — стихотворения становятся трудно читаемыми.

Столь же неправильным мы считаем и логико молодого поэта за рифмой в ущерб всей идейной и художественной стороне стиха. В одном лишь отрывке из поэмы «Подземный танк» автор допустил целый ряд подобных ошибок:

«А без тебя прошло Б7.
Он целовал Тамару в лоб».

Здесь же мы должны отметить нелитературный оборот: «ей-же-ей, она!». В стихотворении «Ответ убийцам», рифмуя слово «ручонки» со словами «орельские мальчонки», автор объединяет и слов язык, и упрощает образ орельского ребенка.

Есть ошибки и более мелкого значения. Так, говоря о том, что «тяжелее гор немыслима» для стойки, автор в ужасном продолжает: «чуть скрипит жалобно лесина».

По утверждению А. Косаря, можно записать в строевой корабельный лес и хрупкий кедр, ибо иначе нельзя понять смысла:

«Недрач — хоть ставь под паруса».

Несколько слов нужно сказать о небрежной работе редактора сборника. Редактируя «В краю сокровищ», тов. Бабаенц не учел уже упомянутого в адрес поэм А. Косаря замечания. Редактор не только не указал на ряд имеющихся недостатков, но и еще более усугубил отдельные шероховатости произвольной расстановкой точек и запятых, самостоятельным, без согласия автора, «местничным» расположением строк. Досадное недомоление вызывает неправильная группировка стихов в отдельные циклы. Так, «Сталевар» и «Дождь», написанные на тему борьбы за мир, исключены из цикла «О мире» и помещены в перегруженном цикле «Сердце Сибири».

Полную небрежность в техническом оформлении сборника проявил и технический редактор Н. Ангельский. Читателю необходимо ломать переплет для того, чтобы прочесть первые слоги стихотворных строк. Художественное оформление (художник Е. Смирнов) значительно ухудшено технически небрежным выполнением рисунков типографией.

Все эти досадные недоработки спланируют общее хорошее впечатление о первом сборнике стихов А. Косаря, свидетельствующего о значительном творческом росте автора.

Ф. МАЛЬЦЕВ,
преподаватель литературы
Кемеровского учительского
института.

Советский народ торжественно отметил 37-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Всенародный праздник Великого Октября явился новой могучей демонстрацией тесной сплоченности всех советских людей вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, нерушимого единения партии, правительства и народа.

Открытие памятника А. С. Пушкину

К середине морозного ясного дня 6 ноября в центре города Кемерово, на площади Пушкина, обрамленной высокими празднично наряженными зданиями, собрался многочисленный почтенный величайшего русского поэта. Здесь — представители коллективов предприятий, учреждений, учебных заведений, люди самых различных профессий и специальностей, безгранично любящие бессмертную пушкинскую музу.

В 13 часов 30 минут начинается митинг, посвященный открытию в Кемерово памятника Александру Сергеевичу Пушкину, заложенного в день 150-летия со дня его рождения.

Митинг открывает председатель Кемеровского горисполкома тов. Шушко. Он говорит:

— Могучий талант Александра Сергеевича Пушкина высоко ценит наш советский народ и народы всего мира. Имя Пушкина является гордостью великой русской нации, с его именем неразрывно связано развитие выдающейся русской литературы.

Пушкин был пламенным русским патриотом, выразителем передовых идей своего времени, певцом свободы. Голос его во всей своей могучей силе слышен и в наши дни. Мы и сейчас обращаемся к нему, как к нашему современнику.

В канун 37-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции разрешите мне открыть памятник любимому поэту нашего народа Александру Сергеевичу Пушкину.

Под торжественные звуки Гимна Советского Союза спадает на гранитные ступени голубое покрывало. Перед взорами присутствующих на высоком постаменте в знакомой позе фигура Пушкина. Наверное, вот так же, чуть склонив голову вперед, в привычном жесте поднимая руку, живой поэт произнес свои строки:

«Здравствуй, племя, младое,
незнакомое...»
За шесть месяцев до своей смерти он писал:

«Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа».
Дорога славы, любви и уважения
ведет в наше время к А. С. Пушкину.

Об этом говорит на митинге преподаватель литературы областной партийной школы тов. Кыков.

— Затаяв дыхание, слушает чудесные сказки Пушкина ребенок, еще не умеющий читать. Наизусть заучивает его дивные стихотворения, чтобы помнить их всю жизнь, школьник. С благоговением перелистывает странички пушкинского тома улюбленный седною старей. Пушкин особенно дорог как поэт глубоко национальный, как горячий патриот в самом высоком смысле слова, как обличитель и враг самодержавия и крепостничества.

В 20-х годах прошлого столетия Пушкин выступал как поэтический вожь декабристов, открывших новую эру революционного освободительного движения русского народа.

Пушкин дорог нам как родоначальник русской реалистической литературы. Его творчество дало множество тем, образов и приемов отображения действительности, которые получили дальнейшее развитие во всей русской литературе XIX и начала XX веков. Пушкин — первый из русских писателей прислушался к народной речи и указал единственно правильный путь формирования и развития русского литературного языка, богатейшего языка на земле.

Пусть же этот памятник, на открытии которого мы присутствуем, будет служить символом безграничной любви и уважения трудящихся г. Кемерово к величайшему сыну русского народа.

— Звонкой и широкой песней Пушкин посылал свой голос в отдаленное будущее, — говорит ученица 10-го класса школы № 41 Лида Малочкова, — И мы, советские люди, можем с полным правом ответить: Здравствуй, Пушкин, родной и близкий!

— Мы любим Пушкина так же, как оный любил народ, — сказал на митинге токарь-наладчик завода «Кузбассэлектромотор» тов. Шипицын. — Площадь

Пушкина в центре нашего города, памятник поэту — это выражение любви сибиряков к Пушкину.

Пушкин пришел туда, где при его жизни была глухая каторжная Сибирь. Старая Сибирь ожила, проснулась и молодеет с каждым днем. Жизнь в Сибири стала яркой, многогранной. Растут города, возникают новые улицы и площади, новые дворцы.

— Произведения Пушкина, — напоминает собравшимся главный инженер азотно-тукового завода тов. Цельм, — читаются на всех языках многонационального Советского Союза, во всех странах земного шара.

Мы, советские люди, чтим Пушкина прежде всего как великого патриота России. Он прославил высокий подвиг русского народа.

На митинге А. Косарь прочитал свое стихотворение, посвященное Пушкину, эпиграфом к которому взяты слова из пушкинского послания в Сибирь: «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление».

Труд наших предков не пропал,
Прошла кандалынные остроги
К свободе первая тропа
И в нашу светлую дорогу
Влилась навечно.

Так река
Рождается из ручейка,
И там, у первого истока
Ручья, что мощной стал рекой,
В тот век безжалостно жестокий
Средь чаш разбвта вековой
Родились пушкинские строки,
Чтобы сердца к свободе звать
И никогда не умирать.

Тов. Шушко объявляет митинг закрытым. Звучит Гимн Советского Союза.

К подножию памятника Пушкину делегации школ, предприятий и учреждений возлагают цветы, венки.

Книжные „базары“ в заводских цехах

Из года в год растет культурный уровень трудящихся. Советский рабочий повседневно повышает свои знания, любит и ценит искусство и литературу. Чтобы, приблизить книгу к рабочему покупателю, Кемеровский магазин № 1 облкниготорга еще в прошлом году провел несколько выездов на городские предприятия для торговли в красных уголках заводских цехов.

Первый опыт был проведен в красном уголке цеха № 1 коксохимического завода. Инициативу магазина активно поддержал заводской партийный комитет. В красный уголок была доставлена разнообразная литература: политическая, техническая, художественная, детская. Среди коксохимиков много мичуринцев. Для них были подобраны книги по садоводству и огородничеству.

Книжный киоск привлек внимание заводских рабочих. Торговля шла брйко. Было продано книг почти на 6 тысяч рублей. Здесь же оформлялась и подписка на собрания сочинений.

Работница отдела научно-технической книги З. Палисадова, ранее работавшая на коксохимическом заводе, тщательно, со знанием дела отобрала книги по технике и химическому производству и вела продажу непосредственно у рабочего места, переходя из цеха в цех.

О книжной торговле на коксохимическом заводе узнали трудящиеся других предприятий города. В магазин стали поступать заявки на проведение подобных книжных «базаров». Отвечая на эти заявки, мы провели еще шесть «базаров» в цехах заводов азотно-тукового, «Кузбассэлектромотор», «Карболит». Удачно прошел и повторный выезд на коксохимический завод.

Проведение книжных «базаров» на предприятиях города значительно улучшилось после создания при магазине совета содействия распространению книги. Совет содействия помог нам привлечь широкую общественность. Это превратило дни книжной торговли на предприятиях буквально в праздник книги.

Так, на прошедшем недавно «базаре» в железнодорожном цехе коксохимического завода перед покупателями выступали артисты областного драматического театра М. Д. Корсунская, Л. И. Кисловский и Р. Н. Семичева с чтением отрывков из произведений Ромен Роллана, Достоевского, Горбатова, на собрания сочинений которых тут же проводилась подписка. С чтением своих произведений выступили местные поэты А. Косарь и М. Небогатов.

После выступлений началась продажа книг. За 4 дня на «базаре» было продано различной литературы на 10 тысяч рублей.

26 марта такой же книжный «базар» открылся на заводе «Карболит».

С большим удовлетворением мы, работники книготоргового дела, отмечаем, как глубоко ценят и любят книгу рабочие наших заводов. Выезды с книгой непосредственно на предприятия помогают нам изучать всесторонние запросы рабочего читателя и в соответствии с ними подбирать литературу.

С наступлением летних дней магазин планирует проводить выездную торговлю книгами, кроме заводских цехов, в отдаленных от центра города поселках, во дворах крупных жилых домов. Собираемся мы выехать и в ближайшие к городу колхозы.

Е. ХОРОШКОВА,
директор Кемеровского
магазина № 1 облкниготорга.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС,
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 79 (8682).

Среда, 4 апреля 1956 г.

Год издания 35-й.
Цена 20 коп.

// Кузбасс, 1956, 4 апреля, с. 4.

День писателя в Кемерове

НА СНИМКЕ: торговля изданиями местных авторов.

Фото П. Костюкова.

В воскресный день, в центральном книжном магазине гор. Кемерова было необычайно оживленно. К 10 часам утра сюда собрались представители общественных организаций города, местные авторы, гости — писатель Сибири Анатолий Высоцкий, Елизавета Стюарт и Юрий Сальников, читатели. День писателя открыл заместитель начальника областного управления культуры В. Ф. Галкин. Затем выступили с чтением своих стихов поэты Елизавета Стюарт, Стихия Соколовская, Антонина Полозова, Алексей Косарь, Геннадий Молостнов и Михаил Небогатов.

После этого писатели и поэты заняли места за столиками, где возвышались стопки книг: только что вышедший из печати альманах «Огни Кузбасса» № 9, книги—Евгения Буравлева «Кладовискатели», Александра Пинаева «Встречи», Геннадия Молостнова «Весна», Михаила Небогатова «На берегах Томи», Владимира Измайлова «Широкая дорога», сборники стихов «Цветущая земля» и «На рассвете», Александра Бзерского «Рассказы о Кузбассе» и другие.

Сразу же к столикам стали подходить покупатели. У каждого автора нашлись читатели, которые, покупая книги, просили написать автографы.

За пять часов торговли было продано свыше 440 книг местных авторов.

31 августа местные писатели встретятся со своими читателями за книжными прилавками во Дворце культуры Кировского района, а 1 августа — в Рудничном районе.

И. АЛЕКСЕЕВ.

Областная библиотека
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС,
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 176 (8779).

Вторник, 31 июля 1956 г.

Год издания 35-й.

Цена 20 коп.

// Кузбасс, 1956, 31 июля, с. 3.

Вечер любителей книги

Когда начался этот вечер, первый вечер книги в Кемеровском клубе ГРЭС? Тогда ли, когда председатель совета содействия при книжном магазине № 1 т. Сушков сказал краткое вступительное слово, или часом раньше, когда в обоих крыльях просторного фойе открылась продажа книг? Так или иначе, разговор большой, теплый о новинках художественной литературы, о прочитанных книгах возникал тут же у книжных прилавков, между людьми, может быть, и не встречавшимися ранее. Всех их, свыше пятисот человек, привело сегодня сюда и сроднило одно чувство — любовь к книге.

С большим вниманием собравшиеся прослушали / содержательный доклад кандидата филологических наук Г. Ф. Свищевой о развитии советской художественной литературы. Поэты В. Измайлов, М. Небогатов и А. Косарь прочли со сцены свои стихи. Представитель книжного издательства И. А. Балибалов поделился творческими планами издательства. Член совета содействия при книжном магазине В. А. Шилов рассказал о намеченных советом мероприятиях по продвижению книги в массы, по укреплению связи с читателями.

В заключение артисты Ленинградской государственной эстрады дали большой концерт.

В антрактах между отделениями вечера продолжалась бойкая торговля книгами. Здесь было что приобрести. Трехтомник сочинений Л. Никulina, «На горах» Мельникова-Пе-

черокого, «За правое дело» Гроссманна и т. д. В большом выборе на вчерашней была представлена и детская литература.

У прилавка с местными изданиями, рядом с продавцами, встали поэты. Сборники стихов расходились бойко. Покупатели тут же делали свои замечания, говорили о том, что им понравилось и полюбилось, высказывали критические замечания. Многие захотели получить автографы авторов.

Любители книг приобрели здесь литературы на 5.300 рублей.

Интересно прошел вечер. В книге отзывов о работе магазина появились новые записи:

«Вечера книги должны стать постоянной традицией на предприятиях, в учебных заведениях и способствовать популяризации в массах советской и зарубежной литературы».

Группа работников завода «Кузбассэлектромотор» — технолог Молосканова, инженер Журавлева, сменный сборщик Гутова и другие записали предложения организовать вечера книги и выступления местных поэтов на заводе и тепло поблагодарили коллектив магазина № 1 облкниготорга за хорошую организацию вечера.

Секретарь партбюро завода стройдеталей т. Нагорный записал пожелание издательству и редакции — дать побольше книг, очерков, информации об истории родного города, об этапах его роста и планах дальнейшего развития.

П. ОСИПОВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС,
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 299 (8902).

Вторник, 25 декабря 1956 г.

Год издания 35-й.
Цена 20 коп.

// Кузбасс, 1956, 25 декабря, с. 4.

РАЗЫСКАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ...

(Алексей Васильевич Косарь, 1919 – 30.01.2010)

1. Информация с сайта <https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/342488/bio/>:

Годы жизни: 1919 – 30.01.2010

Категория: Сценарист

Фильмография: 1 работа в 1 проекте [1959 – В долинах Мрас-Су (документальный)]
Участник Великой Отечественной войны

Биография:

Косарь Алексей Васильевич

1919, село Русаловка, Черкасский уезд, Киевская губерния, УССР – 30 января 2010, Одесса, Украина

Фронтовик, инвалид войны, майор запаса.

Кемеровский журналист и поэт.

В 1969 году по состоянию здоровья переехал в Одессу.

последнее обновление информации: 03.04.21

Подробнее на Кино-Театр.РУ <https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/342488/bio/>

2. Информация с сайта <https://kino-cccp.net/publ/10-1-0-39458>

К, Сценаристы, СССР, Россия

Косарь Алексей Васильевич
1920 – 30 января 2010, Одесса
Фронтовик, инвалид войны, майор запаса.
Кемеровский журналист и поэт.
В 1969 году по состоянию здоровья переехал в Одессу.

Сценарист

1959 В долинах Мрас-Су (документальный)

3. С сайта <https://pamyat-naroda.ru/>

Косарь Алексей Васильевич. Орден Отечественной войны II степени
__.__.1919 Украинская ССР, Черкасская обл., Бугский р-н, с. Русаловка. Юбилейная картотека

1985

Документы о награждении

Косарь Алексей Васильевич
Орден Отечественной войны II степени

Документ в юбилейной картотеке

Дата рождения: __.__.1919

Место рождения: Украинская ССР, Черкасская обл., Бугский р-н, с. Русаловка

Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени

Номер документа: 81

Дата документа: 06.04.1985

Автор документа: Министр обороны СССР

Информация об архиве+

Косарь Алексей Васильевич

Год рождения: __.__.1919

Действия

Прошёл боевой путь в составе:

Нет данных

4. Информация с сайта <https://kp.ua/odessa/68793-peria-ostauitsia-ostrymy>
КП в Украине

ПЕРЬЯ ОСТАЮТСЯ ОСТРЫМИ

Фото Валерия Спрингиса.

13 января 2009 00:00

Наступивший 2009-й – это год 50-летия Национального Союза журналистов Украины (НСЖУ). Ветеранов журналистики в одесском офисе НСЖУ поздравляли с новогодними праздниками и Рождеством Христовым с особой теплотой.

Алексей Васильевич Косарь – ветеран СМИ, ветеран Великой Отечественной войны, руководитель первичной организации ветеранов НСЖУ Одесской области, Юрий Анатольевич Работин – председатель правления Одесской региональной организации НСЖУ, Василий Григорьевич Давиденко – ветеран СМИ, ветеран войны, полковник в отставке, старейшина журналистского корпуса Одесщины, директор народного музея УМВД в Одесской области (слева направо).

5. Информация с сайта

http://porto-fr.odessa.ua/index.php?art_num=art020&year=2009&nnumb=21

Номер 21 (966), 5.06.2009

«НЕ ТРОНЬТЕ ГРОЗНОГО ИСТОРИИ ЛИЦА»

С Алексеем Васильевичем Косарем мне удалось встретиться не с первой попытки: годы не молодые, здоровье подводит... Но главное, что вызывало недоумение ветерана Великой Отечественной и журналиста, посвятившего профессии больше чем полвека: «Почему именно со мной? В Одессе немало прекрасных многоопытных журналистов. А я никаких подвигов не совершал – ни в мирное, ни в военное время». Такая упорная скромность накануне своего 90-летнего юбилея только раззадоривала мою настойчивость, которая, наконец, была достойно вознаграждена: в руках у меня – две книги с дарственной надписью этого человека фантастической силы духа. Открою секрет: встречу ускорило моё сообщение о том, что работаю с подрастающим поколением, которое очень интересуется «правдой из первых рук» о прошедшем веке. Тут наши стремления совпали: ведь изданная два года назад книга Алексея Васильевича – о прошлом, но ради будущего, даже глава отдельная есть – «Наследникам». «Только вы познакомите с материалом до публикации? А то в одной статье меня таким героем представили. Запомните: никаких подвигов».

И ЭТА ЖИЗНЬ НЕ ПОДВИГ?

Помню, но... не послушаюсь. Одно издание поэмы-трагедии «Голодомор» – уже подвиг. Не перебивайте, Алексей Васильевич... Я читала её на одном дыхании, и в голове вызревал план исключительно цитатного очерка. Недаром ведь, как пишете вы в предисловии, «после посещения восьмидесяти с лишним стран всех континентов, встреч с украинцами и русскими людьми, разбросанными по всему Земному шару, мечтающими хоть перед смертью вернуться из «райских» стран на свою Родину», ваша драма, драма вашей семьи, «беды нашего великого многострадального народа» стали вам «ещё понятнее, а настойчивость осуществить задуманное и создать эпическое произведение уже не покидала» вас. Вот и начался невольный цитатный очерк: разве точнее вас скажешь?

Когда работа была закончена и выверено каждое слово, вы столкнулись ещё с одним испытанием: «Нигде в мире ... не доводилось встречать подобного «порядка», когда за свою работу автор должен... платить... Обычно у нормальных руководителей за труд писателя платят гонорар». Но в беспределе середины девяностых годов вы не отступились от задуманного, и книга «Тридцать второй обескровленный» увидела свет. Вернее сказать, свет наконец обрёл вашу книгу. И это не подвиг?

«Книга разошлась по Украине. В России дошла аж до Камчатки. Долетела до Америки. Одесские газеты ... напечатали о ней пространные положительные отклики. И только из родного села, о котором написана трагедия, ни словечка!».

Вас оскорбило отношение земляков, пригласивших вас на общее колхозное собрание. Этот колхоз «больше пятидесяти лет пользовался землёй, хозяйственными постройками, инвентарём и прочим добром, насильно и бесплатно отобранным у Косаря Василия и Косар Мариш, у их девятерых детей во время так называемого раскулачивания... сугубо середняцкого хозяйства. А теперь колхозное собрание решило, давать ли самому младшему из детей Косаря бесплатно какую-нибудь из двадцати с лишним пустующих в селе хат». Старые колхозники кричали из зала: «Дать!» Но ни один из руководителей «не нашёл в себе смелости и справедливости хотя бы поддержать» эти требования. Решено было «как бы в издёвку над инвалидом ... войны» выделить «хату, но на противоположном конце села, куда надо носить воду из чужого колодца. И сдать ему эту хату в наём, а не в собственность». Уехав из родного села чуть свет на попутке, вы всё-таки справились с чувством личной обиды и объективно, поднявшись над собственной болью, окинули с высоты духа и опыта суровую госпожу Историю очередной раз. Издали очередную книгу, признав, что ваше «предыдущее литературное творчество, начатое ещё до Великой Отечественной войны, ... книги ..., сборники стихов, песен и прозы, киносценарии отснятых в Киеве и Новосибирске фильмов, бесчисленные встречи с читателями – лишь подступы к созданию поэмы-трагедии «Голодомор». Потому что «очень велики и невозполнимы потери от голодомора, чтобы отделяться от него памятными крестами и разжиганием межнациональной вражды». И это – в наши-то

дни не подвиг?

А когда вы с отмороженными ногами отказались их ампутировать в военном госпитале, боролись за жизнь, выжили и исполнили то, о чём сказано выше, – и это не подвиг?

Вам было четырнадцать лет, когда вас из родного села бросили вместе с мамой и сёстрами в тесный грязный барак, где ютились пятьсот таких же семей, «раскулаченных», – строить Магнитку.

«Вся страна в страшнейшем перегибе. Корчатся народы, как на дыбе»... «Сталин дал безжалостный указ: уничтожить кулаков как класс!» – «в хлебопашество потомственно влюблённых»... – рассказываете вы в поэме-трагедии о том времени.

Кого называли «кулаками» в былые годы, уничтожая вместе с частной собственностью эту потомственную любовь к земледелию? На этот вопрос вы отвечаете потомкам отдельным абзацем, доходчивым и пронзительно искренним: «Корова, лошадь, две свиньи, пяток овец и телёнок, и душ одиннадцать семьи, где и ребёнок – без пелёнок, лишённый мало-мальских благ. Какой же он кулак и враг?»

Но перегибы и личная боль не лишили вас желания и умения видеть за малым великое. *«Распрости с женой, детьми, селом и в пустыне на протухшей рыбе вшей корми... Но разбуди в Турксибе первых поездов железный гром...».*

Величие страны, созданной ценой «перегибов», до конца оценят будущие историки. Не современные, и тем более – не продажные: *«Флюгера-перелицовщики! Не троньте грозного Истории лица. Не кощунствуйте. Не пустозвоньте. Все в долгу пред теми, кто на фронте и в тылу, на каторжной работе, шёл сквозь смерть к победе до конца»... «Никакие щедрые заботы не оплатят тот кровавый счёт».*

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Шум истории слышится со страниц книги любого автора (если он действительно автор, а не отъявленный конъюнктурщик). Голос Косаря в этом хоре выделяется ненавязчивым соло, к которому именно от его ненавязчивости тянет прислушаться: *«Мечты. Метания по свету. То слишком щедр. То снова гол. Нигде не зашибал монету. Не тем душа моя согрета. Кажись, объехал всю планету, но счастья так и не нашёл».*

Может быть, сегодня кому-то и странно читать откровения Алексея Васильевича о совести, чести, долге и справедливости. О тайной организации «ЮЗЗ» – юных защитниках земли, сильно напоминающих рождённых писательской волей Гайдара тимуровцев. О ветеране войны, вынужденном продавать от безысходности завоёванные в боях ордена и медали. О друге, *«специалисте высшей пробы»*, торгующем с лотка мёдом; о том, что не купить любимую автором Украину никакими заморскими «тачками» и подачками. Но если кому и странно, то лишь потому, что *«времена до дикости переменялись, доходя зачастую до абсурда»*: в великом сегодня всё чаще замечают лишь малое (чего стоит сведение молодогогердойской героини к нескольким пачкам украденных якобы сигарет!).

Нигде, кроме малой и большой родины, не мог найти счастья журналист Всесоюзной экономической газеты ЦК КПСС, объездивший по долгу службы всю Западную Сибирь и Алтай, проживавший на Севере, в Кишинёве и большую часть жизни по сегодняшней день – в Одессе, посетивший пять континентов в кругосветках на пассажирских круизных лайнерах. Перед встречей с далекой Австралией не спал целую ночь, по-мальчишески нетерпеливо в свои шестьдесят лет приставая к вахтенному матросу: скоро земля? А мифическая сказочная страна оказалась красивой картинкой, *«нагромождением вкусов и стилей, лишь бы побольше боссы платили»*. Здесь *«те же мещане, те же невежды»*, *«то же зловоние автомобилей»*, необычайная дороговизна, кабальные кредиты и... скала самоубийц, без шуток. Как объяснил автору сосед по палубе, *«хозяева Сиднея любят точность: кончай самоубийством свою жизнь не где попало, а в отведённом городскими властями достопримечательном месте»*, которое экскурсовод показывает за деньги туристам...

Как восхищались они, заокеанские туристы, гостеприимством русского экипажа, когда персонал после рабочего дня одаривал их в придачу к обязательному обслуживанию «душевным» самодеятельным концертом! Не привыкли там, в «городах жёлтого дьявола», к широте славянской души. Некоторые приобретали круизные билеты исключительно ради бесплатной и качественной советской медицины – так им выходило дешевле поправить своё здоровье. Глубоко запал в душу поэта и журналиста эпизод, когда молодая небедная особа, взяв в рейс свою престарелую маму на инвалидной коляске («Какая заботливая дочь», – подумалось автору поначалу), попросту уморила её голодом, не допуская в каюту врачей, заподозривших неладное. Более того, потребовала похоронить родительницу в море, дабы не расхотаться на похороны! Этот сюжет лег в основу одного из рассказов Алексея Васильевича.

Ограждения на пастбищах и полях в Австралии напоминали потомственному хлеборобу *«морщины и рубцы на лице земли»*. Раскулаченный в далёком детстве, он не мог равнодушно воспринять рассказ австралийца о том, как во время жестокой засухи фермеры застрелили полтысячи коров... «Отдали б соседям-островитянам, у которых трава выше человеческого роста, а есть нечего», – рассуждал наивный советский журналист, привыкший, что норма жизни – это помогать тому, кто слабее. Так поступала его страна по отношению к половине стран третьего мира. Так, считал он, было бы справедливо...

Судьба в целом была к нему справедливой и благосклонной, чем некоторые отдельные люди. Одно из доказательств такой благосклонности – встреча с любимой супругой, человеком талантливым, принципиальным, самостоятельным в решениях, касающихся её творческой профессии: Идея Несторовна Алиевская, выпускница Института кинематографии, много лет работала редактором Одесской киностудии. Поддерживая друг друга, Идея Несторовна и Алексей Васильевич много лет идут вместе по жизни, встречая и радости, и испытания.

Колесо фортуны бесславно бросило вниз большую страну, в становлении которой так активно участвовал наш герой, «не совершавший никаких подвигов». Он родился вместе с этой страной в переломном 1918-м (только не в октябре, а на майские праздники), вместе с ней испытал все проблемы и перегибы роста, радовался её величию, пережил её грандиозный крах и сегодня скорбит о потерянном и несохраненном: *«Растратив*

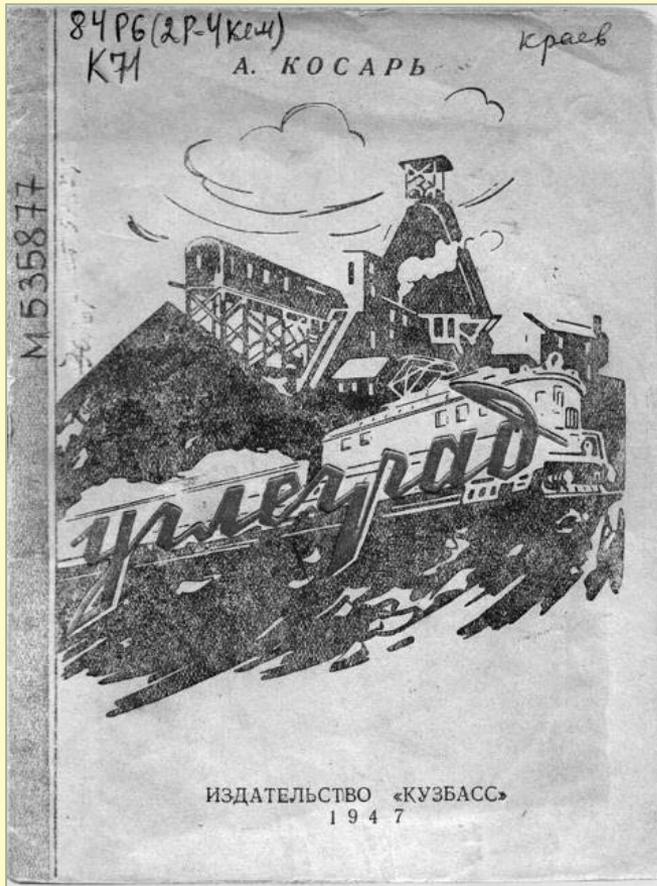
собранные кровью, бывшее очерняя бранью, мы катимся к средневековью, к пещерному существованию, сменив прекрасное, что было, на бред и визг больных дебилов. И, закрывая школы, сами, боясь взглянуть в глаза детей, прощенья ищем в Божьем храме за грех несправедных затей».

Но, повествуя, предупреждая, пророчествуя, неистребимо верит в возрождение духовных начал: *«Неповторимости ментальной страна, богатая на диво, неслыханно многострадальна, невиданно трудолюбива. ...И ты бессмертной вольной птицей опять сумеешь возродиться»...* Эти строки адресованы автором самым юным. Для того чтобы передать молодёжи свои мысли-завещания, Алексей Васильевич Косарь и согласился со мной встретиться.

«Меняются времена. Меняются люди. Но не может исчезнуть так почитаемая всеми людьми СПРАВЕДЛИВОСТЬ, как не исчезнет и сам род людской», – такими словами завершил он предисловие к своей главной книге.

***Поэму-трагедию
и другие книги А. В. Косаря
читала Ирина ДЕНИСОВА.***

ВМЕСТО ЭПИЛОГА – несколько фотографий

**Обложка книжки: А. В. Косарь.
«Углеград»: Поэма. –
Изд-во «Кузбасс», 1947 г.
Тираж 10 тыс. экз.**

**Участники совещания молодых
литераторов в Москве в апреле
1950 года: Александр Волошин,
Михаил Небогатов (сзади) и
Алексей Косарь.**

Книжный базар на Кемеровском коксохимическом заводе (по-видимому, 1956 год).

Свои книги представляют авторы (слева направо):

***Елизавета Стюарт (Новосибирск), Стихия Соколовская, Антонина Полозова,
Геннадий Молостнов, Алексей Косарь;***

***(стоят): Александр Волошин, ?, ? (возможно, Владимир Измайлов),
Михаил Небогатов и Иван Балибалов.***

Материалы для презентации подобрала и оформила Нина Инякина, г. Кемерово.
23 января 2022 года.